

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ
ССР

НАУЧНО-
ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

БАКУ—1970

В номере публикуются материалы IV Тюркологической конференции, созванной в Ленинграде 2—4 июня 1970 года Ленинградским отделением Института востоковедения Академии наук СССР в связи с 900-летием «КУТАДГУ БИЛИГ» Юсуфа Баласагунского.

یفا سوزلاک سوتیلنک زحقیقا
 قزاقیلقی تنکیز یفا سوزلاک کان
 یافا سوزلاک سوزخا یاس قیلور
 قزاقیرنی تود سا کور اوذنک سبور
 ییسا تود ساقسا بوبیلانی نرور
 بملکلیک کیلارات اوز یقیرتور
 ات اوز اولکی ییضا بوعوزدن کت
 بملک بملکوسی کورایکی نکل تدرور
 بیر تیل تدرور کور بیر سی بوعوز
 بملک لیک بوعوز نیل قاز کلک کرک
 بملک یزکشیل سبکا ییلانی انبار
 یافا سوز تدرور تخایشی بکان
 بکر سوزلا بوسیلنا اسخی بولور
 یافا سوزکا افنور اوزن سیرینور
 بوبیلانی تیلد کوم بوبیلانی تدرور
 بملک سیرلا افنور جانن سیرینور
 بوجان اولکوحین سوز فولان کت
 بوا یکی نیلا ارفیل انکل اوزور
 بوا یکی بسا نوتسا اسخی اوکور
 بوعوز تیل کت اوزکان بملک کرک

لیکولای آلی آلیقا

الیک ابدک اوقنوم بوسوز بملکولک
 قبودن زحقیق سوز قیوقا بجر
 یفا سوزلاک کونجا سوزلاک
 سوز اصلنی یفا اولنک اول اولک
 سوز ای پیروشکا ای بلیتر
 بکونیر او توشاغ بملک کرک

آی قادی جی وایلیکا

سوزا واکواف اول سوزا کوی سوزا دل	وای قادی جی سوزا وری سوزا دل
سوزا کوی سوزا دل	سوزا کوی سوزا دل

ایلیکا ایلیکا ایلیکا

سوزا کوی سوزا دل	سوزا کوی سوزا دل
------------------	------------------

آی قادی جی وایلیکا

سوزا کوی سوزا دل	سوزا کوی سوزا دل
سوزا کوی سوزا دل	سوزا کوی سوزا دل

ایلیکا ایلیکا ایلیکا

سوزا کوی سوزا دل	سوزا کوی سوزا دل
------------------	------------------

А. Н. КОНОНОВ

СЛОВО О ЮСУФЕ ИЗ БАЛАСАГУНА И ЕГО ПОЭМЕ „КУТАДГУ БИЛИГ“

Раскинувшиеся на обширной территории могущественные, но недолговечные тюркские империи VI—IX вв. — западнотюркский и восточно-тюркский каганаты — в результате внутренних неурядиц и нашествий внешних врагов распались, оставив для истории в первом случае только название, а во втором — знаменитые тюркские рунические памятники — бесценный исторический и лингвистический источник для изучения истории тюркских языков и народов.

Новое тюркское государство, положившее конец господству Саманидов и получившее с легкой руки В. В. Григорьева (1816—1881) в русской, а затем и в мировой науке название империи Караханидов¹, возникло на территории Восточного и Западного Туркестана в первой половине IX в. и просуществовало до начала XIII в. (840—1212).

До сих пор ещё нет единого мнения о том, к какому из тюркских племён принадлежали ханы, основавшие Караханидскую державу². По поводу племенной принадлежности Караханидов существует около десятка гипотез³. Однако в последнее время всё чаще склоняются к мнению, высказанному В. В. Григорьевым почти сто лет тому назад, что «...хаканы..., отнявшие Мавераннагр у Саманидов и водворившие там Караханидскую династию, были собственно *хаканы харлукские...*»⁴ Господствующим племенем в Караханидской державе, как теперь многими признается, были *карлуки*, точнее две карлукских ветви — *чигили* (джикили) и *ягма*⁵.

Чрезвычайно важное значение для истории культуры и идеологии Караханидской державы имело то обстоятельство, что в середине X в. караханидские турки приняли ислам. «Можно принять за верное, — писал В. В. Радлов, — что уже во второй половине X века ислам сделал большие успехи в восточной части уйгурского государства, и что вследствие этого те из уйгурских племенных князьков, которые приняли ислам, возвысились до царей над той частью этого государства, в которой господствующей религией был ислам»⁶.

¹ В. В. Григорьев. Караханиды в Мавераннагре по Тарихи Мунедджим-башы. СПб., 1874, стр. 6.

² См.: В. В. Бартольд. Соч., т. I, стр. 315; т. II, ч. 1, стр. 41 и сл., 127 и сл.; т. II, ч. 2, стр. 288—289, М., 1963.

³ O. Pritsak. Die Karachaniden. Der Islam. Bd. 31, № 1, 1954, стр. 21—22.

⁴ В. В. Григорьев. Указ. соч., стр. 59.

⁵ O. Прицак. Указ. соч., стр. 22.

⁶ В. В. Радлов. К вопросу об уйгурах. СПб., 1893, стр. 120.

Ислам — религия оседлого населения — постепенно распространялся и среди кочевников⁷.

Наши сведения об авторе «Кутадгу билиг», равно как и о его современнике и земляке, великом филологе Махмуде из Кашгара, к сожалению, до обидного скудны. Необъяснимой загадкой в культурной истории Кашгарии и Средней Азии является отсутствие как у современников, так и у позднейших биографов и библиографов сведений об этих двух выдающихся деятелях культуры. Это тем более странно, что многие их современники — поэты, не оставившие никакого следа в истории тюркской поэзии, упоминаются в различных библиографических справочниках. «Даже такой биограф, как Сам'ани Абу Саид (ум. 1113), посвятивший в своём труде «Китаб ал-ансаб» почти две страницы (470—472) перечислению почти никому неизвестных писателей, между прочим и писателей XI в. из Кашгарии, а также сотни страниц другим, еще менее известным писателям Средней Азии, не нашёл нужным хоть несколькими словами обмолвиться о «Диване» и его авторе (Махмуде Кашгарском. — А. К.)»⁸, равно как и об авторе «Кутадгу билиг».

Данные о биографии автора поэмы «Кутадгу билиг» состоят из намёков, разбросанных в поэме, и весьма кратких сведений, содержащихся в двух предисловиях к его сочинению, из которых одно — в прозе, а другое — в стихах. Причем уже давно существует предположение, с которым, правда, не все согласны, что оба предисловия написаны не автором «Кутадгу билиг», а кем-то другим⁹.

Наиболее подробные сведения о себе Юсуф Баласагунский сообщает в трех заключительных главах своей поэмы, которые, по мнению Р. Р. Арата¹⁰, хотя и принадлежат самому поэту, первоначально не входили в состав «Кутадгу билиг». Эти три последние главы называются: «Юсуф, сожалея о молодости, говорит о своей старости» (6521—6564); «Порочность эпохи и неверность друзей» (6565—6604); «Сочинитель книги, Юсуф, улуг хаджиб, самому себе даёт совет» (6605—6645). О своих преклонных годах Юсуф говорит в XI главе (350—397).

Согласно предисловию А (23—24), Юсуф родился в Баласагуне, известном также под именем Куз-орду (В, 57), местоположение которого до сих пор с достаточной достоверностью не установлено. Судя по косвенным данным, этот город следует искать в Семиречье, на берегах р. Чу, неподалеку от нынешнего города Токмака.

Город Баласагун упоминается в исторических сочинениях «в качестве резиденции первого завоевателя Мавераннахра Богра-хана Харуна б. Мусы (ум. в 382/992—993 г. н. э.)... Позже Баласагун, по-видимому, принадлежал обычно тому же правителю, что и Кашгар»¹¹. Последнее указание имеет весьма важное значение: Кашгар — один из культурных центров Восточного Туркестана — вместе с Баласагуном, который уже в

⁷ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. — Соч., т. I, М., 1963, стр. 315.

⁸ П. К. Жузе. Thesaurus Linguarum Turcorum. — Изв. Восточного факультета Азербайджанского госуниверситета. Востоковедение, т. II, стр. 28.

⁹ См.: С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 301—302. Предисловие по Каирскому списку переведено на русский язык С. Е. Маловым. См.: Указ. соч., стр. 234—235.

¹⁰ R. R. Arat. Kutadgu Bilig. I. Metin. Istanbul, 1947, стр. XLIII. Все цитаты из текста «Кутадгу билиг» и ссылки на поэму даются по этому изданию. Прозаическое предисловие к «Кутадгу билиг» у Р. Р. Арата обозначено литером А, предисловие в стихах — литером В.

¹¹ В. В. Бартольд. Соч., т. II, ч. 2, стр. 288—289; т. III, стр. 356.

середине X в. «рассматривался как мусульманский город»¹², являлись в XI в. восточными форпостами мусульманской учености.

Особую роль в культурной жизни этого края в ту пору играл Кашгар. Не случайно поэтому, что Юсуф, родившийся в Баласагуне, творил в Кашгаре: *bu kitabnı Kaşgar ilinde tükel kılıp* (A, 24—25) «эту книгу он закончил в стране Кашгар». Ср.: *bu Kaşgar ilinde koşulmuş temam* (B, 59) «эта [книга] составлена в стране Кашгар».

Работа над поэмой «Кутадгу билиг» — величественным памятником тюркской литературы и культуры, созданным Юсуфом, имя которого упоминается в поэме только один раз (бейт 6627), — была закончена в 462 г. хиджри (1069—1070 г. н. э.); эта дата указана автором в 6623 бейте: *yıl altmış iki erdi dört yüz bile* «лет шестьдесят два было, [да] четыре сотни ещё». По словам автора, он сочинил свою поэму в течение восемнадцати месяцев: *tükel on sekiz ayda aydım bu söz* (6624).

Юсуф Баласагунский в следующих выражениях представляет поэму (350 бейт): *kitab atı urdum kutadgu bilig / kutadsu okiglıka tutsu elig* «Имя книге я дал «Кутадгу билиг» / Читателю пусть она принесёт счастье и пусть [ему] укажет путь [в жизни]».

Что касается языка, на котором написана поэма, и ее достоинств, то автор предисловия, написанного в прозе, определяет их так: *çin-ü maçin 'alimleri ve hakimleri kamug ittifak boldılar kim meşrik vilayetinde kamug türkistan illerinde bugra han tilinçe türk luğatinçe bu kitabdın yaksırak hergiz kim erse tasnif kılmađı* (A, 12—15) «Ученые и мудрецы Чина и Мачина все согласны [в том], что в вилайетах Востока, в илях всего Туркестана на бограхановском языке, тюркскими словами лучше книги, кто бы то ни был, не сочинял».

«Бограхановскому языку» автора предисловия (A) у Махмуда Кашгарского, по-видимому, соответствует язык, названный им *хаканским* (Хакапиye), на котором, по его сведениям, говорил народ страны хаканидов. Этот язык, среди других тюркских языков, он считает самым чистым и самым приятным [на слух]. Жители городов Кашгарии говорили на *хаканско-тюркском* языке¹³.

По определению С. Е. Малова, «Кутадгу билиг» написана на *древнеуйгурском* языке¹⁴.

В поэтическом предисловии подчеркивается то важное обстоятельство, что *'arabça tejikçe kitablar öküş / bizing tilimizçe bu yumğı ukuş* (B, 73) «На арабском и таджикском языках книг много / На нашем языке это [впервые собранная] воедино мудрость».

Слово «впервые», добавленное в скобках, как отсутствующее в тексте, подсказывается контекстом этого бейта. Однако едва ли можно предположить, что такое совершенное по форме, глубокое по содержанию и обширное по объёму сочинение явилось плодом первого опыта, *не имевшего предшественников в тюркской поэзии* и основывающимся целиком на достижениях иноязычной — арабской и персидской поэзии.

Поэма Юсуфа Баласагунского, как явствует из ее названия — «Кутадгу билиг» (<*Кут-а-т-гу бил-иг*) «Знания, приносящие счастье», или «Знания, дающие счастье», или же «Знания, делающие [человека] счастливым», — является назидательным, *этико-дидактическим* сочинением,

¹² В. В. Бартольд. Указ. соч., стр. 356.

¹³ *Besim Atalay. Divanü lûgat it-türk*, I, стр. 30.

¹⁴ С. Е. Малов. Мир Алишер Навои в истории тюркских литератур и языков Средней и Центральной Азии. — Изв. АН СССР», ОЛЯ, 1947, № 6, стр. 478.

написанным с целью указать человеку путь, ведущий в обоих мирах к счастью. Книга рассчитана на высокообразованного читателя-слушателя.

Как явствует из обоих предисловий к поэме, Юсуф преподнес свою поэму «Царю Востока Тавгач Богра-хану» (А, 25—26) или «Хану ханов Тавгач-Кара-Богра-хану» (В, 60)¹⁵, полное имя и титул которого звучали так: Тафгач-Богра-Кара-хакан Абу Али Хасан, сын Сулеймана Арслан-Кара-хакана¹⁶.

Богра-хан в знак благодарности пожаловал поэту высокое придворное звание хасс-хаджиб'а (А, 27; В, 62), которое в следующей строке (А, 28) дополнено словом «улул» и звучит как «улул хасс-хаджиб»: «Поэтому [т. е. в результате пожалования ему этого звания] во [всем] мире распространилась [о нем] слава-молва [как] о Юсуфе, улул [великом] хасс-хаджиб'е (Jusuf ulug has hacib, А, 28)»; в тексте поэмы это звание приводится в написании *ulug hacib* (бейт 2436 и след.). Упомянутое звание в современном понимании примерно соответствует «министру двора». Человеческие качества, коими должен обладать его носитель, подробно и обстоятельно описаны в поэме (бейты 2435—2524). «Среди должностей — самая тонкая — должность хаджиба» (2484). «Для хаджиба нужны десять качеств (*peng*): острый глаз, чуткое ухо, щедрое сердце, [приятное] лицо, [хорошая] одежда, [высокий] стан, [приятная] речь (язык), разум, ум, знание» (2487—2488).

Улул хаджиб — всевидящее око бека; он наблюдает за исполнением законов и обычаев, входит в сношения с казначеем, писцами, ремесленниками, принимает и провожает послов, наблюдает за правильной организацией официальных церемоний, выслушивает просьбы и жалобы бедняков, вдов и сирот, докладывает о них беку...

В период создания своей поэмы Юсуф был уже далеко не молод. В 371 бейте он говорит о себе: *bodum erdi ok teg köngül erdi ya / köngül kilgu ok teg dodum boldı ya* «Мой стан был подобен стреле, сердце было луком / Сердце [теперь] надлежит уподобить стреле, стан мой стал луком».

По подсчётам Р. Р. Арата, когда поэма была закончена, автору её было приблизительно пятьдесят четыре года¹⁷. Если это верно, значит он родился в 1015—1016 г. н. э. По мнению А. Дильачара, Юсуф родился около 1010 г. н. э., приступил к сочинению поэмы в возрасте пятидесяти лет, в 1068 г. н. э. отправился в Кашгар, где в течение восемнадцати месяцев работал над сочинением поэмы и в следующем — 1069—1070 г. н. э. преподнёс её хакану¹⁸. Согласно этому исчислению получается, что Юсуф работал над своей поэмой до переезда в Кашгар почти восемь лет.

Этико-моралистические сочинения были давно и широко известны на Востоке, а потому естественно предположить, что у Юсуфа Баласагунского имелись предшественники. Однако пока что, до новых счастливых находок, «Кутадгу билиг» является первым и пока единственным сочинением на тюркском языке, основанным на мусульманской идеологии и пропагандирующим эту идеологию.

Взаимосвязанность культур и идей, в том числе и, быть может в первую очередь, этико-моралистических идей, основывающихся на религиозной идеологии, представляется бесспорной истиной.

¹⁵ «С 459/1067 г. мы на монетах Караханидов встречаем титул Малик ал-машрик ва-с-син Царь Востока...». См.: В. В. Бартольд. Соч., т. II, ч. 1, стр. 46.

¹⁶ В. В. Бартольд. Богра-хан, упомянутый в «Кутадгу билиг». — Соч., т. V, стр. 420.

¹⁷ R. R. Arat. Kutadgu bilig. Islâm Ansiklopedisi 5. Cilt, II. Kısım. İstanbul, 1950, стр. 1038.

¹⁸ A. Dilâçar. Kutadgu Bilig'in 900 yıldönümü (1069—1969) ve Balasagun'lu Jusuf. — «Türk Dili», № 211, Nisan 1969, стр. 7—8.

Несмотря на разнообразие тематики, основная идея «Кутадгу билиг», чётко выраженная в заглавии, могла привлечь к себе внимание во всем мире. Это общечеловеческое содержание поэмы нашло своё яркое выражение в следующих словах автора прозаического предисловия, который, по существу, говорит об интернациональном характере «Кутадгу билиг»: «Эта книга очень ценна; она украшена изречениями мудрецов Чина, она расцвечена стихами улемов Мачина» (А, 8—12). И далее: «Когда эта книга доходила до какого-нибудь падишаха или до какой-либо страны, то, по причине её необычайных достоинств и её чрезмерной красоты, мудрецы и учёные [тех стран] признавали [её высокие достоинства] и каждый из них давал ей различные имена-названия: ученые Чина называли её Edebü'l—müluk «Правила благочестия царей», мудрецы царей Мачина — Amin ü 'l—memleke¹⁹ «Благополучие государства», учёные Востока — Zinetü 'l—ümeга «Украшение эмиров», учёные Ирана — Şahname-i Türkî «Тюркская книга царей», а некоторые другие называли её Pendname-i müluk «Книга советов царям», туранцы же дали ей имя Kutadgu bilig «Знания, приносящие счастье» (А, 15—23).

По-видимому, речь здесь идёт не столько о популярности самой поэмы «Кутадгу билиг», сколько о широком распространении сочинений подобного жанра.

«Кутадгу билиг» состоит из 6520 бейтов, разделённых на 85 глав (bab); кроме того, поэма имеет три приложения, содержащих 124 бейта, разбитых на три главы. Основная часть поэмы написана в форме двустихий месневи, арузом, *сокращённым* мутакарибом размером fa'ülun fa'ülun fa'ülun fa'ül; первое приложение (6521—6564 бейты) написано *полным* мутакарибом: fa'ülun fa'ülun fa'ülun fa'ülun.

При всей своей моралистической направленности «Кутадгу билиг» не является и не может считаться, как иногда на этом настаивают, книгой сухих этико-дидактических наставлений и поучений.

«Кутадгу билиг» — философское произведение, в котором анализируется смысл и значение человеческой жизни и определяются обязанности и нормы поведения человека в обществе; при этом Юсуф не боится критиковать общество, в котором он сам живёт.

Автор «Кутадгу билиг», изображая идеальные условия жизни человека, что является его основной целью, касается в известной мере и того круга людей, среди которых он жил и, таким образом, приближается к реальной жизни. При этом следует обязательно иметь в виду, что Юсуф Баласагунский был прежде всего поэтом, а потому не следует искать в его поэме точного отображения повседневной жизни современного ему общества. И тем не менее сквозь поэтическую оболочку, через вуаль иносказаний проглядывает повседневная жизнь людей того времени. В своих поучительных иносказаниях Юсуф мысленно проецирует идеальные образы людей на фон, состоящий из людей невыдуманных, живых.

Юсуф Баласагунский объявляет себя, в соответствии с духом идеологии своего времени, воинствующим мусульманином.

Наряду с общемусульманскими идеями, которые он мог почерпнуть из многочисленных мусульманских сочинений, автор «Кутадгу билиг» широко использует для своих дидактических целей народную мудрость, устное поэтическое творчество тюркских народов, пословицы, поговорки, крылатые слова и т. п.

¹⁹ Так в Каирской рукописи; в Наманганской рукописи — ayinü'l—memleke «Глаза государства».

✓ Тюркская эпическая традиция сказалась и на выборе имен героев поэмы: Кунтоғды «Солнце взошло», Айтолды «Полная луна»²⁰. Традиционные мотивы тюркского эпоса напоминают имена и двух других основных действующих лиц поэмы: Өгдүлмиш «Достохвальный» и Одгурмыш «Пробуждающий».

Характерно, что герои «Кутадгу билиг» носят *чисто* тюркские имена, хотя в книге все время слышатся отзвуки гениальной поэмы Фирдоуси «Шах-наме» в постоянно упоминаемых иранских именах: Ануширван, Феридун, Рустам, Афрасиаб и др.

Основная идея «Кутадгу билиг» зиждется на четырех принципах (пенг):

1. Твердый, правильный закон (köni törü), который олицетворяет правитель Кунтоғды;
2. Счастье (kut) — его олицетворением является справедливый везир Айтолды;
3. Разум (ukuş) — его олицетворяет сын везира Өгдүлмиш;
4. Конец жизни ('akıbet) — его представляет отшельник, брат везира Одгурмыш.

В Наманганской рукописи эти четыре принципа выражены арабско-мусульманскими терминами: 1. Adil; 2. Devlet; 3. Akil; 4. Qanaat.

В первых главах поэмы разъясняются общие положения ислама. Будучи правоверным мусульманином, Юсуф вместе с тем является истинным представителем своего племени и народа, что проявилось хотя бы в употреблении им тюркских слов: ugan, bayat, tãŋri вместо Allah; jalavaç, savçı вместо peygamber; tört aş вместо sahabе и др.

✓ В VI, VII, IX, X главах Юсуф кратко излагает своё восприятие мира, опирающееся на: 1) знание, 2) язык — величайший дар человеку от бога, 3) добрые дела.

Превыше всего Юсуф ставит *знание*, с которым он связывает все человеческие достоинства; знание отличает человека от животного: Bilig bil kişi bol bedütgil özüng / Ya yıldı atangıl kişide уга «Приобитай знания, будь человеком, возвышай себя! / Или назовись животным, удались от людей!»

В поэме даётся описание качеств, необходимых везиру, военачальнику, хаджибу, секретарю, послу, писцу, казначею, повару, виночерпию, учёному, лекару, толкователю снов, магу, звездочету, купцу, скотоводу, ремесленнику и многим другим.

Не исключено, что Айтолды, олицетворяющий счастье, и Өгдүлмиш, олицетворяющий разум, представляют в поэме самого Юсуфа и выражают его идеалы, его мироощущение и мировоззрение²¹.

Хотя достоверно неизвестно под воздействием каких факторов и обстоятельств написана поэма «Кутадгу билиг», можно предположить, что ими могли быть политические смуты, сотрясавшие в ту пору Караханидскую державу. Возможно, что Юсуф Баласагунский ощущал настоятельную необходимость в создании новой морально-этической основы для раздираемого неурядицами общества.

²⁰ Подробнее см.: А. А. Валитова. К вопросу о фольклорных мотивах в поэме «Кутадгу билиг». — «Советское востоковедение», 1958, № 5, стр. 88—102.

²¹ R. R. Arat. Kutadgu Bilig. I. Metin. Istanbul, 1947, стр. XXIII—XXIV.

* * *

Поэма Юсуфа Баласагунского «Кутадгу билиг» дошла до нас в трёх рукописях.

1. Венская (Гератская) рукопись — первая из известных — переписана в Герате в 1439 г. н. э. *уйгурскими* буквами со списка, писанного арабским письмом. То, что рукопись выполнена небрежно, по-видимому, свидетельствует о том, что экземпляр, с которого она переписывалась, был плохой сохранности, содержал графические ошибки. В этом списке, по утверждению Р. Р. Арата, отсутствуют бейты 197—228, 6304—6351, 6521—6604; страницы, содержащие бейты 2739—3473, пропущены, вероятно, при брошюровке.

Дата (185, 26—27): «Tükendi kutadgu [bilig] kitabı tırh sekiz [yüz] kırk üç yıl-ta koy yıl muhar(r)em ay-ning tört-i herü-te = Закончена [книга] «Кутадгу [билиг]» в восемь [сот] сорок третьем году, в год овцы, в четвертый [день] месяца мухаррема, в Герате». 4 мухаррем 843 г. хиджри соответствует 17 июня 1439 г. н. э.²²

Если признать, пишет Р. Р. Арат, что в 37 бейте касыды, состоящей из 38 бейтов и приложений к поэме (186₁—189₃), содержится указание на имя переписчика, то им следует признать человека по имени Hasan Kağa Sa'îl (?) Şems²³.

Эта рукопись каким-то образом из Герата попала в г. Токат (Турция), а затем, как явствует из записи, сделанной на л. 189, 15—18 «в восемьсот семьдесят девятом году х., в год змеи (=1474 г. н. э.) из Токата она была выписана в Стамбул Fenarî-zade Kadı Ali для Abdürrezzak Seyh-zade Bahşı»²⁴.

В дальнейшем рукопись, по-видимому, переходила из рук в руки; на л. 190, 13—14 сделана следующая приписка: «Мы купили [её] у Налбанда Хамзы; рядом с пятничной мечетью Муллы Хайреддина; свидетель: Ходжа Хаджи, деллаль [посредник]»²⁵.

Спустя многие годы, австрийский учёный Иосиф фон Хаммер-Пургшаль (1774—1856), находясь в 1796 г. на дипломатической службе в Стамбуле, купил эту рукопись у букиниста и передал её в Венскую Королевскую библиотеку²⁶.

Венская (Гератская) рукопись впервые была издана венгерским учёным Г. Вамбери, а затем русским тюркологом В. В. Радловым. В 1942 г. Турецкое лингвистическое общество (Türk Dil Kurumu) издало факсимиле этой рукописи.

2. Каирская рукопись, писанная арабским письмом, была обнаружена в 1896 г. в Каире в Хидивской библиотеке её директором, немецким учёным Морицем. Экземпляр дефектный: многие бейты в нем отсутствуют. Судя по имеющимся на рукописи надписям, она принадлежала последовательно целому ряду лиц²⁷. Эта рукопись также была издана В. В. Радловым. В 1943 г. Турецкое лингвистическое общество издало её факсимиле.

3. Наманганская (Ферганская) рукопись — самая совершенная из известных рукописей «Кутадгу билиг» — написана арабским письмом. Она была обнаружена А.-З. Валидовым (ныне профессор Стамбульского университета Ahmet-Zeki-Velidi Togan) в 1913 г. в г. Намангане, в

²² R. R. Arat. Kutadgu bilig. I. Metin. Istanbul, 1947, стр. XXXIV.

²³ Там же.

²⁴ Там же, стр. XXXIV—XXXV.

²⁵ Там же, стр. XXXVI; ср.: А. Дильчар. Указ. соч., стр. 15.

²⁶ А. Дильчар. Указ. соч., стр. 15.

²⁷ Р. Р. Арат. Указ. соч., стр. XXXVIII—XXXIX.

библиотеке частного лица по имени Мухаммед-ходжа-ишан Лоляриш²⁸. Эта рукопись, на некоторое время утраченная для науки, вновь была обнаружена узбекским ученым Фитратом, опубликовавшим в 1925 г. заметку о ней²⁹. В конце 1928 г. Фитрат опубликовал несколько отрывков из этой рукописи в своей книге «Узбек адабиёти намуналари»³⁰. В настоящее время Наманганская рукопись хранится в Институте востоковедения АН УзССР (Ташкент, инв. № 1809). В 1934 г. Академия наук СССР подарила фотокопию этой рукописи Турецкому лингвистическому обществу, которое в 1943 г. издало её факсимиле³¹.

По утверждению С. Е. Малова, сопоставление этих рукописей «Кутадгу билиг» выявляет следующую картину: обе версии арабского письма, т. е. Каирская и Наманганская рукописи, «близки между собой, а уйгурская (т. е. Венская, или Гератская) редакция в большинстве случаев от них разнится. За уйгурской остаётся только значение редкого большого памятника уйгурского письма мусульманской культуры. Для критики же текста все более и более выступает значение рукописей К[аирской] и Н[аманганской] — арабского письма»³².

Несколько иного мнения придерживается турецкий филолог Р. Р. Арат, который писал: «Хотя ещё рано судить о связях друг с другом наличных рукописей, однако уже можно сказать, что *Каирский* и *Венский* (Гератский) списки — по сравнению с Наманганским (Ферганским) списком — ближе друг к другу»³³.

В начале Венского (Гератского) и Каирского списков имеется предисловие, написанное прозой, за которым следует предисловие в стихах, а затем перечень глав и, наконец, — сам текст «Кутадгу билиг». В Наманганском (Ферганском) списке поэтического предисловия нет; за предисловием в прозе следует оглавление, затем — текст.

Первое добавление к «Кутадгу билиг» — *стихотворное предисловие* (77 бейтов) — содержит некоторые сведения о поэме и ее авторе. Вместе с тем оно, по мысли автора, призвано также пояснить важнейшие положения поэмы. Стихотворное предисловие, по мнению Р. Р. Арата, с точки зрения его языка, за исключением некоторых терминов и выражений, в целом очень близко к тексту «Кутадгу билиг».

Предисловие в прозе (38 строк) также не содержит указаний ни на место, ни на время его составления. По весьма правдоподобию предположению Р. Р. Арата, прозаическое предисловие, судя по языку и стилю, было составлено позднее³⁴.

Оба предисловия, как видно из упоминаемых в них географических названий, были написаны где-то к западу от Кашгара. Можно предположить, что этим местом мог быть Самарканд — важнейший центр тюркской мусульманской культуры того времени³⁵.

Вопрос о том, каким алфавитом пользовался Юсуф Баласагунский при написании поэмы «Кутадгу билиг», много раз обсуждался исследова-

²⁸ А.-З. Валидов. Восточные рукописи в Ферганской области. — ЗВОРАО, т. XXII, вып. III—IV, 1915, стр. 312.

²⁹ «Маариф ва оқутғучи». Тошкент, 1925, № 2, стр. 68—74.

³⁰ «Узбек адабиёти намуналари». Самарканд—Ташкент, 1928, I, стр. 79—87, 169; (См.: С. Е. Малов. Из третьей рукописи «Кутадгу билиг». — «Изв. АН СССР», отделение гуманитарных наук, 1929, № 9, стр. 737).

³¹ Подробнее см.: Р. Р. Арат. Указ. соч., стр. XXXVI—XXXVIII.

³² С. Е. Малов. Указ. соч., стр. 754.

³³ Р. Р. Арат. Указ. соч., стр. XXXI.

³⁴ Р. Р. Арат. Указ. соч., стр. XXVIII—XXX; ср.: С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 301—302.

³⁵ Р. Р. Арат. Указ. соч., стр. XXXI.

телями. Если принять во внимание, что в XI в. Кашгар был тесно связан с ближайшим исламским окружением и что исламской литературой здесь значительно раньше уже были завоёваны довольно прочные позиции, то следует думать, что тюрки в эту эпоху наряду с уйгурским алфавитом пользовались и арабским письмом. Известно, например, что в Яркенде тогда деловые бумаги писались как уйгурским, так и арабским письмом.

Юсуф Баласагунский, в силу своей высокой образованности, что явствует из каждого бейта его поэмы, безусловно, был в состоянии пользоваться обоими алфавитами.

В. В. Радлов пишет: «Как уроженец города Баласагуна (в Семиречье), автор (т. е. Юсуф. — А. К.) первоначально написал свою поэму арабскими буквами, вне влияния уйгурского письменного языка, но поэма подверглась этому влиянию в Кашгаре, где была закончена и поднесена хану, который велел переписать её, для распространения в народе, уйгурским алфавитом»³⁶.

Первое издание и перевод «Кутадгу билиг» на немецкий язык осуществил Г. Вамбери³⁷. Затем в результате многолетних исследований В. В. Радлов издал текст поэмы и ее перевод также на немецкий язык по Венской и Каирской рукописям³⁸.

Сводный транскрипционный текст «Кутадгу билиг» по трём рукописям составил и издал Р. Р. Арат³⁹; ему же принадлежит перевод поэмы на турецкий язык⁴⁰. Подготовленные им историко-филологические примечания к «Кутадгу билиг» и Словарь поэмы, к сожалению, из-за кончины Р. Р. Арата (1964), пока не изданы. Над составлением критического текста и перевода «Кутадгу билиг» на русский язык в течение ряда лет работает советская исследовательница А. А. Валитова⁴¹.

* * *

Юсуф Баласагунский, как это с полной очевидностью устанавливается из его поэмы, был выдающимся поэтом, высокообразованным человеком, многомудрым знатоком человеческой души, философом, учёным-энциклопедистом, стихотворцем, владевшим всеми тонкостями арабской и персидской поэзии и тюркского фольклора; он был сведущ в астрономии и математике, в медицине и элоквиции, в игре в шахматы и народных спортивных играх, в охоте и птицеводстве и во многом, многом другом.

«Кутадгу билиг» — дидактическая поэма, жанр которой уходит в глубочайшую древность. Этот жанр был известен древним египтянам, индийцам, а позднее и европейцам, которые в эпоху Ренессанса, т. е. почти пять веков спустя после «Кутадгу билиг», для выражения тех же

³⁶ В. В. Радлов. Турфанские тексты в лингвистическом отношении. — ЗВРАО, т. XXI, 1911—1912, стр. XV—XVI; С. Е. Малов. Указ. соч., стр. 224, 299; Р. Р. Арат. Указ. соч., стр. XXXII.

³⁷ H. Vambery. Uigurische Sprachmonumente und das Kudatku Bilik. Innsbruck, 1870. — В 1317 г. хиджри (1899—1900 г. н. э.) знаменитый турецкий лексикограф и литератор Шемсеттин Сами немецкий перевод «Кутадгу билиг», выполненный Г. Вамбери, перевел на турецкий язык, который, однако, не был издан. A. S. Levend. Kutadgu Bilig. — «Türk Dili», № 211, Nisan, 1969, стр. 5.

³⁸ W. Radloff. Das Kudatku Bilik des Jusuf Chasshadschib aus Balasagun. Theil II. Text und Übersetzung nach den Handschriften von Wien und Kairo. St.-Pbg., 1900—1910.

³⁹ R. R. Arat. Kutadgu Bilig. I. Metin. Istanbul, 1947. Об этом издании см.: А. А. Валитова. К изданию критического текста и перевода «Кутадгу билиг». — КСИНА, XLIV, 1961, стр. 77—88.

⁴⁰ R. R. Arat. Kutadgu Bilig. II. Tercüme. Ankara, 1959.

⁴¹ А. А. Валитова. К изданию критического текста и перевода «Кутадгу билиг». — КСИНА, XLIV, 1961, стр. 77—88.

идей пользовались формой «зерцал», отображавших условия их жизни. Вспомним хотя бы у французов *Miroir des Princes*, у англичан *Mirror of Princes*, у немцев *Fürstenspiegel*.

Следовательно, в «Кутадгу билиг» нашли своё выражение идеи, давно волновавшие многие народы.

Изучение «Кутадгу билиг» в нашей стране началось с издания текста и исследования этого памятника В. В. Радловым (1890; 1900—1910) и продолжалось в изысканиях С. Е. Малова, А. Н. Самойловича и других советских тюркологов⁴².

Значение этого памятника в лингвистическом, литературоведческом, историческом и культурно-историческом отношениях весьма велико, а потому крайне необходимо обеспечить расширение масштабов и углубление его исследования. Очень важно также перевести этот драгоценный памятник языка, литературы и культуры XI в. на русский язык, сделав его тем самым доступным для всех народов СССР.

⁴² Следует отметить диссертацию и ряд статей, посвященных «Кутадгу билиг», которые принадлежат перу А. А. Валитовой. Изучением грамматического строя поэмы в последние годы занимались: А. М. Щербак (Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. М.—Л., 1961), Г. А. Абдурахманов (Исследование по старотюркскому синтаксису. XI век. М., 1967), К. Каримов (Категория падежа в языке «Кутадгу билиг». АКД. Ташкент, 1962), У. Асаналиев, К. Аширалиев (Языковые особенности памятника «Кутадгу билиг». Фрунзе, 1965 (на кирг. яз.), А. С. Аманжолов (Глагольное управление в языке древнетюркских памятников. М., 1969).

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

Н. А. БАСКАКОВ

РОЛЬ УЙГУРО-КАРЛУКСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА КАРАХАНИДСКОГО ГОСУДАРСТВА В РАЗВИТИИ ЛИТЕРАТУРНЫХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Для глубокого изучения истории развития литературных тюркских языков необходим не только тщательный анализ конкретных памятников, но и синтетический, обобщающий обзор общего процесса развития литературных тюркских языков. Только при этом условии можно определить вопросы, заслуживающие особого внимания при конкретном анализе.

Основная цель настоящей статьи заключается в установлении процесса развития всех средневековых, главным образом среднеазиатских литературных тюркских языков, значительное влияние на которые оказал литературный язык с уйгуро-карлукской основой, получивший наибольшее развитие при Караханидах. Классические образцы этого языка представлены в «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского и «Дивани лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгарского. В первом из них нашла отражение литературная традиция, во втором — диалектная дифференциация народного языка, а в диалекте хаканских тюрков — и живая народная речь¹.

Большинство литературных тюркских языков, объединенных обычно термином «тюрки», представляли собой локализованные варианты этого единого языка, которые в процессе исторического развития приобретали постепенно все более углубляющиеся характерные черты сформировавшихся позднее национальных тюркских языков.

Изучение истории тюркских литературных языков средневековья привлекает внимание многих тюркологов как в Советском Союзе, так и за рубежом. В последние десятилетия опубликован целый ряд тюркоязычных литературных памятников, вышло в свет много специальных исследований по истории тюркских литературных языков средневековья. Изучение истории развития этих языков значительно продвинули работы Ф. Кёпрюлю, А. Н. Самойловича, А. Бомбачи, Я. Экмана, А. К. Боровкова, Э. Н. Наджиба, А. Н. Кононова, А. Джафароглу, А. А. Зайончковского, С. Н. Иванова, Э. Фазылова и других исследователей. Недавно вышел из печати второй том *Philologiae Turcicae Fundamenta*, посвященный общей истории древних и новых литератур тюркских народов².

¹ Здесь и далее имена авторов и названия памятников даются в упрощенной русской транскрипции.

² *Philologiae Turcicae Fundamenta*, II. Wiesbaden, 1966.

Проблема истории тюркских литературных языков еще до конца не разрешена. Не создано пока специального исследования, посвященного сложному вопросу эволюции всех разветвлений этих языков, получивших с XI в. широкое распространение на территории Средней Азии, Переднего Востока и европейской части СССР. То же самое можно сказать и о некоторых стилистических разновидностях этих языков.

Известны два древнейших центра возникновения самой ранней рунической письменности: первый — на Западе, где образцы рунического письма гуннов, болгар, хазаров, печенегов, по-видимому, и древних венгров, сохранились в виде отдельных фрагментов на предметах быта, на стенах и каменных плитах, и второй — на Востоке, где широкую известность получили ныне достаточно хорошо изученные памятники енисейско-орхонской письменности древних огузов, древних киргизов и древних уйгуров, дошедшие до нас главным образом в виде надгробных надписей.

Однако руническая письменность носила специфический характер, благодаря чему прямых преемников в истории развития средневековых тюркских литературных языков не имела. Поэтому единственным из древних рукописных тюркских языков, связь и преемственность с которым в какой-то степени сохранили средневековые литературные тюркские языки или, вернее, единый средневековый литературный тюркский язык «тюрки», был язык древнеуйгурский. Несколько его локальных вариантов позже легло в основу национальных тюркских языков — турецкого, азербайджанского, татарского, узбекского, туркменского и некоторых других.

Письменность древнеуйгурского языка была основана на различных алфавитах — руническом (основные памятники — селенгинский камень VIII—IX вв., памятник из урочища Суджи 840—862 гг., карабалгасунская надпись VIII—IX вв., турфанские надписи и проч.), индийском — брахми (тексты религиозного буддийского содержания), манихейском (памятники манихейского письма V—VII вв. — молитвенные тексты, крупнейшим из которых является «Покаянная молитва манихейцев»), сирийском (памятники христианского несторианского характера на сирийском письме), согдийском (тексты буддийско-философского содержания, например «Сутра золотого блеска», а также юридические документы, относящиеся к V—IX вв.) и, наконец, арабском. Однако широкое распространение как письменный литературный язык с развитой стилистической дифференциацией древнеуйгурский язык получил только на согдийском и позднее на арабском алфавите.

Традиции древнеуйгурского литературного языка, влияние которого отчетливо прослеживается во всех разновидностях «тюрки» и в каждом письменном тюркоязычном литературном памятнике средневековья, свидетельствуют о едином процессе развития всех вариантов «тюрки», независимо от национальной принадлежности.

Основой для этого единого процесса послужил караханидско-хорезмийский (карлуко-уйгурский) литературный тюркский язык XI—XIII вв., получивший множество локальных разветвлений, которые формировались в зависимости, с одной стороны, от территории распространения и этнического состава населения, а с другой — от автора соответствующего конкретного памятника, а иногда и переписчика.

Литературный тюркский язык, который продолжал традиции древнеуйгурского языка и сформировался в XI в. в карлукско-уйгурском государстве Караханидов на основе диалекта «хаканских тюрков», как их именовал Махмуд Кашгарский (т. е. уйгуров-карлуков), в процессе своего развития дал вскоре два хронологических варианта: 1) ранний,

сформировавшийся на базе Д и Д ~ З-языка, который в значительной мере являлся продолжением уйгурского литературного языка (словарь Махмуда Кашгарского «Диван лугат ит-тюрк» — диалект хаканских тюрков и сочинение Юсуфа Баласагунского «Кутадгу билиг») и 2) более поздний, сформировавшийся на основе смешанного Д ~ З-языка («Атебет уль-хаканк» и «Асхаб уль-кахф»).

Более поздний вариант уйгуро-карлукского литературного языка «тюрки» (З||И-язык) получил дальнейшее развитие, с одной стороны, в Хорезме, а после его вхождения в Золотую Орду—в улусе Джучи, и с другой—в улусе Чагатая.

В Хорезме и улусе Джучи язык «тюрки», сохраняя уйгуро-карлукские черты, имел в зависимости от территории распространения три основные модификации: **хорезмийскую домонгольскую** с локальными господствующими огузскими особенностями («Диван-и хикмет» Ходжи Ахмеда Есеви, «Мукаддимат уль-адаб» и отчасти «Словарь» Ибн-Муханна); этот язык оказал некоторое влияние на более позднее развитие старотуркменского, староосманского и староазербайджанского языков, а также две послемонгольские: **золотоордынско-восточную** с локальными господствующими огузо-кыпчакскими чертами, но и со значительными элементами уйгуро-карлукской литературной традиции («Нехдж уль-фарадис», «Сирадж уль-кулуб», «Хосров-у Ширин», «Кысас уль-анбия», «Муин уль-мурид» и другие памятники, сохранившие еще тип З-языка) и **золотоордынско-западную** и **мамелюко-египетскую** с локальными господствующими кыпчакскими чертами и сохранением элементов уйгуро-карлукской литературной традиции, но уже на основе И-языка («Мухаббат-наме», «Мирадж-наме», «Мифтах уль-адль», «Китаби-Гулистан бит-турки» и другие, а также многие филологические сочинения египетских ученых).

В улусе же Чагатая уйгуро-карлукский литературный язык «тюрки» трансформировался в среднеазиатский чагатайский литературный язык, который, по мнению Я. Экмана, прошел последовательно три основных этапа развития: **раннечагатайский** — в первой половине XV в.—язык Саккаки, Хайдара Хорезми, Лутфи, Юсуфа Амири, Сайида Ахмада Мирзы, Гадаи, Якини, Атаи и др., **классический чагатайский** — во второй половине XV и первой половине XVI в.—язык Алишера Навои, Хусейна Байкара, Хамиди, Мухаммеда Салиха Шибани, Убайди и др. и **позднечагатайский**—от XVI до XIX в.—язык Абуль-Гази и позднейших авторов. На наш взгляд, терминология Я. Экмана не совсем точно отражает соответствующие исторические периоды в развитии этого локального варианта «тюрки», первый из которых можно было бы назвать чагатайским, а вторые два—ранним и поздним староузбекскими периодами.

Хронологическая дифференциация разновидностей «тюрки» характеризовалась также закреплением их за определенными государственными объединениями, а позже, примерно с XV в.,—за определенными тюркскими народностями, развившимися к концу XIX и началу XX в. в нации.

Таким образом, одним из основных источников развития литературного «тюрки» во всех его локальных вариантах был древнеуйгурский литературный язык, постепенно сформировавшийся в развитый литературный язык с письменностью на согдийском и позже—арабском алфавите с разветвленной стилистической дифференциацией, которым стали пользоваться многие тюркские народности и государственные объ-

единения, в том числе Караханидское государство, Хорезм, Золотая Орда и другие.

Наиболее древним из локальных вариантов «тюркй» в X—XI вв. был карлукско-уйгурский язык государства Караханидов, оставивший нам такие классические памятники, как «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского и «Дивани лугат ит-тюрк» Махмуда Кашгарского, в части диалекта хаканских тюрков.

Карлукско-уйгурский литературный язык Караханидов вскоре распространился на всю территорию мусульманского тюркского мира. В послекараханидский период первоначально было несколько крупных центров распространения литературного языка: Кашгар, Самарканд, Узгент, а также Хорезм. В Кашгаре, Самарканде, Узгенте и прилегающих к ним городах утвердился литературный язык с господствующими уйгуро-карлукскими языковыми особенностями и колеблющейся *Д* ~ *З*-диалектной основой, а также письменностью на согдийском, отчасти на сирийском (христианские, несторианские тексты, найденные в Семиречье и опубликованные Д. Хвольсоном и В. Радловым), но главным образом на арабском алфавите. Основными памятниками послекараханидского домонгольского среднеазиатского литературного языка были «Атебет уль-хакаик» и «Асхаб уль-кахф», относящиеся к XII в., но сохранившиеся в списках XV в.

В то же время в Хорезме, большую часть населения которого составляли огузы и кыпчаки, карлукско-уйгурский литературный язык Караханидов лег в основу хорезмийско-тюркского литературного языка и, видоизменившись, получил локализованные нормы с господствующими уже огузо-кыпчакскими языковыми особенностями. Таким образом, *И*-язык заместил здесь *Д* ~ *З*-язык карлуко-уйгуров.

Этот хорезмийский огузо-кыпчакский вариант «тюркй» домонгольского периода также раздвоился. Первое ответвление его с сильно выраженными огузскими чертами представлено такими памятниками, как «Диван-и хикмат» Ходжи Ахмеда Есеви (XII в.), «Мукаддимат уль-адаб» и другие, и многими более поздними памятниками литературного языка сельджукидов, к которым относятся «Китаби деде Коркуд», «Ребаб-наме», сочинения Ашык-паши (1271—1332), «Тезкерет уль-эвлия» (1340), «Диван» Бурган эд-Дина Сивасского (1345—1397) и др.

На основе огузо-сельджукского литературного языка со временем сформировались старотуркменский, старотурецкий (староосманский) и староазербайджанский языки, которые позднее трансформировались в туркменский, турецкий и азербайджанский литературные национальные языки.

Второе ответвление домонгольского огузо-кыпчакского хорезмийского языка с более выраженными кыпчакскими чертами, но со значительным включением уйгуро-карлукских элементов развилось уже в послемонгольскую эпоху в Золотой Орде, в улусе Джучи. Литературный язык джучидов на согдийской и арабской письменности имел в свою очередь два локальных варианта—восточный и западный. На языке восточной части Золотой Орды — в Хорезме, отошедшем к улусу Джучи, сильнее сказалось влияние огузо-кыпчакских элементов. Значительными памятниками восточного золотоордынского языка, сохранившего еще тип *З*-языка, являются «Сирадж уль-кулуб», «Кысас уль-анбия», «Муин уль-мурид», «Нехдж уль-фарадис» и некоторые другие.

В западной части улуса Джучи, в районе Поволжья и Южно-Русских степей, а также в Египте, куда эмигрировали кыпчаки после мон-

гольского нашествия, значительное влияние на карлуко-уйгурскую основу литературного языка «тюркӣ» оказали кыпчаки-половцы, хотя, как известно, проводниками литературных и языковых традиций были ученые уйгуры, прибывшие на дальний для них Запад вместе с монгольскими полчищами. К наиболее значительным памятникам западного «тюркӣ» с господствующими кыпчакскими элементами относятся главным образом мамелюкские памятники из Египта, а именно—тюркский перевод поэмы Кутба «Хосров-у Ширин», «Мухаббат-наме», «Мирадж-наме», «Мифтах уль-адль», «Китаби-Гулистан бит-Турки» Сейфа Сарайи и другие, а также такие филологические сочинения, как «Словарь» Абу Хайяна, «Словарь» Джамал эд-Дина ат-Турки и др.

Непосредственным языком-наследником уйгуро-карлуцкого языка послекараханидского периода в послемонгольскую эпоху был чагатайский литературный язык улуса Чагатая, в основном сохранивший черты литературного языка Караханидов и только отчасти подвергшийся влиянию хорезмийского с его огузо-кыпчакскими элементами. Крупнейшими памятниками чагатайского языка XIII—XIV вв. являются «Юсуф-у Зулейха», «Ревнак уль-ислам» и др. На чагатайском языке вплоть до середины XV в. создавали свои произведения многие писатели и ученые, в том числе Саккаки, Хайдар Хорезми, Лутфи, Юсуф Амири, Санд Ахмад Мирза, Гадаи, Якини, Атаи и др.

Если для староосманского и староазербайджанского литературных языков предшественником был огузский язык сельджукидов, то для староузбекского и староуйгурского (имеются в виду предки современных уйгуров) им был язык чагатайцев, являвшийся в своей основе уйгуро-карлуцким.

Староузбекский литературный язык, основными центрами которого были Герат, Самарканд, Бухара, а позднее Коканд и Хива, развился на основе чагатайского языка, вобрав в себя элементы караханидского и хорезмийского языков. Окончательно староузбекский литературный язык сформировался в произведениях Алишера Навои (1441—1501) и сочинениях его последователей — «Бабур-наме» Захир эд-дина Мухаммеда Бабура (1483—1530), «Шейбани-наме» Мухаммеда Салиха (умер в 1535 г.) и, наконец, в более поздних произведениях Абуль-Гази хана Хивинского (1603—1664) «Шеджире-и тюрк» и «Шеджире-и терекеме», сочинениях Омар-хана Кокандского (годы правления 1812—1821) и Шир-Мухаммеда Муниса Хивинского (1778—1829).

Вторым, более поздним разветвлением чагатайского литературного языка был староуйгурский литературный язык; главным центром распространения его был Кашгар и соседние с ним города. На нем создавали свои произведения Мухаммед Имин Хирхити («Мухаббат-наме ва михнаткам»), Залили («Газкира-и чалтан»), Навбити («Газеллар»), Абдуррахим Назири («Рабиа-саадин»), Молла Шакир («Запар-наме»), Молла Билал («Газат дар Мюльки Чин»), Мухаммед Садык Кашгари («Тизкира-и азизан»), Молла Муса Сайрами («Тарихи амания») и другие авторы.

Все эти варианты единого литературного языка «тюркӣ» впоследствии соответственно дифференцировались в национальные литературные языки, которые, однако, благодаря общей основе и общим литературным традициям остались близкими друг другу.

Близость таких языков, как староосманский, староазербайджанский, старотуркменский, староузбекский, староуйгурский, старокыпчакский и старотатарский, а в дальнейшем османский, азербайджанский,

туркменский, узбекский, уйгурский и татарский, благодаря общей письменной (арабской) основе позволяла до самого последнего времени свободно читать и понимать все тексты. Только некоторая их дифференциация допускала выделение, с одной стороны, турецкого, а с другой — восточно-турецкого или чагатайского языков.

Итак, развитие средневековых литературных тюркских языков, объединенных, в отличие от двух других ближневосточных языков «араби» и «фарси», общим названием «тюрки», можно отобразить в следующей схеме:

I. Древнетюркская эпоха (V—IX вв.)

Древнеуйгурский *Д*-язык на согдийском письме (манихейские, буддийские памятники, юридические документы).

II. Домонгольский период (X—XII вв.)

1. Уйгуро-карлукский *Д* ~ *З*-язык Караханидского государства («Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского и «Диван лугат ит-тюрк» Махмуда Кашгарского).

2. Восточный (Кашгар, Самарканд, Узгент) уйгуро-карлукский — *З* ~ *Д*-язык («Атебет уль-хакаик», «Асхаб уль-кахф»).

3. Западный (Хорезм) уйгуро-карлукский со значительными включениями огузо-кыпчакских элементов — *И*-язык («Диван-и хикмет» Ходжи Ахмеда Есеви), оказавший впоследствии влияние на развитие старотуркменского и сельджукского языков с позднейшими разветвлениями староосманского и староазербайджанского языков.

III. Послемонгольский период (XIII—XIV вв.)

1. Сельджукский (язык объединения сельджукидов) с господствующими огузскими чертами — *И*-язык («Китаби деде Коркуд»), разделившийся впоследствии на восточно-сельджукский и в дальнейшем — на старотуркменский и западно-сельджукский и еще позднее на староосманский и староазербайджанский.

2. Джучидский (язык улуса Джучи) с господствующими кыпчакскими элементами — *З* ~ *И*-язык, разделившийся на восточно-золотоордынский *З*-язык («Нехдж уль-фарадис», «Сирадж уль-кулуб», «Хосров-у Ширин», «Кысас уль-анбия», «Муин уль-мурид» и прочие) и западно-золотоордынский и мамлюкско-египетский *И*-язык («Мухаббат-наме», «Мирадж-наме», «Мифтах уль-адль», «Гулистан бит-турки» и др.).

3. Чагатайский (язык улуса Чагатая) с господствующими карлукскими элементами — *И*-язык («Юсуф-у Зулейха», «Ревнак уль-ислам», а также сочинения поэтов Саккаки, Лутфи, Юсуфа Амира и других), разделившийся позже на староузбекский (ранний и поздний) и старотуркский.

IV. Новотюркская эпоха (XV—XIX вв.)

1. Старотуркменский язык (поздние памятники XVII—XIX вв., например: туркменоязычные тексты из «Шеджире-и терекеме» Абуль-Гази хана Хивинского, записи произведений туркменских народных поэтов XVIII—XIX вв. Азади, Махтумкули, Сеиди, а также сочинение Абду-с-Саттар-Казы «Книга рассказов о битвах текинцев»).

2. Староосманский язык (например, «Искендер-наме», «Хроника Ибн-Биби», «Калила и Димна» и проч.).

3. Староазербайджанский язык (памятники поздние, например, со-

чинения Молла Панаха Вагифа, Молла Вели Видади, Молла Касима Набати и др.).

4. Старотатарский язык (также поздние памятники—«Рисала-и азизе», сочинения Ходжи Аб-уль-Маниха, Молла Утыз-Имэни, Ибатуллы Имана, Шамсуддина Суфи, Ибрагима Хальфина, Хусейна Фейзи-хана, Абдурахмана Иляси и др.).

5. Староузбекский язык:

а) ранний (сочинения Алишера Навои, Захир-эд-дина Мухаммеда Бабур, Мухаммеда Салиха и проч.)

б) поздний (сочинения Абуль-Гази хана Хивинского, Омар-хана Кокандского, Шир-Мухаммеда Муниса Хивинского и др.).

6. Староуйгурский (более поздние памятники — произведения Мухаммеда Имина Хирхити, Залили, Абдурахима Назири, Молла Шакира, Молла Билала, Молла Мусы Сайрами и др.).

V. Новейшая эпоха (конец XIX — начало XX в.)

Языки:

1) турецкий — до революции 1921 г., 2) азербайджанский — до Великой Октябрьской социалистической революции, 3) туркменский, 4) татарский (и башкирский), 5) узбекский, 6) уйгурский (таранчинский, кашгарский), 7) казахский, 8) киргизский, 9) каракалпакский и зачатки письменной литературы на языках чувашском, алтайском, якутском, караимском (главным образом на основе русской графики).

VI. Эпоха после Великой Октябрьской социалистической революции

А. Старописьменные: 1) турецкий, 2) азербайджанский, 3) туркменский, 4) татарский, 5) узбекский, 6) новоуйгурский, 7) казахский, 8) киргизский, 9) каракалпакский.

Б. Младописьменные: 10) чувашский, 11) алтайский, 12) хакасский, 13) тувинский, 14) якутский, 15) кумыкский, 16) карачаево-балкарский, 17) ногайский, 18) башкирский, 19) караимский, 20) шорский.

Разработка периодизации тюркских литературных языков средневековья, изучение их соотношений, а также отношения позднейших локальных вариантов этих языков к той или иной тюркской народности могут быть очень полезными при исследовании исторических связей тюркских литературных памятников средневековья и определения их места в истории того или иного национального литературного языка, начало развития которого всегда находится в связи с процессом образования соответствующей народности.

Что же касается памятников, хронологически относящихся к периодам, предшествовавшим образованию народностей, то они в равной степени относятся к каждому из представителей соответствующей группы близкородственных народностей. Например, чагатайские памятники являются общими как для узбекского, так и для новоуйгурского литературных языков, а сельджукские — для турецкого и азербайджанского литературных языков.

И, наконец, древнейшие литературные памятники являются общими для еще более широких групп современных тюркских народов. В истории национальных литературных языков, равно как и в истории конкретных национальных литератур, их следует рассматривать во вводных разделах, посвященных предыстории развития каждой конкретной национальной литературы.

А. М. ЩЕРБАК

О ФОНЕТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ЯЗЫКА «КУТАДГУ БИЛИГ» И ДРЕВНЕУЙГУРСКОМ КОНСОНАНТИЗМЕ

Начало специальному фонетическому исследованию языка «Кутадгу билиг» было положено в конце прошлого столетия В. В. Радловым, который в транскрипции текста этого крупнейшего памятника уйгурской письменности¹ с предельной полнотой и ясностью выразил свое отношение к различным вопросам фонетики древнеуйгурского языка и прежде всего к вопросу интерпретации его консонантизма. Опираясь на факты, собранные в процессе изучения ряда тюркских языков Сибири, В. В. Радлов пришел к выводу, что в древнеуйгурском языке были только глухие согласные (q, k, t, p, s, s, c). Что же касается соответствующих звонких, то они, по его мнению, возникали лишь вследствие «ослабления» глухих согласных (resp. сильных. — А. Щ.), происходившего в интервокальном положении.

Важный этап в изучении фонетики языка «Кутадгу билиг» составила статья В. Томсена, содержащая критику взглядов В. В. Радлова и изложение его собственной точки зрения на древнеуйгурский консонантизм². Отметив, что основной причиной многообразного восприятия древнеуйгурской фонетики является полифоничность большинства знаков уйгурского алфавита (четыре знака для восьми или девяти гласных, по одному знаку для q, γ, x; k, g; t, d; p, b, v, f), В. Томсен указывает на необходимость поиска таких методических приемов, которые обеспечивали бы максимально точное чтение, и выбирает далее в качестве одного из них учет и сопоставление рифмующихся слов в тексте «Кутадгу билиг». Ранее было высказано предположение, что древнеуйгурский язык очень близок к языку памятников рунической письменности, найденных в Монголии, и что для системы согласных этих памятников характерно наличие глухих и звонких согласных и сохранение глухости в любой части слова, независимо от позиционных условий. В. Томсен полагает, что подобная система консонантизма должна быть общей для всех тюркских языков в их первоначальном состоянии (dès l'origine).

На основании проведенного исследования В. Томсен пришел к следующим выводам: в тексте последовательно различаются k и g, q и γ. Слова bāg, jāg, tāg, kāg могут образовывать рифму между собой, но ни одно из них никогда не рифмуется со словами jölāk, tilāk, kārāk, jūrāk, tūnāk, kāsāk, bāzāk. Слова baq, saq рифмуются со словами jīraq, qaraq,

¹ W. Radloff. Das Kudatku Bilik. Th. II. СПб., 1900—1910.

² V. Thomsen. Sur le système des consonnes dans la langue ouigoure. KSz, II. Budapest, 1901, стр. 241—259.

adaq, qulqaq и не образуют рифму со словами jaḡay, qaḡay (вин. пад. от qaja). Глухие q, k, попадая в интервокальное положение, при изменении формы слова, озвончению не подвергаются: jüräki, ämgäki, qulqaqi, köki, bujruqi, tumsuqi.

В настоящее время, когда мы располагаем наманганским списком «Кутадгу билиг», написанным арабскими буквами, и когда в научный обиход введено значительное количество новых текстов, относящихся к XI веку или к несколько более позднему периоду, целесообразно еще раз обратиться к древнеуйгурскому консонантизму с тем, чтобы принять выводы В. Томсена полностью или внести в них некоторые уточнения.

Тщательное исследование наманганского списка «Кутадгу билиг» подтверждает правильность позиции, занятой В. Томсеном в отношении консонантизма в языке этого памятника, хотя кое-что и остается неясным. Не ясно, например, чем аргументирована звонкость губного согласного в деепричастных формах (turub, urub) или звонкость согласных в сочетании с другими согласными (käcdilär, kördilär).

Наличие соответствующих написаний в арабском списке не всегда является убедительным доказательством звонкости согласных, так как подобные написания могут быть данью орфографической традиции, не отражающей действующих норм произношения. Не совсем понятно также почему В. Томсеном не учитывается возможность таких случаев, когда не качество конечных согласных предопределяет рифму, а наоборот, рифма обуславливает выбор того или иного варианта. М. Мехди-хан особо указывал на допустимость двоякого написания следующих слов: bulaq и buḡay «ручей», aḡaq и aḡay «нога», quḡuq и quḡuḡ «сухой», «высохший», saḡiḡ и saḡiḡu «желтый», qatīḡ и qatīḡu «твердый», «жесткий», aḡ и aḡu «белый» и т. д.³ Два варианта часто приводит и составитель словаря Абушка, ср. ataqlīḡ и ataylīḡ «знаменитый», alīḡ и alīḡu «взятие», объясняя наличие вариантов со звонким согласным требованиями рифмы⁴. Каковы бы ни были окончательные результаты выяснения некоторых частных случаев, вывод В. Томсена о наличии в языке «Кутадгу билиг» глухих и звонких согласных при устойчивости качества согласных в разных позиционных условиях остается в основном непоколебленным.

Значительно труднее установить насколько обоснованно предположение В. Томсена о большой близости древнеуйгурского языка к языку памятников рунической письменности. Совершенно очевидно, что язык «Кутадгу билиг» имеет те же фонетические особенности, что и язык памятников рунической письменности, и фонетически они воспринимаются как нечто единое: и в том и в другом случае в начале слова выступает j, в конце слова строго различаются s и z, и тот и другой язык относится к типу δ (d)-языков. Но имеются ли достаточные основания для отождествления языка «Кутадгу билиг» с древнеуйгурским языком, т. е. вправе ли мы включать в границы распространения соответствующей системы консонантизма помимо Кашгара и Баласагуна и другие районы Восточного Туркестана, скажем, Турфан, Яркенд, Ганьсу?

К сожалению, пока не удалось раскрыть фонетические особенности языка таких древнеуйгурских текстов, как «Алтун ярук», «Тишаствустик». Почти единственное, чем мы располагаем, это уйгурские глоссы из Турфана, написанные брахми. И хотя они дают представление об особен-

³ См.: The Mabāni' l-lughat being a grammar of the turki language in Persian, by Mirzā Mehdi Khān. Bibliotheca Indica. New Series, Nr. 1225, Calcutta, 1910, стр. 104.

⁴ اوشقا (Словарь джагатайско-турецкий). Изд. В. В. Вельяминов-Зернов. СПб., 1868, стр. 7, 28.

ностях только одного диалекта или одной группы диалектов, все же бесполезно обратиться к ним, ибо это может приблизить нас к решению поставленного выше вопроса. Приведем несколько слов, написанных брахми, чтобы дать общее представление о фонетике языка брахми-глосс:

az «мало», bhars «тигр», qadhas ~ qadhas «родственник, брат», pütüm «весь», küzäs «кувшин, кружка», küzā- «желать»; rāg «бек», rūjruq «чиновник», phāg «связка», bhār ~ rār «есть», iki «два», tāg- «достигать», tātig «вкус», südh «молоко», toz «пыль», uz «искусный», jte «семь», joq «нет», jüz «сто», jötül «кашель»⁵. Даже самый поверхностный обзор приведенных примеров позволяет убедиться в наличии строгого графического разграничения глухих и звонких согласных и устойчивости глухих в интервокальном положении. Приблизительно то же самое наблюдается в текстах манихейской письменности из Кучи, различающей s и z, k и g, q и γ и т. д. Примеры: ovutsuz «бесстыжий», jāk «демоническое существо», biz «мы», qutuγ «счастье» (вин. пад.), arīγ «чистый», kötürp «подняв», joqar «вверх», tärkin «быстро», āsrükī «его опьянение», jablaq «скверный», ölüg «мертвец», adaq «нога»⁶.

Если пренебречь качеством губного согласного в анлауте, в обозначении которого в брахми-глоссах наблюдаются явные колебания (p~b), ср. bhār ~ rār «есть», bhars «барс», bas ~ ras «голова», bhāl-kū ~ rālgū «признак», bāk~rāk «крепкий», bes ~ pes «пять», bilgā ~ pilgā «мудрый», bir~rīr «один» и т. д., то можно смело утверждать, что примеры из брахми-глосс и манихейских текстов отражают фонетическое состояние языка, мало чем отличающееся от того, которое было зафиксировано в «Кутадгу билиг». Подобное утверждение приводит нас к выводу о том, что письменная традиция, существовавшая на берегах Орхона, в Турфана и Кашгаре в период с VIII в. по XI в., была традицией одного тюркского языка или одной группы тюркских языков. В пользу этого вывода свидетельствует, в частности, языковая преемственность текстов рунического, уйгурского и манихейского письма и некоторые общие тенденции в развитии языков огузской и карлукско-уйгурской групп. Примечательна также относительная хронологическая последовательность названных выше разновидностей письма: сначала идет рунический алфавит, затем уйгурский и манихейский. Кстати, факт прямой замены рунического алфавита уйгурским нашел свое отражение в существовании надписей, подобных Уланкомской⁷, которые, будучи уйгурскими по характеру письма, почти полностью воспроизводят структуру, стиль и содержание рунических эпиграфов.

Естественным следствием вывода о существовании письменной традиции в период с VIII в. по XI в. лишь в рамках одного тюркского языка или одной группы тюркских языков должна быть ломка глубоко укоренившихся представлений о возможности непосредственного использования памятников рунической, уйгурской и манихейской письменностей при разработке истории любого из тюркских языков.

⁵ A. von Gabain. Türkische Turfan-Texte, VIII. Texte in Brāhmischrift. Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. KI. für Sprachen, Literatur und Kunst. Jahrgang, 1952, Nr. 7, Berlin, 1954.

⁶ См.: A. von Le Coq. Türkische Manichaica aus Chotscho, I. Berlin, 1912, стр. 5—7; II, Berlin, 1919, стр. 5.

⁷ См.: А. М. Щербак. Надпись на древнеуйгурском языке из Монголии. — «Эпиграфика Востока», XIV. Л., 1961, стр. 23—25.

В заключение несколько слов о попытке В. Томсена рассматривать консонантизм, отразившийся в памятниках рунического письма и древнеуйгурских текстах как «общий для всех тюркских языков в их первоначальном состоянии».

В. Томсен не занимался определением фонемного состава древнетюркского языка или тюркского праязыка, так как само понятие фонемы на рубеже прошлого и нынешнего столетия еще не получило широкого распространения и признания специалистов. Поэтому состав различных признаков и оппозиций не мог быть предметом специального исследования. Для В. Томсена было важно установить лишь сам факт параллельного существования глухих и звонких согласных. И он сделал это. Что же касается выяснения природы звонких согласных и их положения в фонологической системе, то в силу указанной выше причины этот вопрос не ставился. В. Томсен относил к звонким сонанты (γ, δ), а также согласные, звонкость которых развилась в особых позиционных условиях (z). При учете всего сказанного определение древнетюркского и древнеуйгурского консонантизма, «как общего для всех тюркских языков в их первоначальном состоянии», не вызывает серьезных возражений. Однако при более глубоком подходе такое определение, как нам кажется, следовало бы считать принципиально ошибочным.

Э. Р. ТЕНИШЕВ

«КУТАДГУ БИЛИГ» И «АЛТУН ЯРУК»

Самый крупный памятник среднеазиатско-тюркского литературного языка по традиции называют «Кутадгу билиг», хотя точнее было бы именовать его «Qutađu bilig» с интердентальным *ḍ* вместо *d*.

Дело в том, что первым был найден Гератский список поэмы, написанный уйгурским алфавитом, который не отражает звука *ḍ*, передавая лишь *d* (~ *t*).

Так как исследование памятника началось именно с Гератского списка, то в литературе и утвердилось вышеприведенное название. Два других списка, Каирский и Наманганский, выполнены арабским алфавитом. Написанные на *ḍ*-языке, в научный обиход они вошли уже после Гератского списка. Если исключить позднейшие добавления, то Каирский и Наманганский списки в полной мере отражают язык памятника.

Автор «Кутадгу билиг» Юсуф Баласагунский был широко эрудированным и образованным для своей эпохи человеком. Немецкий врач и исследователь Отто Альбертс предполагает, что Юсуф в молодые годы являлся последователем и даже учеником Авиценны (Абу-Али Ибн-Сины)¹.

Свою знаменитую поэму, насыщенную мусульманской дидактикой, Юсуф Баласагунский закончил в 1069—1070 гг. в Кашгаре. Почти одновременно с ним недалеко от Кашгара — в уйгурском городе Бешбалык (вблизи современного Урумчи) — монах Сынгку Сели тутунг сделал перевод большой буддийской сутры «*Suvarṇaprabhāsa*», которая в краткой тюркской передаче получила название «Алтун ярук».

Поскольку «Кутадгу билиг» и «Алтун ярук» были созданы одновременно, сравнение их языка позволяет сделать некоторые обобщения, приобретающие доказательную силу.

Подобное сравнение должно проводиться на всех уровнях языка. Однако от фонетического уровня приходится сразу же отказаться, так как тюркология пока не располагает убедительным опытом реконструкции и описания графо-фонетических и фонологических систем обоих памятников. Поэтому мы вынуждены констатировать лишь самый общий фонетический признак, являющийся в то же время и классификационным: язык «Кутадгу билиг» относится к группе *ḍ*-, а язык «Алтун ярук» — к группе *d*-языков. Не представляется возможным и сравнение на уровне синтак-

¹ *Otto Alberts*. Der Dichter des in uigurisch-türkischen Dialect geschriebenen Kudatku Bilik (1069—1070) ein Schüler des Avicenna, «Archiv für Philosophie. Archiv für Geschichte der Philosophie», Bd XIV, N. F., Bd VII. Berlin, 1901, стр. 320—321.

сическом: «Кутадгу билиг» написан стихами, «Алтур ярук» — прозой, притом переведенной с китайского и поэтому отражающей и особенности языка оригинала. Следовательно, прежде чем сравнивать, необходимо провести дополнительные разыскания в области синтаксиса каждого из памятников. Морфологический уровень обладает большим объемом и охватить его полностью в данном случае не представляется возможным. Поэтому проанализируем лишь самое существенное для языка — средства выражения грамматических связей (как тонко подметил Л. В. Щерба)², т. е. формы именного и глагольного словоизменения в плане чистой парадигматики. При сравнении за основу нами принимается материал из «Кутадгу билиг»³.

А. Именное словоизменение

Сюда относятся склонение имен в нулевой форме и в форме принадлежности, а также параллелизм падежей.

1. Склонение имен в нулевой форме

Род. п. с начальным п: -пу||-пи; **дат. п.** с афф. -ya||-ge, -qa||-ke, так же как и в рунике после звонкого конечного основы следует глухой начальный аффикс и наоборот; **вин. п.** имеет приметой -y||-g с предшествующими гласными и вместе с тем -пу||-пи — какую-либо закономерность в их употреблении уловить не удастся; **мест. п.** оканчивается на -da||-de, -ta||-te, подобно рунической графике в некоторых случаях звонкое начало аффикса сочетается с глухим концом основы и наоборот; **исх. п.** оканчивается на -dyn||-din, -ty||-tin, реже на -dan||-den, дистрибуция начальных аффикс и конечных основы та же, что и в местном падеже; **инс. п.** имеет приметой -п с предшествующими гласными; **сравн. п.** характеризуется афф. -sa||-se.

Парадигма склонения имен в нулевой форме, только что показанная, в общем совпадает с тем, что представлено в языке памятника «Алтур ярук»⁴. Разница только в одном: **вин. п.** в «Кутадгу билиг» имеет две приметы — -y||-g и -пу||-пи; а в «Алтур ярук» только одну — -y||-g.

2. Склонение имен в форме принадлежности

Род. п. — пу||-пи; **дат. п.** — qa||-ke (I и II л. л.) и ya||-ine (III л.), в III л. возможны исключения в виде форманта -qa||-ke, т. е. без добавочного, как и для нулевых основ; **вин. п.** — пу||-пи (I и II л. л.), ~~пу||-пи~~ → усеченный вид и -упу||-пи — полный вид (III л.); **мест. п.** — da||-de (I и II л. л.) и -nda||-nde (III л.); **исх. п.** — dyn||-din (I и II л. л.) и -ndyn||-ndin (III л.); **сравн. п.** — sa||-se (I и II л. л.) и -psa||-pse (III л.). Данная парадигма полностью повторяет ту, что характерна для языка «Алтур ярук».

3. Местный падеж в значении исходного падежа

Местный падеж в значении исходного образуется как от нулевых основ, так и от основ в форме принадлежности. Эта черта свойственна в

² Л. В. Щерба. О понятии смешения языков. — «Избранные работы по языкознанию и фонетике», т. I. Л., 1958, стр. 51.

³ Res id Rachmeti Arat. Kutadgu bilig, I Metin. Istanbul, 1947; II Tercüme, Ankara, 1959; С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 240—289.

⁴ С. Е. Малов. Указ. раб., стр. 187—198; Э. Р. Тенишев. Грамматический очерк древнеуйгурского языка по сочинению «Золотой блеск». Канд. дисс. Л., 1953.

полной мере языку «Алтун ярук» и является отражением полифункционального местно-исходного падежа памятников рунической письменности.

Б. Глагольное словоизменение

Включает в себя времена, наклонения, причастия и деепричастия.

1. Изъявительное наклонение

1) Прошедшее на $-dy\| -di +$ афф. принадлежности. Во II л. лично-временные окончания соответственно $-dy\| (yz) / -di\| (iz)$.

2) Прошедшее на $-mys\| -mis +$ афф. сказуемости. В III л. добавляется вспомогательный глагол $tug\|$.

3) Настоящее-будущее время на $-г, -ar\| -er, -yг\| -ig, -ur\| -ür, -jur\| -jür$ (после гласной основы) + афф. сказуемости. Аффиксы с губными гласными нормативно следуют после негубных.

4) Будущее (с оттенком желания) на $-yаj\| -gej$ (полная форма) и $-ya\| -ge$ (усеченная форма) + афф. сказуемости. Формы времен изъявительного наклонения в «Кутадгу билиг» и «Алтун ярук» совпадают почти во всем, исключая одной детали: в памятнике «Алтун ярук» имеется только полная форма будущего-желательного, а усеченная форма отсутствует.

II. Желательное наклонение

В I л. ед. ч. $-aj\| -ejin$ (полная форма) и $-aj\| -ej$ (усеченная форма), в I л. мн. ч. $-al\| -elim$. В «Алтун ярук» представлена в ед. ч. только полная форма желательного наклонения.

III. Повелительное наклонение

Разнообразием форм выделяется III л.: $-su\| -sü$ (усеченная форма), $-sup\| -süp$ (средняя форма) и $-sun\| -süni$ (полная форма).

Все три формы функционально ничем не ограничены и употребляются наравне друг с другом.

Для памятника «Алтун ярук» характерна лишь одна — средняя — форма повелительного наклонения.

IV. Условное наклонение

Образуется по схеме: афф. $-sa\| -se +$ афф. сказуемости. В единичных случаях встречаются формы с афф. принадлежности, как в современных тюркских языках. В памятнике «Алтун ярук» условная форма образуется лишь одним путем: афф. $-sar\| -ser +$ афф. сказуемости.

V. Причастия

1) Прошедшего времени.

а) С афф. $-mys\| -mis$, часто субстантивируется и встречается в падежном и притяжательном оформлении;

б) С афф. $-duq\| -dük, -tuq\| -tük$, подвергаясь субстантивации, встречается в падежном и притяжательном оформлении.

2) Настоящего времени.

- а) С афф. -γly||-gli,
- б) С афф. -γalyr||-gelir,
- в) С афф. -γuluq||-gölük,
- г) С афф. -γan||-gen,

д) С афф. -dacy||-deci.

3) Будущего времени.

Обычно с афф. -r, -ar||-er, -yr||-ir, -ur||-ür, -jur||-jür.

При сравнении причастных форм в «Кутадгу билиг» и «Алтурн ярук» выясняется существенная разница. Она состоит в том, что формы на -juq||-jük (прич. прош. вр.) и на -γma||-gme (прич. наст. вр.), свойственные «Алтурн ярук», не встречаются в «Кутадгу билиг», а прич. на -γan||-gen в значении настоящего времени, встречающееся в «Кутадгу билиг», отсутствует в «Алтурн ярук».

VI. Деепричастия

а) С афф. -p, -yp||-ip, -up||-ür,

б) С афф. -a||-e, -y||-i, -u||-ü,

в) С афф. -γynca||-gince,

г) С афф. -γaly||-geli,

д) С афф. -madyn||-medin.

Деепричастные формы полностью совпадают в обоих памятниках.

Переходя к лексике памятников, необходимо прежде всего коснуться местоимений и числительных, у которых лексические признаки преобладают над грамматическими.

A. Местоимения

1) Личные

Одинарного склонения:

Дат. п. maŋa, saŋa, aŋa, bizke, sizke,

Местн. п. mende, sende, anda, bizde, sizde,

Исх. п. mendin, sendin, andyn, bizdin, sizdin.

Двойного склонения:

Дат. п. maŋar, saŋar, aŋar, bizine, sizine,

Мест. п. meniŋde, seniŋde, aŋynda, biziŋde, siziŋde,

Исх. п. meniŋdin, seniŋdin, aŋyndyn, biziŋdin, siziŋdin.

Возможна отрицательная форма seniŋsiz.

2) Указательные

Одинарного склонения:

Дат. п. tuŋa,

Местн. п. munda,

Исх. п. mundyn.

Двойного склонения:

tuŋar,

munynda,

munyndyn.

3) Вопросительные

Одинарного склонения:

Дат. п. kimke,

Мест. п. kimde,

Исх. п. kimdin.

Двойного склонения:

kiminke,

kiminde,

kimindin.

4) Возвратные: *öz, etöz, kentü*

Двойного склонения:

Дат. п. *özünke*,

Местн. п. *özünde*,

Исх. п. *özündin*.

Двойное склонение⁵ пронизывает всю систему местоимений в «Кутадгу билиг», образуя пограничную черту между языками памятников: языку «Алтун ярук» двойное склонение не свойственно.

Б. Числительные

В «Кутадгу билиг» количественные числительные со второго десятка образуются так же, как и в современных тюркских языках, кроме сарыг-югурского. В отличие от этого «Алтун ярук» хранит старую систему счета — по способу приближения к следующему десятку. Порядковые числительные в «Кутадгу билиг» образуются посредством *-псу||-псі*, реже *-пс*, в «Алтун ярук» — наоборот. Различие между языками обоих памятников заметно сказывается и в других разрядах лексики, особенно заимствованной: в «Кутадгу билиг» — из арабского и персидского языков, в «Алтун ярук» — из санскритского, китайского, согдийского, монгольского языков.

Как же соотносятся языки этих памятников в целом?

1. В фонетическом плане «Кутадгу билиг» относится к группе *δ*-, а «Алтун ярук» — к группе *d*-языков.

2. Винительный падеж от основ в нулевой форме в «Кутадгу билиг» имеет два ряда аффиксов — *-ү||-g* и *-пу||-пi*, а в «Алтун ярук» только один — *-ү||-g*.

3. В «Кутадгу билиг» для выражения будущего времени (с оттенком желания) служат две формы: *-үaj||-gej* — полная и *-үa||-ge* — усеченная, в «Алтун ярук» — только полная.

4. 1 л. ед. ч. желательного наклонения в «Кутадгу билиг» выражается двумя рядами аффиксов — *-ajun||-ejin* и *-aj||-ej*, в «Алтун ярук» — только одним — *-ajun||-ejin*.

5. 3 л. повелительного наклонения в «Кутадгу билиг» характеризуется тремя рядами аффиксов — *-su||-sü*, *-sun||-sün* и *-suny||-süni*, в «Алтун ярук» только одним — *-sun||-sün*.

6. Примета условного наклонения в «Кутадгу билиг» — *-sa||-se*, а в «Алтун ярук» — *-sar||-ser*.

7. Заметно различие и в разряде причастий: «Кутадгу билиг» имеет причастие настоящего времени на *-үan||-gen*, а в «Алтун ярук» его нет; но в «Алтун ярук» имеются две формы причастий — настоящего на *-үta||-gte* и прошедшего на *-juq||-jük*, в «Кутадгу билиг» они отсутствуют.

8. Для местоимений в «Кутадгу билиг» характерно наличие одинарного и двойного склонений, в «Алтун ярук» — только одинарного.

9. В памятниках представлена различная система счета: в «Кутадгу билиг» — новая, в «Алтун ярук» — старая.

10. В лексике памятников наблюдается существенная разница, обусловленная различными источниками заимствованных слов. Таким образом, сопоставляя «Кутадгу билиг» и «Алтун ярук», можно прийти к

⁵ Г. Ф. Благова. Тенденции к усложнению тюркского падежного склонения. — «Вопросы языкознания», 1970, № 1, стр. 60—81.

заклучению, что наряду с некоторым сходством языки этих памятников существенно отличаются: строго говоря, «Кутадгу билиг» и «Алтун ярук» написаны на разных языках.

Язык «Алтун ярук» точно обозначен по этническому принципу как тюркско-уйгурский⁶. «Кутадгу билиг» такой пометы не имеет, и считать его язык уйгурским нет достаточных оснований. П. А. Жобер⁷, Г. Вамбери⁸ и Н. И. Ильминский⁹ в свое время относили язык «Кутадгу билиг» к уйгурскому по следующей простой причине. Уйгуры, как один из наиболее развитых в культурном отношении тюркоязычных народов Центральной Азии, были давно известны, «Кутадгу билиг» — видное этико-философское сочинение, созданное в восточной части тюркского языкового мира. На этом основании делали вывод о том, что оно написано на уйгурском языке, хотя собственно уйгурские тексты, как известно, были открыты и опубликованы позднее «Кутадгу билиг». Этого взгляда придерживался сначала и В. В. Радлов¹⁰. Но находки и издания древнеуйгурских текстов Ф. В. К. Мюллера, А. Лекока, а затем и самого В. В. Радлова побудили последнего заняться изучением языков этих памятников и их сопоставлением с другими древнетюркскими языками. Так появилась известная классификация древнетюркских языков В. В. Радлова, в которой Каирский список «Кутадгу билиг» и памятник «Алтун ярук» по языку отнесены соответственно к западной и восточной ветви смешанных языков¹¹. Критерием выделения В. В. Радлов выбрал комплекс языковых черт, поэтому его выводы точно отражают суть вещей, требуя лишь некоторых уточнений.

Позднейшие классификации древнетюркских языков, построенные на соответствии $j \sim p \sim \tilde{p}$ в именных основах — оригинальном, но единственном фонетическом признаке, не приводят в данном случае к однозначному решению¹².

Отнесение j -основ к языку карлуков требует уточнения в этническом и языковом отношениях¹³.

Конструктивный подход к решению задачи состоит, очевидно, в определении языка «Кутадгу билиг» по династическому признаку как караханидско-уйгурского, подчеркивающего смешанность языка памятника¹⁴.

Если удастся первую часть этого термина наполнить определенным этнолингвистическим содержанием, задача будет решена.

⁶ В. В. Радлов и С. Е. Малов. *Suvarṇaprabhāṣa* (Сутра Золотого Блеска), т. VII—VIII. СПб., 1917, стр. 674 (6—9 строки).

⁷ P. Amédée Jaubert. Notice d'un manuscrit turc en caracteres ouigours envoyé par M. de Hammer à M. Abel-Remusat. — «Journal Asiatique», tome VI. Paris, 1825, стр. 94—95.

⁸ H. Vámbéry. Uigurisch Sprach monumente und das Kudatku Bilik. Innsbruck, 1870, стр. 1—9.

⁹ Н. И. Ильминский. Вступительное чтение в курс турецко-татарского языка с приложениями. — «Ученые записки Казанского университета за 1861 г.». Казань, 1862, стр. 28—30.

¹⁰ В. В. Радлов. К вопросу об уйгурах. СПб., 1893, стр. 130.

¹¹ W. W. Radloff. Altürkische Studien, IV, V. — «Известия АН», VI сер., № 5, стр. 325—326; № 6, стр. 427—452; СПб., 1911.

¹² A. von Gabain. Altürkisches Schifftum, «SBaw», ph.-hist. Kl. № 111. Berlin, 1950, стр. 21, 22; D. Sinor. On Turkish Buddhism in Central Asia, «KCSA», t. I, h. 5. Budapest, 1939, стр. 393.

¹³ А. М. Щербак. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XII вв. из Восточного Туркестана. М.—Л., 1961, стр. 23, 26—30.

¹⁴ Philologiae Turcicae Fundamenta, t. I. Wiesbaden, 1959, стр. 87—112; Н. А. Баскаков. Тюркские языки. М., 1960, стр. 170—178.

Автор «Кутадгу билиг» Юсуф, как показывает нисба, происходил из Баласагуна, находившегося где-то в Чуйской долине современной Киргизии. Население Баласагуна было тюркоязычным. Отсюда же происходили и Караханиды¹⁵. Среди множества предположений об этнической основе Караханидов¹⁶ наиболее правдоподобной представляется чигильская гипотеза, осторожно сформулированная В. В. Бартольд. В своих «Двенадцати лекциях», которые недавно появились в русском переводе, В. В. Бартольд пишет: «Из рассказа о походе на Мавераннахр сельджукского султана Меликшаха мы знаем, что чигилями называли военную силу Караханидов; по Махмуду Кашгарскому, огузы называли чигилями всех турок от Аму-Дарьи до Китая. Такой факт как будто указывал на политическое значение чигилей в Средней Азии или происхождение династии Караханидов из их среды; но и в пользу этого предположения у Махмуда Кашгарского нельзя было бы найти никаких данных»¹⁷.

Все это так. Но обратимся к «Дивану» Махмуда Кашгарского. Махмуд Кашгарский указывает, что чигили селились в Баргане (вблизи Иссык-куля), Таразе (современный Талас) и Кашгаре¹⁸. У них был свой язык¹⁹. Как характерную черту этого языка Махмуд Кашгарский называет интердентальный δ (ḡ) в середине имен и конце глагольных основ в отличие от j -языка огузов и z -языка булгар и сувар²⁰. Любопытно, что при сравнении Махмуд Кашгарский в качестве исходного языка принимает o -язык чигилей, что свидетельствует либо о преобладании чигильского населения в Караханидском государстве, либо о массовости чигильского языка. Поскольку «Кутадгу билиг» характеризуется δ -признаком, язык памятника в целом можно определить как чигиле-уйгурский (уйгурская часть в нем несомненна), это видно из сделанных выше сопоставлений. Чигильский язык, по всей вероятности, был основным официальным языком Караханидского государства.

Следовательно, язык «Кутадгу билиг» смешанный, отличающийся от народно-разговорного языка Караханидов, — искусственный литературно-книжный язык тюркского средневековья. Истоки этого языка восходят к периоду орхоно-енисейских памятников. Древние памятники тюркского рунического письма по содержанию являются эпитафиями, весьма пространными, историографическими, порой художественно-выразительными, но все же эпитафиями. Отшлифованный литературный язык этих памятников, в особенности крупных, будучи эпитафийным, и для VIII в. был в какой-то мере архаичным. Очевидно, уже в то далекое время сложилась известная традиция формирования литературного языка. Эта традиция поддерживалась многими тюркоязычными народами, в том числе и уйгурами, которые в те времена находились в Монголии. После переселения в Восточный Туркестан уйгуры, сохраняя прежнюю языковую традицию, создали на ее основе свой литературный язык, который, по мнению В. В. Радлова, «окончательно выработался между VIII и X столетиями и

¹⁵ В. В. Бартольд. Очерк истории Семиречья. — Сочинения, т. II, ч. I. М., 1963, стр. 40—47; *его же*. Баласагун. — Сочинения, т. III. М., 1965, стр. 355—356.

¹⁶ O. Pritsak. Die Karachaniden. — «Der Islam». Bd 31. Berlin, 1954, стр. 21—22.

¹⁷ В. В. Бартольд. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. — Сочинения, т. V. М., 1968, стр. 71.

¹⁸ Besim Atalay. Divanü lügat-it-Türk tercümesi I. Ankara, 1939, стр. 393—394.

¹⁹ Там же, стр. 30.

²⁰ Там же, стр. 32; C. Brockelmann. Mahmud al-Kasghari über die Sprachen und die Stämme der Türken in 11. Jahrh., «KCsA», № 1. Budapest, 1921, стр. 39.

потом уже употреблялся в монастырях, без всякого изменения»²¹. Собственно уйгурская традиция в языке сохранялась довольно долго — до начала XVIII в. Еще в X в. она была воспринята соседним Караханидским государством и постепенно органически сочеталась с местными элементами. Так возник новый литературный язык, на котором Юсуф Бала-сагунский создал свое произведение. Сам поэт назвал этот язык по имени караханидского правителя «бограханским», а Махмуд Кашгарский — «хаканским», то есть высшим, отличающимся изящным литературным стилем²². Этот язык получил большую популярность: «'Atabatu'l-Haqa'iq» Ахмеда Югнеки, хикметы Ясеви, «Qyssas-ul enbija» Рабгузи, «Ashabu'l-kahf» и другие написаны на этом языке. На нем же созданы «Baḡrūyan kitāby», «Āhir zaman kitāby», «Hadrati Marjam kitāby», «Kisek bas kitāby» и другие произведения тюрок, известные татарам и башкирам²³. По меткому определению К. Брокельмана, все эти литературные памятники отражают «письменный язык (eine Schriftsprache), который в отдельных произведениях окрашен в местные диалекты авторов»²⁴.

Литературный язык караханидской поры, несомненно, был известен и Алишеру Навои. Но к XV в. этот язык, во многом архаичный, оказался малопонятным современникам Навои. Гениальный поэт создал не без влияния караханидской традиции новый литературный язык, доступный населению и потому получивший широчайшее распространение в тюркоязычном мире. Язык творений Навои проник далеко на восток — во все уголки Восточного Туркестана²⁵; на западе его влияние испытали ранние турецкие поэты.

На основании изложенного можно прийти к следующим выводам:

1. Язык поэмы «Кутадгу билиг» представляет собой образец литературного языка высокого стиля, весьма популярного в свое время, однако давно оторвавшегося от народной (караханидской) основы, которая сама бесследно исчезла. Этот памятник принадлежит не одному, а многим тюркоязычным народам Средней Азии и является их общим достоянием, общим культурным богатством.

2. Тюркские литературные языки древнего периода — языки искусственно созданные. Они лишь в незначительной степени опираются на живые языки, поэтому при изучении истории современных литературных и разговорных тюркских языков ими надо пользоваться с большой осторожностью, привлекая в основном как типологический материал.

²¹ В. В. Радлов и С. Е. Малов. *Suvarṇaprabhāṣa* (Сутра Золотого Блеска), I—II. СПб., 1913, стр. XV.

²² С. Brockelmann. *Mahmud al-Kasghari*, стр. 38.

²³ Э. Н. Наджип. О средневековых литературных традициях и смешанных письменных тюркских языках. — «Советская тюркология», Баку, 1970, № 1, стр. 89—91.

²⁴ С. Brockelmann. *Osttürkische Grammatik der islamischen Litteraturspachen Mittelsiens*. Leiden, 1954, стр. I.

²⁵ С. Е. Малов. Мир Алишер Навои в истории тюркских литератур и языков Средней и Центральной Азии. — «Известия ОЛЯ», т. VI, вып. 6. М.—Л., 1952.

Г. Ф. БЛАГОВА

«КУТАДГУ БИЛИГ», «БАБУР-НАМЕ» И МЕТОДИКА ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО СОПОСТАВЛЕНИЯ

Древнеуйгурский письменный язык оказал огромное влияние на развитие средневековых тюркских литературных языков. Наряду с уйгурским это положение относится и к древнейшему среднеазиатскому литературному языку донационального периода — чагатайскому, иначе называемому среднеазиатским тюрки.

К памятникам, сохранившим явный отпечаток древнеуйгурского языка, относится документ XV в., приписываемый султану Омар-Шейху, отцу Бабура¹.

Несмотря на огромное значение древнеуйгурского языка в формировании литературного языка тюрки, было бы неверно утверждать, что «язык тюрки есть в своей основе древнеуйгурский письменный язык» и что эта основа сохранилась в неизменном виде чуть ли не до начала XX в.²

Подобная точка зрения была бы повторением довольно распространенного тезиса о развитии тюркских литературных языков единым потоком от единого источника.

Создание общей схемы исторического развития тюркских литературных языков требует в каждом отдельном случае историко-сопоставительных исследований, которые помогут установить истинный характер локальных вариантов тюрки и их соотношение с древнеуйгурским языком.

Без проведения такого рода исследований утверждения о «древнеуйгурской языковой основе» будут неизбежно носить интуитивно-субъективный характер. Сторонниками упомянутого тезиса для подтверждения их концепции в лучшем случае приводятся отдельные древнеуйгурские слова и грамматические формы, хотя и встречающиеся в языке тюрки, но часто носящие характер архаизмов.

Древнеуйгурский и чагатайский языки разные. Это обусловлено уже

¹ См.: П. М. Мелиоранский. Документ уйгурского письма султана Омар-Шейха. — ЗВОРАО, т. XVI, вып. I. СПб., 1905, стр. 01—012.

² К. З. Ахмеров. К вопросу о характере и лексическом составе ранних письменных памятников Башкирии. — Сб. «Башкирская лексика». Уфа, 1966, стр. 10. А. Н. Кононовым высказано предположение, что язык тюрки «восходит к нормам и традициям старых литературных языков Средней Азии — караханидского (X—XII вв., Кашгар) и золотоордынского...» (А. Н. Кононов. Ценный труд по грамматике староузбекского языка. — «Общественные науки в Узбекистане», 1953, № 8, стр. 64). Ср. также: В. В. Радлов. Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга, стр. 1 (отд. отт. из: ЗВОРАО, т. III, 1889).

экстралингвистическими факторами³, в частности различием языковых форм и традиций, сложившихся как при дворе бугра-ханов в XI в., так и у Тимуридов на рубеже XV—XVI вв. Имеется прямое указание самого Юсуфа хас-хаджиба о том, что «Кутадгу билиг» выполнен им в Кашгарском иле и написан «*buğa han tilinçe türk luḡatinçe*»⁴, по-видимому, на диалекте тюркского языка, принятом при дворе бугра-ханов. С другой стороны, широко известно замечание Бабура о том, что в его время к письменному тюркскому было близко андижанское наречие: [андиджан] элинин, лафзи калам бирла расттур ани үчүн ким мир'али шир навайинин, муснафати бавуджуд ким харида нашив-у нама тапиб тур бу тил биладур⁵.

Признание этих неоспоримых фактов обязывает исследователя к более реалистической постановке вопроса о так называемой «древнеуйгурской языковой основе» в чагатайском языке. Необходимо прежде всего проследить, каким же образом древнеуйгурские формы эволюционировали и видоизменялись в чагатайском языке. Было бы чрезвычайно полезно провести наблюдения над миграцией древнеуйгурских форм в разные жанры литературы на языке тюркском, а также изучить индивидуальные построения на фоне эволюции этих древнеуйгурских форм в тюркском и выяснить, как эта древнеуйгурская струя скрещивалась с чагатайской языковой стихией, в результате чего древнеуйгуризм утрачивал свою чистоту⁶. Без этого трудно уяснить себе движение литературного языка, выражающееся в переходе от одних его грамматических форм к другим⁷.

Решить эти задачи невозможно без сопоставительного лингвистического и лингво-стилистического анализа памятников древнеуйгурской и чагатайской литературы.

Возможно ли лингвистическое сопоставление двух столь несхожих по жанру, содержанию и стилю памятников литературы (разделенных к тому же более чем четырьмя столетиями), как стихотворная, риторико-дидактическая поэма «Кутадгу билиг» и прозаический, мемуарно-историографический «Бабур-наме»? Несомненно, сопоставлять эти памятники с точки зрения синтаксиса, стиля или лексики не имеет смысла. Что же

³ Проблема связи языка и общества, изучение истории языка в контексте гражданской истории народа, носителя этого языка, а также соотношение лингвистических и экстралингвистических факторов — все это актуальнейшие вопросы современного языкознания. (См.: «Язык и общество». Тезисы докладов [ОЛЯ АН СССР, Институт языкознания АН СССР]. М., 1966, стр. 7, 9 и сл.).

⁴ *Rahmeti Arat R. Kutadgu Bilig, I—Metin, Istanbul, 1947* (далее это издание обозначается сокращенно — КВІ), стр. 2 АЗВ_{214,24}, ср. стр. С₄₂₃, А₆₃₃.

⁵ «Бабер-наме, или Записки Султана Бабера». Изданы в подлинном тексте Н. И. [Ильминским], Казань, 1857 (далее обозначается БН), стр. 3_{б-в}. М. Салье переводит этот фрагмент так: «Говор народа (Андижана. — Г. Б.) сходен с литературным; сочинения Мир Алишера Навои, хотя он вырос и воспитывался в Герате, написаны на этом языке» («Бабур-наме». Ташкент, 1958, стр. 12). В. В. Бартольд было предложено иное толкование отрывка: «Тот же Бабур говорит, что языком произведений Мир-Али-Шира было андижанское наречие; по всей вероятности, эти слова должны быть поняты в том смысле, что в Андижане, как в культурном городе, говорили «правильно», т. е. близко к литературному языку; это видно и из слов Бабура, что андижанское наречие было *قلم يله راسن* (В. В. Бартольд. Мир-Али-Шир и политическая жизнь. — Сб. «Мир-Али-Шир». Л., 1928, стр. 106).

⁶ Подобные задачи были впервые сформулированы В. В. Виноградовым в целях изучения истории русского литературного языка в его взаимоотношениях с языком церковнославянским. См.: В. В. Виноградов. К истории лексики русского литературного языка. — «Русская речь». Новая серия, I. Л., 1927, стр. 91, 112; его же. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. — «Исследования по славянскому языкознанию». М., 1961, стр. 13, 40 и сл.

⁷ Ср.: «Проблема образования и развития литературных языков». М., 1957, стр. 12.

касается морфологии, этого, так сказать, языкового «костяка», то подобное сопоставление совершенно закономерно и необходимо прежде всего для того, чтобы дать ответ на вопрос: оставался ли древнеуйгурский язык неизменной основой языка тюрк?

Остановимся на грамматических чертах некоторых разрядов слов, на первый взгляд кажущихся совпадающими в обоих памятниках. В самом деле, глагольные образования на ^v-*gan*, *-mis*, *-(u)g*, *-yu*, *-yuluk*, *-yusiz*, *-yutek'*, *-tak* и другие наблюдаются, например, и в том и в другом произведении — точно так же, как и вопросительные местоимения *pä*, *päsä*

или определительные местоимения *barca*, *bütün*, *tük'al*, *tamam*. Исследователей истории тюркских языков чаще всего привлекают различные параллели — грамматические и лексические, то есть сходства в языке исследуемого письменного памятника и других тюркоязычных памятников или же в других тюркских языках.

Несомненно, работы такого рода не в состоянии дать всестороннее освещение большой и сложной проблемы соотношения древнеуйгурской струи и локальной народной языковой стихии.

Сопоставляя сходные элементы обоих памятников, необходимо проследить, нет ли в этом сходстве некоторых дифференцирующих моментов, ведь с диалектической точки зрения «сходство и несходство есть... пара определений, которые непременно соотносятся друг с другом и каждое из которых не может мыслиться без другого»⁸.

С этой целью используем своего рода системную методику⁹. Будем сопоставлять в обоих произведениях не отдельные формы, а всю совокупность форм данной грамматической категории во всем многообразии их функций. Очень важно при этом дать хотя бы приблизительную количественную характеристику степени распространенности этих форм. Кроме того, будем учитывать весь комплекс производных форм и конструкций, образованных в языке того и другого произведения на основе рассматриваемой формы. Такой подход позволит уточнить «удельный вес» данной формы в языке каждого памятника и поможет установить наличие или отсутствие полного, действительного совпадения этих форм в обоих произведениях.

Обратимся к сопоставлению причастий в обоих памятниках. В языке «Кутадгу билиг» обращает внимание прежде всего тот факт, что здесь употребляются три формы причастия, обычно соотносимые с прошедшим

временем. Это *-gan*, *-mis*, *-dük'*. Частота их употребления далеко не одинакова. Широко распространенным и полифункциональным является

причастие на ^v-*mis*, употребляющееся в атрибутивной, предикативной, субстантивной функциях и обладающее способностью принимать аффиксы принадлежности, падежные аффиксы, сочетаться с послелогоми. Почти не уступает ему причастие на *-dük'*, хотя его атрибутивная функция представлена в «Кутадгу билиг» слабо. Причастие на *-dük'* может принимать аффиксы принадлежности, падежные показатели, сочетаться с по-

слелогоми (например, *teg*, *ücün*). Оба эти причастия могут встречаться рядом в одном двустииши: *esitmiş sözüg eşitmedük it / közün körmişin sen: kögünmedük it* (КВІ 410 В 293₄₀₆₂) «Услышанное слово сделай неслышанным; То, что ты увидел своими глазами, сделай неувиденным».

⁸ Гегель. Энциклопедия философских наук. 1 — Логика. М., 1913, стр. 202.

⁹ Об этой методике см.: Г. Ф. Благова. Соотносительные глагольные формы и их развитие в узбекском литературном языке. — «Вопросы языкознания», 1958, № 4.

Реже других, и к тому же неравномерно, в «Кутадгу билиг» встречается причастие на -*gan*. Чаще оно употребляется в атрибутивной функции и значительно реже — в субстантивной; в единичных случаях это причастие сочетается с посессивными или падежными показателями. В предикативной функции причастие на -*gan* выступает преимущественно в составе перифрастических конструкций -*gan bolur* и -*gan k'erék*. Само соединение -*gan* с модально-долженствительным словом *k'erék* наводит на мысль о том, что это причастие в «Кутадгу билиг» не соотнесено с прошедшим временем: *tirig yalñuq oyli tusulñan kerek / tusulmaz kişi toñsa ölgen kerek* (КБИ 330 В 239₃₂₄₇) «Живой сын человеческий должен приносить пользу; Если появится человек, не приносящий пользу, он должен умереть». К тому же именно причастия на -*gan* преимущественно используются здесь в качестве постоянных эпитетов к имени бога: *törütken, igidgen, keçürgen* (КБИ 152 В 108₁₃₄₃, 325 В 235₃₁₈₈, 374 С 218₃₇₁₅) «созидающий, питающий, прощающий». Иногда рядом с причастием на -*gan* в этой функции выступает причастие -(i)*gli*, явно соотнесенное с настоящим-будущим временем, например: *biligli bayat, uqñyly uñan* (КБИ 170 В 120₁₅₃₁) «(все)знающий бог, (все)постигающий, (все)могущий». Для семантико-функционального соотношения изучаемых причастий в языке «Кутадгу билиг» весьма показательно следующее двустийшее, смысл которого зиждется на временной и залоговой дифференциации

причастий на -*mis*, -(i)*gli*, -*gan*: *törütñlmis erdiñ törügñli ölür / törügñli ölür ol törütgen qalur* (КБИ 141 В 101₁₂₄₂) «Ты есть созданный; то, что возникает, умрет; То, что возникает, умрет; тот, кто созидает (т. е. создатель=бог), останется». См. еще: *törütgen bariña törütñmis tanug* (КБИ 18 В 14₁₅) «Созданный есть свидетельство существования созидającego (т. е. создателя=бога)».

Рассмотренные случаи употребления причастия на -*gan* убеждают, что в языке «Кутадгу билиг» это причастие относилось скорее к аспекту настоящее-будущего времени (или к так называемому «всевременному» аспекту), нежели к прошедшему времени.

С настоящим, настоящим-будущим и будущим временами в языке «Кутадгу билиг» соотносятся причастия на -(u)*g*, -(i)*gli*, -*daci*. Наиболее регулярно употребляемым и полифункциональным является причастие на -(u)*g*, свободно принимающее посессивные и падежные аффиксы и сочетающееся с послелогом.

Причастие на -(i)*gli*, неравномерно распространенное в тексте, может быть синонимичным с причастием на -(u)*g*: словоформы *terpñigñli* (КБИ 444 В 318₄₄₁₇) и *terpñür* (КБИ 442 В 317₄₄₀₂) имеют одно и то же значение «живое существо, тварь» (букв.: «то, что движется»). Атрибутивная функция наиболее характерна для причастия на -(i)*gli*, причем в этой функции причастие сохранило способность иметь подчиненные слова и управлять ими: *iç taş biligñli kişi* (КБИ 429 С 252₄₂₆₆) «человек, знающий нутро и внешность», *kişig qul qiliyñli bu iki qiliñç* (КБИ 425 С 249₄₂₂₃) «эти два поступка, превращающие человека в раба». В субстантивной функции причастие на -(i)*gli* могло приобретать посессивные и падежные аффиксы: употреблялось оно и в составе предикативной группы.

Менее употребительным являлось причастие на -*daci*, выступавшее в субстантивной или в предикативной функции.

Обзор причастных форм в языке «Кутадгу билиг» не подтверждает мнения У. Асаналиева и К. Аширалиева о наличии в поэме всего двух

причастий: на ^v-mîs и на -ar¹⁰. Довольно разветвленная «подсистема» соприкасающихся и в известной мере налагающихся одно на другое причастий в языке «Кутадгу билиг» позволяет высказать предположение о том, что в произведении, написанном, по свидетельству самого Юсуфа из Баласагуна, «buğra han tilinçe türk luğatinçe» (КВІ 2 АЗВ₂₁₄), использовались также морфологические формы других родственных наречий. Именно так было позднее в чагатайской поэзии, где, как известно, требования рифмы и ритма, стремление избежать повторений способствовали широкому проникновению огузских грамматических элементов.

В языке «Бабур-наме» полностью отсутствует причастие на -dük^v.

Причастие на ^v-mîs как таковое здесь не встречается, оно сохранилось только в составе редко употребляемых временных форм — прошедшего на ^v-mîs и давнопрошедшего на ^v-mîs ârdî, — да еще как компонент перифрастических форм типа ^v-mîs bolgaj.

Возможно, что с отсутствием этих двух причастий связано широкое распространение причастия прошедшего времени на -gap. В языке «Бабур-наме» это одно из часто встречаемых и регулярно употребляющихся полифункциональных причастий; оно глубоко проникло в сферу финитных форм и составляет неотъемлемый компонент системы грамматических времен.

В значениях настоящего и настояще-будущего времени в языке «Бабур-наме» употребительна новая причастная форма на -aturgan/-adurgan. Она была образована на базе все того же продуктивного причастия на -gap. Причастие на ^v-aturgan компенсирует отсутствие в «Бабур-наме»

форм на ^v-(i)gli и ^v-dacî. По-прежнему остается широкоупотребительным продуктивное причастие на ^v-(u)g, сохраняющее здесь всю сумму своих функций и словоизменительных возможностей.

Итак, действительное внутрисистемное соотношение причастных форм в языке «Кутадгу билиг» заметно отличается от подобного соотношения в языке «Бабур-наме».

Прежде всего резко выражено различие и неодинаковое количество компонентов в этих двух «малых подсистемах» причастий. Что же касается тех причастий, которые встречаются и в «Кутадгу билиг», и в «Бабур-наме», то они отличаются неодинаковой частотой употребления.

Различна в этих двух памятниках временная соотнесенность причастия на -gap. Если среди причастий прошедшего времени в языке «Бабур-наме» преобладает причастная форма на ^v-gap, то для языка

«Кутадгу билиг» более характерна форма на ^v-mîs.

Рассмотрим, как соотносятся эти два произведения в области «малой подсистемы» — глагольных имен.

Самый перечень глагольных имен в том и другом памятнике, пожалуй, не дает таких расхождений¹¹, которые были замечены нами в причастных формах. В обоих памятниках встречаются глагольные имена на

¹⁰ У. Асаналиев, К. Аширалиев. «Кутадгу билиг» эстелигинин тилдик өзгөчөлүктөрү. Фрунзе, 1965, стр. 89.

¹¹ Можно было бы привести изредка встречающиеся в языке «Кутадгу билиг» образования на ^v-(u)ğ: oldıy tuğuy (КВІ 403 С 235₃₉₉₈, 460 С₄₅₈₅) «сидение-стояние» и на ^v-(i)m: alım bîrîm (КВІ 292 С 158₂₈₀₄, 456 С 270₄₅₃₉) «купля-продажа», uım içim (КВІ 442 В 317₄₄₀₂, 477 А 135₄₇₆₉) «еда-питье», но их глагольные свойства проявляются весьма слабо.

-үи, -так, -(i)s. Однако в них в равной мере распространены только имена на -(i)s.

Что же касается двух других глагольных имен, то в различной степени их распространения в «Кутадгу билиг» и в «Бабур-наме» и заключается суть наибольших расхождений.

В языке «Кутадгу билиг» самым употребительным и полифункциональным является глагольное имя на -үи; оно выполняет субстантивную, атрибутивную и предикативную функции и может выступать в отрицательной форме не только в предикативной, но и в субстантивной функции: *уауі қілмау үшін ауыр* (КВІ 223 С 107₂₀₆₇) «говорит про то, чтобы не сделать врагом». Имя на -үи свободно принимает аффиксы принадлежности и склоняется; в дат.-напр. падеже оно имеет целевое назначение: *миң ердем керек бу җиһан тутқуға* (КВІ 43 А 20₂₈₄) «нужна тысяча достоинств, чтобы править этим миром». Форма «экатива» на -са передает деепричастное значение «пока; до тех пор, пока»: *өлмегүҗе уигил ау қадаш* (КВІ 477 А 135₄₇₇₀) «пока не умер, ешь, брат». Употребительны в «Кутадгу билиг» и многие производные от имени на -үи формы, которые известны нам и по «Бабур-наме»: это -үлук, -үсиз, -үсi, -үтек'.

В предикативной функции -үи в «Кутадгу билиг» используется как в своем «чистом виде», чаще всего не требуя даже лично-числовых показателей, так и в составе различных конструкций: *-үи әрди*, *-үи әрса*, *-үи әрмаз*, *-үи јок*, *-үи boldi*, *-үи bolsa*, *-үи болуғ*. Наиболее распространенная предикативная конструкция — это *-үи k'erek*: *qayu kim toғar erse ölgü керек* (КВІ 126 В 190₁₀₈₆) «тот, кто рождается, должен умереть»; *seniңdin eşıtgü керек барға söz* (КВІ 305 С 168₂₉₄₉) «от тебя нужно выслушать все слова».

Имя на -так, встречающееся в «Кутадгу билиг», принимает посесивные и падежные показатели, однако в отрицательной форме оно здесь не наблюдается, а круг его функций ограничен субстантивным употреблением. В предикативных конструкциях это имя отсутствует. Из производных отмечено только *-taklik*; отсутствует и *-takci*.

В языке «Бабур-наме» положение совершенно иное. Глагольное имя на -үи самостоятельно употребляется в единичных случаях и только в субстантивной функции; несколько чаще встречаются его производные *-үлук*, *-үсиз*, *-үсi*, *-үдек*. Но ни имя на -үи, ни его производные не встречаются в отрицательной форме. Образованное на основе глагольного имени на -үи будущее категорическое время имеет сложную структуру (*-үи* + краткий лично-числовой показатель + связка *tur/dur*) и свободно присоединяет аффикс отрицания. Указанная форма прочно вошла в систему глагольных времен.

Хотя позиции глагольного имени на -үи в языке «Бабур-наме» еще достаточно прочны, однако здесь имя на -так — одно из наиболее распространенных и употребительных. Оно может выступать в различных залоговых формах, в отрицательной форме: *анин, бу кэлмамакини* (БН 234₁) «про это его неприхождение». Имени на -так уже удалось вытеснить -үи из ряда предикативных конструкций. Так, вместо *-үи k'erek* в «Бабур-наме» регулярно употребляется *-так k'etak*: *лашк, арға атланмак, керакмиз* (БН 263₇) «мы должны отправиться к войску».

Перифрастические конструкции типа *-үи бол* заменили конструкции типа *-так бол*, *-такка бол*, или *-такci бол* (ср. также имеющиеся в

«Бабур-наме» формы -tak^vi dur, -tak^vi ädi). Примеры: дарйа кэчмăк болурлар (БН 438₄) «они решают перейти реку»; Кабулни тапшурмак_{к1}а болады (БН 156₃₋₄) «он решается сдать Кабул». Местный падеж глагольного имени на -tak^v лежит в основе не слишком часто встречающегося в «Бабур-наме» прошедшего длительного на -takta ädi.

В языке «Бабур-наме» не отмечены предикативные конструкции на -y^vi jok, -y^vi ärmaz, -y^vi ärdi (последняя иногда встречается в языке поэзии того времени). Общая тенденция к «вытеснению» имени на -y^vi сказалась на «экзативной» форме -gusa: наряду с этой формой в языке «Бабур-наме» используются гораздо более употребительные формы на -gap^vsa, -gupa^vsa. Таким образом, причастие на -gap^v в своем экспансивном развитии проникло и в смежную, оказавшуюся уязвимой, область глагольно-именных образований.

Сопоставление языка обоих памятников свидетельствует о том, что для «Кутадгу билиг» наиболее характерно глагольное имя на -y^vi, а в «Бабур-наме» распространение получила форма на -tak^v, воспринявшая функции, утраченные формой на -y^vi.

Продолжив сопоставление, сравним два именных подразряда слов — вопросительные и определительные местоимения. Вопросительное местоимение пă «что» и его производное пăса «сколько» встречаются как в «Кутадгу билиг», так и в «Бабур-наме». При видимом совпадении местоимение пă имеет, однако, производные формы, различные для обоих памятников. Особенно разнообразны эти производные формы в «Кутадгу билиг»: nelük «как, почему»; neçede «когда, после того как»; nepek «зачем»; neteg «подобно чему»; neteglikke; часто встречается negü «каким образом» и ее склоняемые формы, главным образом — вин. и дат.-напр. падежей: negüni, negün, negüg, negüke; ср. сочетание с послелогом negü teg. В «Бабур-наме» комплекс производных форм как по составу, так и по объему совсем иной: пăга «почему», пăсük «как», пă ücün «почему», пă saylık «сколько, насколько».

Вопросительное местоимение ka^vju «какой, который» в языке «Кутадгу билиг» образует формы всех трех локативных падежей: дат.-напр. — ka^vjuка «куда», исх. — ka^vjudin и мест. — ka^vjdа «где» (от краткой основы ka^vj, самостоятельно, как правило, здесь не встречающейся). В языке «Бабур-наме» отмечены только местный и исходный падежи местоимения ka^vj, выступающего в этой краткой форме и самостоятельно: k₁ай йол билан (БН 140₂₁) «какой дорогой»; k₁айда (БН 140₁₅, 119₂₁), с вариантом k₁анда (БН 218₄) и k₁айдин (БН 145₈); в направительном значении «куда» используется сочетание k₁айан (БН 140₁₅) и его форма дат.-напр. падежа k₁айанга (БН 89₂₁) — буквально «в какую сторону». Посессивная форма этого местоимения в языке «Кутадгу билиг» — ka^vjudi «который из них», в языке «Бабур-наме» — ka^vjsi, иногда ka^vjsisi.

Определительные местоимения barca, tük'äl, бүтүн, tamam встречаются в обоих памятниках. Однако в каждом из этих памятников они образуют различные формы, компоненты которых не всегда совпадают, а совпадающие различаются частотой употребления. В языке «Кутадгу билиг» особенно часто используется местоимение kati^vy «все», совершенно отсутствующее в «Бабур-наме». Пожалуй, одинаково часто встречаются в «Кутадгу билиг» barca, tük'äl, бүтүн; в единичных случаях отмече-

но tamam. Для «Бабур-наме» характерен несколько иной набор употребительных местоимений.

Наиболее часто употребляется местоимение *bagca*, обычно использование *tamam*; иногда встречается *tük'äl*, в единичных случаях отмечено *bütüp* и изредка иранское *hämme*.

Итак, сопоставление совпадающих форм в языке «Кутадгу билиг» и «Бабур-наме» дало весьма показательные результаты. Оказалось, что любая из сопоставленных форм в каждом памятнике употребляется в своих собственных, индивидуализованных соотношениях с другими однокатегориальными формами.

«Совпадающие» на первый взгляд формы в том и другом памятнике, как правило, имеют различную частоту употребления, неодинаковый объем функций, разный «удельный вес» в подсистеме, к которой принадлежит та или иная форма. Таким образом, совпадение рассмотренных форм в «Кутадгу билиг» и «Бабур-наме» оказалось далеко не полным и по сути дела лишь поверхностным или кажущимся. Если такие кажущиеся совпадения принимать на веру, не подвергая их всестороннему исследованию, можно прийти к ложным выводам относительно неизменности «древнеуйгурской языковой основы» в языке тюрки чуть ли не на протяжении восьми столетий.

Методика конкретных историко-лингвистических сопоставлений позволяет получить объективные данные о том, как эволюционировали и видоизменялись древнеуйгуризмы на чагатайской языковой почве. При этом, отдавая должное внутренним тенденциям развития языка, нельзя упускать из виду и известную автономность развития письменного языка: смена одних грамматических форм другими могла происходить под воздействием изменявшихся языковых ситуаций, которые обслуживал язык тюрки¹².

При использовании предлагаемой методики в центре внимания должны оказаться не особенности языка, не те или иные экзотические формы изучаемого произведения, а вся подсистема форм, принадлежащих данной грамматической категории, в их системных взаимоотношениях, в их функциональных и количественных характеристиках.

¹² См. об этом применительно к истории русского литературного языка: А. А. Шахматов. Курс истории русского языка, ч. 1. Литогр. изд. 2, СПб., 1910—1911, стр. 28; ср.: В. В. Виноградов. История русского литературного языка в изображении акад. А. А. Шахматова. — Отд. отт. из «Филолошки преглед», 1964, № 3—4, стр. 71.

М. Н. ХЫДЫРОВ

ОТНОШЕНИЕ ТУРКМЕНСКОГО ЯЗЫКА К ЯЗЫКУ «КУТАДГУ БИЛИГ»

Если взять лексику «Кутадгу билиг» в целом, то окажется, что за исключением сравнительно небольшого числа заимствований почти все слова этого древнейшего памятника письменности являются общими для тюркских языков. Большая часть их встречается и в современных тюркских языках. Однако в употреблении, лексико-семантических особенностях и грамматических формах этих слов в «Кутадгу билиг» и в тюркских языках имеются некоторые различия.

Отдельные языковые явления «Кутадгу билиг», характерные для одних тюркских языков, не свойственны другим. Здесь мы будем говорить о тех языковых явлениях «Кутадгу билиг», которые характерны, в частности, для туркменского языка.

1. Многие слова в «Кутадгу билиг», как *utru* (240)¹, *ol is islāsā* — *islemek'* (242), *usal* — *Usal bolma* (244), *tāzār* — *tezmek'* (254), *sāvdi köñlün any taplady* (253), *ozar* — *ozmak* (255), *ynanma maņa* — *ynanmak* (265), *Унансыз* (266), *Aqar suv* (265), *Jüzüm körki körklük* (266), *Bojun eg'mek'* — *Maņa kim bojun ägsä* (266), *Jigit* (246), *karagy* — *qaraýu* (250), *cavy* (253), *māñiz* (262) — характерны и для туркменского языка, в котором они употребляются в том же значении и тех же грамматических формах.

В «Кутадгу билиг» слово *tisi* имеет значение «женщина» (досл. «самка»). В том же значении употребляется это слово и в туркменской классической литературе.

Например:

*tisi kisiläriñ körki meñizi; tisi körki qılıq ol*²

Тижилерден öтри йүзи сувлыг ниче әр («Кутадгу билиг»).

Не махлукдыр, не эркекдир, не тиши,
Бир göзи дум-акдыр, бир göзи чашы.
Ренңи гара аладыр, он ики башы
Ери, göги бирден тутуп дурупдыр³.

Карун мулкун алса бир әр я тиши,
Пулум аз дийр, хер гун чекер кейиши⁴.

¹ Примеры из «Кутадгу билиг» взяты нами из книги С. Е. Малова «Памятники древнетюркской письменности». Цифры в скобках после слов и предложений указывают на страницы этой книги.

² Древнетюркский словарь. Л., 1969, стр. 563.

³ Магтымгулы, т. II, Ашгабат, 1959, стр. 178—179.

⁴ Молланепес. Ашгабат, 1963, стр. 21.

В большинстве современных тюркских языков слово «киши» (киси, кижи) в основном означает «человек», а также «мужчина». Можно предположить, что слово «тиши (тижи)» исторически связано со словом «киши (кижи, киси)», и весьма возможно, что это варианты одного и того же древнейшего слова, с альтернативой смычных в анлауте. По-видимому, в доисторическое время чередование «к» || «т» служило в подобных случаях средством антонимической противопоставленности значений; ср. также «кун» — «день», «свет», «түн» — «ночь», «темнота».

2. Некоторые словосочетания, встречающиеся в языке «Кутадгу билиг», и теперь употребляются в туркменском языке почти без изменений. Например:

Orun bärđi tör (252) — törden orun bermek'. Äcuq tuttu jüz (250) — äl kün (246). Joryqy köni (246) — göni jörmek'. Saňa sözlädim män, sözüň tyň ladym (263).

Orun bärđiň. Orun jök (265). Tobuk järđä (265) — bir daban jerde. Jarajur sözi (259) — sözi jarajar.

3. Пословицы и поговорки, встречающиеся в «Кутадгу билиг», бытуют и у туркменского народа. Для примера можно сослаться на пословицу: «Jüz görk'i göz, til görk'i — söz». Кроме того, в «Кутадгу билиг» некоторые отвлеченные суждения выражаются с помощью пословиц, как-то: «Bilig qadryny häm biliglig bilir (247) — okus kadryny xem okuslyg bilir». «Yaryplyqta jaňlur ... är basy» (248). «Oqusluy biliglig kisilär basy» (243). «Jaraysyz jaransa kör ilkä tägär» (260). «Könül qotqy til sözde jumsaq käräk» (269). «Jayy jätsä öňdün usallar olur» (244). Все эти суждения в основном в тех же выражениях широко распространены среди туркменского народа.

4. Uluý kündä korkit olaryň jüzin (240), ädgü sözin (240), sözin sözlädi (251). Atasyn anasyn joluy qyldy (240). Приведенные выше слова: jüz-i-n, söz-i-n, ata-sy-n, ana-sy-n представлены в безаффиксной форме винительного падежа. И для туркменского языка эта форма является характерной и широкоупотребительной. Полная форма этих слов будет: jüz-i-ni, ata-sy-ny.

5. Выражение пожелания, просьбы через аффиксы «айын», «эйин» характерно для туркменского языка. Это явление часто встречается и в тексте «Кутадгу билиг». Для примера можно привести формы: bag-ajyn, qyl-ajyn, uqtur-ajyn (247, 251).

6. В туркменском языке широко распространено также выпадение в словах узких гласных, в результате чего изменяются и словообразующие модели. Это явление наблюдается и во многих словах в «Кутадгу билиг»; например: «көнли, кадрын» и др.

Вопрос об отношении того или иного конкретного языка к языку «Кутадгу билиг» представляет несомненный интерес для тюркологии — с точки зрения связи языка и истории народа. Специальные исследования по этому вопросу позволяют глубже раскрыть связи туркменского языка и языка «Кутадгу билиг», выявить их близость, которая объясняется историей тюркских народов, их взаимными связями.

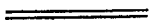
Основные расхождения между языком «Кутадгу билиг» и современными тюркскими языками заключаются, во-первых, в различиях между устной речью и письменным языком того времени; во-вторых, они связаны с изменениями, возникшими в процессе развития этих языков после XI в.

Как известно, в конце X в. к власти в Мавераннахре пришла тюркская династия Караханидов. Сперва в захвате власти, а потом и в управ-

лении государством Караханидов активную роль сыграло несколько тюркских племен, среди которых особо выделялись карлуки, занявшие привилегированное положение в этом государстве. Автор ценной работы о карлуках — К. Шаниязов пишет, что в управлении Караханидским государством карлукам принадлежала ведущая роль⁵.

В. Бартольд также писал о положении карлуков в государстве Караханидов, их месте в управлении этим государством⁶. В устном народном творчестве народов Азии, в их письменной литературе, во многих исторических источниках и исследованиях⁷ говорится и о происхождении слова «карлук», и о близости карлуков и туркмен: «Карлюки — одна из тюркских групп. Они являются кочевниками и наряду с огузами тоже туркмены»⁸.

Так, К. Шаниязов подчеркивает, что «язык алатских карлуков, внешность, домашний обиход, быт и обычаи очень близки к туркменским». Эта близость, подтверждающая сказанное нами выше, результат исторической близости туркмен с карлуками.

⁵ К. Шаниязов. *Узбеки—карлуки*. Ташкент, 1964, стр. 81.

⁶ Материалы по истории туркмен и Туркмении, I. М.—Л., 1939, стр. 236, 386.

⁷ История Туркменской ССР, т. I. Ашхабад, 1955, стр. 228; История народов Узбекистана, т. I. Ташкент, 1960, стр. 269; Б. Г. Гафуров. История таджикского народа, т. I, 1949, стр. 224; См.: «Огузнаме», инв. № 17 в рукоп. фонде АН ТССР.

⁸ Махмуд Кашгари. *Девони лугат-ит-турк*, т. I. Ташкент, 1960, стр. 439.

В. И. АСЛАНОВ

О ЛЕКСИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЯХ В «КУТАДГУ БИЛИГ» И В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Изучение исторической лексикологии того или иного тюркского языка на уровне современных требований науки о языке было бы неполноценным без учета данных общетюркских памятников, а также других памятников различных тюркских языков. При исследовании исторической лексикологии азербайджанского языка, в частности при изучении специализации и генерализации значения отдельных слов, а также при историко-этимологическом анализе той или иной лексической единицы немало важное значение имеют данные памятника «Кутадгу билиг».

Обратимся к сопоставительному анализу лексического материала.

В письменных памятниках азербайджанского языка вплоть до XVI в. слово *galup* употреблялось в значении «многочисленный» (следует напомнить, что в переводе «Книги моего деда Коркуда», осуществленном академиком В. В. Бартольд, это слово везде ошибочно дается в значении «остальные», «оставшиеся»). В современном азербайджанском литературном языке *galup* уже означает «толстый», «густой». В «Кутадгу билиг» слово *galup* имеет то же значение, что и в письменных памятниках азербайджанского языка. Слово *ugı* или *ögü* в значении «вверх» встречается в «Книге моего деда Коркуда» весьма часто и исключительно в сочетании с глаголом *tug-* «вставать». Слово *ugı* часто употребляется и в «Кутадгу билиг» и не только в сочетании с глаголом *tug-*.

В «Кутадгу билиг» часто встречается и слово *orgu* в значении «впадина». По-видимому, в предложении *särp gajalar ojnâmadan jer opryldy* из «Книги моего деда Коркуда» глагол *orgyl-* «образоваться яме» восходит к имени *orgu*.

В строке из «Кутадгу билиг» *haram garma boldy, todıylısy jog* аналитический глагол *garma bol-* состоит из двух компонентов, первый из которых *garma* означает «грабеж». В «Книге моего деда Коркуда» это слово употребляется как глагол со значением «грабить».

Глагол *serg-*, встречающийся в «Кутадгу билиг», имеет значение «освобождать», «избавлять». С помощью общетюркского аффикса *-g'ü* от данного глагола можно было бы образовать имя *serg'ü* со значением «освобождение», «избавление». Хотя в письменных памятниках это слово нам обнаружить не удалось, однако мы не сомневаемся, что *serg'ü*, т. е. «избавитель», встречающееся в строке *aja serg'uci, gel, meni serg'ülä* («О избавитель, приди, освободи меня»), восходит именно к основе *serg-*. В

письменных памятниках азербайджанского языка, в том числе и в «Книге моего деда Коркуда», глагол *söz*- имеет то же значение, что и глагол *seg*- в «Кутадгу билиг». Мы предполагаем, что *seg*- и *söz*- являются фонетическими вариантами одного и того же слова.

Слово *tutam* в «Книге моего деда Коркуда» так же, как и в «Кутадгу билиг», употребляется в значении «горсть». Данное слово в современном азербайджанском литературном языке несколько видоизменило и свой фонетический облик, и свое лексическое значение: приняв форму *tutum*, оно приобрело значение «емкость».

Слово *asuy* «польза», часто употребляемое в «Кутадгу билиг», встречается во всех без исключения письменных памятниках азербайджанского языка вплоть до «Сравнительного словаря» Мухаммеда Таги¹.

Имя существительное *erdem* «доблесть», встречающееся в «Кутадгу билиг», в «Книге моего деда Коркуда» употребляется уже в качестве имени прилагательного *erdemli* «доблестный», т. е. принимает словообразующий аффикс *-li*.

Глагол *ayugla*- «ценить по заслугам», «почитать», производный от имени прилагательного *ayug* («дорогой», «драгоценный», «уважаемый», «почитаемый»), встречается как в «Кутадгу билиг», так и в «Книге моего деда Коркуда» и произведениях Насими, Кады Бурханеддина, Физули, Аmani, Говси Тебризи.

В «Кутадгу билиг» часто встречается глагол *tonap*- «одеваться», «наряжаться» в форме возвратного залога, образованный от имени существительного *ton* «одежда»: *kurumys jyuaclar tonandy jasyI* («Высохшие деревья нарядились в зеленое»). В «Книге моего деда Коркуда» весьма часто употребляется также каузатив данного глагола, т. е. *tonat*- «наряжать».

Можно предположить, что и глагол *tonap*- был известен носителям азербайджанского языка того времени.

В «Кутадгу билиг» встречается глагол *tüner* «темнеть», «наступать ночи», образованный от имени существительного *tün* «ночь», «тьма». По этому же принципу от имени существительного *äv* «дом» образован глагол *ävär*- «женить» в тексте «Книги моего деда Коркуда». Разница между этими глаголами заключается лишь в том, что первый из них является непереходным, второй же — переходным.

По сообщению Махмуда Кашгари, слово *külüg'* в тюркских языках употреблялось в значении «вьючное животное». В «Кутадгу билиг» это слово нередко употребляется в значении «рысак». В предложении *at*

¹ Словарь Мухаммеда Таги хранится в одной из библиотек города Хайдарабада в Индии. Мухаммед Таги, азербайджанец по национальности, был великолепным знатоком арабского, персидского и ряда тюркских языков, человеком, обладающим поэтическим дарованием.

Словарь им составлен по указанию одного из последних правителей Великих моголов в индийском городе Ахмеднегар в первой четверти XVIII в. В начале словаря дан краткий грамматический очерк тюркских языков, в котором анализируются фонетическая и морфологическая структуры тюркских языков в сопоставлении с персидским и арабским языками. Толкование слов в словаре дается на персидском языке. Иногда автор по мере необходимости для полного раскрытия значения того или иного слова, после его толкования, приводит примеры употребления этого слова в произведениях Физули, Навои и других поэтов. Словарь Мухаммеда Таги охватывает азербайджанский, уйгурский, узбекский, татарский и туркменский языки. При содействии покойного профессора Хайдарабадского университета Низамуддина и большого специалиста по литературе хинди, собственного корреспондента «Правды» И. Д. Серебрякова нами недавно получен микрофильм уникального списка-автографа данного словаря.

ajayū kölü^vk, ozan dili ^vcevik olur, часто повторяющемся в «Книге моего деда Коркуда», слово kölü^vk «быстрый», по нашему мнению, представляет собой то же самое слово, что и kölü^vg в «Кутадгу билиг».

Слова gulayuz «проводник», tirig'lig' «жизнь», argys «караван», mın «горе», buğa «верблюд-производитель», jastan- «прислонять», jel- «скачать», парное el-kün «народ» и много других лексических единиц, которые уже не встречаются в современном азербайджанском литературном языке, имеются в тексте как «Кутадгу билиг», так и «Книги моего деда Коркуда».

Слово upay^v употребляется в «Книге моего деда Коркуда» в значениях «опора», «надежда». Это же слово было известно и автору «Кутадгу билиг». Следует отметить, что имя существительное ipan «вера» и глагол ipan- «верить» в современном азербайджанском языке восходят к тому же корню, что и слово upay^v. Если предположить, что и глагол usap- «верить» восходит к этому же корню, тогда, по-видимому, исходным корнем этих слов следует считать *у-.

Слово usag^v в современном азербайджанском языке рассматривается как простое непроеизводное имя существительное, хотя структурно оно и напоминает имя, производное от глагола us- (ср., например, в ряде диалектов азербайджанского языка: usayū usansyn, gara jerä dö^vsänsin, где глагол usap-, по-видимому, имеет значение «измельчаться», «рассыпаться на мелкие куски»). В «Кутадгу билиг» глагол usal- имеет то же значение. В одном из стихотворений великого азербайджанского сатирика М. А. Сабира мы читаем: nā ädäb vagtydyr, goj, söjsün ufakdyr usayūm. Фоно-морфологическая и лексико-семантическая близость слов usag^v и ufag^v позволяет заключить, что основы этих слов us- и uf- восходят к одному и тому же корню.

Слово janlyg^v, не зафиксированное в «Древнетюркском словаре», имеет значение послелога «как», «подобно» и в письменных памятниках азербайджанского языка, и в «Кутадгу билиг».

В «Кутадгу билиг» и в письменных памятниках азербайджанского языка часто встречаются устойчивые словосочетания, компоненты которых состоят из одних и тех же или близких по значению слов, например: kozin tik- «направить взор», elig kötür- «поднять руки», gas-köz tüg'-² «хмуриться», tañ at- «наступать» (об утре), tilin tin-³ «замолкать» и т. п. Имя существительное g'ajū «горе», производное от древнейшего, не зафиксированного в письменных памятниках глагола *gaj- «горевать», в сочетании с je- «есть» или ic- «пить» означает «горевать». В «Кутадгу билиг» же это слово в сочетании с близким по семантике к je-||ic- глаго-

² Значение «хмуриться» в современном азербайджанском литературном языке может быть выражено и сочетанием gaş-gabaūūū tōk', в котором gabag — это «лоб». На наш взгляд, глагол dūj- (более древняя фонетическая форма — tūg'-) превратился в tōk'- на основе народной этимологии.

³ Глагола tin- «успокоиться» нет в современном азербайджанском языке, но имеется производное от него имя прилагательное dīnз «спокойный». Теперь глагольное сочетание dīlini dīnз goj- семантически заменяет tilin tin-.

лом *jut-* «глотать» выражает то же значение: *gadas^v tapa bargy, sadyu jutur* («Пошел он к родственнику, испытывая горе»). Интересно отметить, что сочетание *elig' ju-* в тюркских языках, *دستشستن* в персидском, *умывать руки* в русском, *to wash one's hands* в английском, будучи употребленными в переносном смысле, означают «отказаться», «лишиться». Это сочетание встречается в письменных памятниках азербайджанского языка так же, как и в «Кутадгу билиг». В современном же азербайджанском литературном языке второй компонент заменен глаголом *üz-*.

* * *

Обращение к «Кутадгу билиг» нередко помогает исследователю-лексикологу уточнить значение ряда слов азербайджанского языка. В современном азербайджанском литературном языке слово *januz* употребляется исключительно в сочетании с именами прилагательными *gaга* «черный» и *saгу* «желтый», т. е. в композитах *gaгаjanuz* «шатен», *saгуjanuz* «блондин». Однако конкретного лексического значения слова *januz* мы в словарях азербайджанского языка не находим.

Глагол *janza-* «быть подобным», встречающийся в «Кутадгу билиг», позволяет установить, что слово *januz* или *jaуuz* означает «подобный», «похожий на», «как».

Слово *gylyg* в современном азербайджанском литературном языке встречается лишь в составе устойчивого словосочетания *gylyууна g'ir-* «войти в расположение» и служит основой производного глагола *gylygla-* «угovarивать». Однако лексическое значение самого слова *gylyg* нам не известно. Только ознакомление с лексикой «Кутадгу билиг» позволяет установить, что *gylyg* — это «характер», «нрав».

Историческая лексикология без учета данных современных диалектов, а диалектология без учета истории языка оказываются бессильными.

В ряде диалектов азербайджанского языка, например, имеется глагол *irdälä-* «искать», «выбирать», «отбирать», в составе которого аффикс *-lä-* употребляется для выражения интенсива. Тем не менее мы не знаем, что значит *irdä*. Обращение к «Кутадгу билиг» позволяет определить, что *irtä-* означает то же, что и диалектное *irdälä-*: *esitg'il sözüg', irtä jalъan супуу* («Внемли словам, отыщи (различай) в них правдивое и ложное»).

Глагол *äгin-* «проявить ленивость» встречается во многих диалектах азербайджанского языка. Структура данного глагола и его значение указывают на то, что он употребляется в форме возвратного залога, основой которого должны быть *äг-* или *ägi-*. Основной залог данного глагола мы обнаруживаем в «Кутадгу билиг» в форме *ег-* в том же значении, что и глагол *äгin-* в диалектах азербайджанского языка.

Все дву- и многосложные слова с конечным *-ov || -öv || -oj || -öj || ej* в современном азербайджанском языке являются исторически производными, а последняя морфема в их составе восходит к сложному аффиксу *-aуи*. В ряде диалектов имеется слово *gaгоj* «слепой». В связи с изложенным выше принципом последнее исторически должно было иметь форму *gaгауи*. Именно в такой фонетической форме мы обнаруживаем его в «Кутадгу билиг» со значением «слепой».

Сочетание *ага...ага* в значении союза «то...то» часто употребляется в «Кутадгу билиг»: *аууздуп ага ot ага сув сукар* («Из рта извергается то

огонь, то вода»). Этот же союз встречается во многих диалектах и в ряде письменных памятников азербайджанского языка.

В заключение нам хотелось бы заметить, что здесь нами были рассмотрены лишь некоторые лексические параллели из «Кутадгу билиг» и письменных памятников азербайджанского языка. Эта весьма интересная и богатая фактическим материалом тема не может быть полностью охвачена в небольшом по объему сообщении, и мы надеемся, она найдет соответствующее освещение в монографических исследованиях азербайджанских языковедов.

Э. И. ФАЗЫЛОВ

ЛЕКСИКА «КУТАДГУ БИЛИГ» В ДРЕВНЕТЮРКСКОМ СЛОВАРЕ

Древнетюркский словарь¹ — первый фундаментальный труд, подготовленный на материале лексики многочисленных тюркоязычных памятников VII—XIII вв., весьма разнообразных по своему характеру и содержанию, географической и исторической принадлежности.

Словарь содержит около 20 000 слов и устойчивых словосочетаний, включая имена собственные, географические и этнические названия.

В основу словаря положены результаты исследования отечественных и зарубежных ученых в области исторической лексикографии и лексикологии, а также материалы памятников орхоно-енисейской, арабской, уйгурской, манихейской письменностей и брахми шрифта.

В создании словаря принимали участие такие известные ученые, как С. Е. Малов, А. К. Боровков, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак, В. М. Надеяев, Д. М. Насилов и др.

В Древнетюркском словаре определенное место занимает лексика «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского.

В известном словаре В. В. Радлова «Опыт словаря тюркских наречий», изданном в 1888—1911 гг., засвидетельствовано 2213 слов и словосочетаний из «Кутадгу билиг». В работе С. Е. Малова «Памятники древнетюркской письменности» (тексты и исследования, М.—Л., 1951) из этого же источника отмечено 1140 слов.

В Древнетюркский словарь вошли 2854 слова и словосочетания из «Кутадгу билиг». Кроме того, внесены исправления, уточнения и дополнения в работы В. В. Радлова, С. Е. Малова, Р. Арата. Большая часть этих дополнений и уточнений — результат анализа текста и лексики поэмы, проведенного составителями.

Несмотря на стремление охватить весь словарный состав привлекаемых памятников VII—XIII вв., довольно внушительная часть его, например из «Кутадгу билиг», не вошла в данный словарь.

Некоторые из слов, вошедших в словарь, должны быть уточнены и исправлены. Ниже нами приводятся замечания к отраженной в Древнетюркском словаре лексике «Кутадгу билиг».

1. Не все слова, встречающиеся в тексте памятника, выносятся в отдельные статьи:

ayı чистый, чистоплотный; nekü ter esitgil äj aslı ayı / qara köñlin awlar beki jarlıyı o, чей род непорочный, послушай, что говорят (об

¹ Древнетюркский словарь. Л., 1969.

этом), / повеление бека завладевает сердцами простого люда, КБН, 118a₇.

alīylī покупатель; **satīyıcı** berür nāñ aña mun sanī / alīylī alir äldä äwğär anī торговец (продавец) дает ему вещи в качестве первоначальных оборотных средств, / покупатель берет (эти средства) и пускает их в оборот, КБН, 111Б.

amarat~ämirät эмират, государство; **maliklar** qoruyı ma asbab tüzä / bu tartib va sartı amarat üzä охрана правителей, создание средств и снаряжения, / эти порядки и условия в государстве, КБК, 5₁₀.

arı II волк, КБН, 115б₄.

arsıq дикий, свирепый; **til arslan turur kör esikdä jatur** / aja ewlüg arsq basıññı jejur язык, словно лев, смотри, лежит у порога в клетке, / о, свирепый в клетке уничтожит тебя, КБН, 13a₁₀.

emğär мучение, тягость **meniñ emğärimkä elig altunı** / ayır qılmasu köñli tutsu köni из-за моих мучений пусть элик свою душу не терзает, / пусть на душе у него будет спокойно, КБН, 116б₆.

Erändiz астр. Близнецы, КБН, 12a₁₂.

erik~iririk вечный, вечно живой **joqadur nä ersä sän ök sän irik** все вещи (обречены) на исчезновение, только ты вечно живой, КБН, 7б₁₃.

esin завеса темноты **jasıq jandı jerkä jaqudı basın** / jaruq dunja meñzi qarardı esin солнце закатилось (вернулось) и сблизилось с землей, / светлый мир покрылся завесой темноты, КБН, 121б₉; ~ **qıl-** делать завесу **beliñläb oñundı kötürdi basın** / qara zangi qılmiş jüzini esin испуганно проснулся и поднял голову, / темнота рассеялась, начала восходить заря (букв. черный негр покрыл свое лицо завесой), КБН, 121б₁₂.

ilät- упрекать, порицать **ilätü maña actı dunja sözün** упрекая меня, он раскрыл слова этого мира, КБН, 10a₁₄.

ja ... ja ... или ... или ... **ja ot ja cecäk ünmağınca jasıl** пока не зазеленеют или трава, или цветы, КБН, 11б₅.

jassız без ущерба, без вреда **asıy qulsa barca özün jassızın** / baru käl tapuy qıl köñül ber isin если ты хочешь пользы без ущерба и вреда для себя, / подойди, служи, отдай сердце любви, КБН, 11a₈.

jatyu namaz вечерняя молитва **turub jundı qıldı jatyu namaz** встал, сделал омовение и совершил вечернюю молитву, КБН, 121б₁₁.

jeglik~jiglik несовершенство **baqa kördüm emdi dinim jegliki** / bu jerdä köründi özüm jigliki я увидел совершенство своей веры, / здесь же прояснилось мое несовершенство, КБН, 123б₇.

jıla блеск, сияние **jarasıq jorisa qabas ja adas** / olardıñ bolur qab qabasqa jıla когда живут в согласии близкие или друзья, / от них исходит сияние (радость) на родственников, КБН, 119a₁₂.

Qara qus астр. Юпитер, КБН, 204a₇.

kesmä II волосы **qodı etti kesmä jaruq jüz turdı** / sewüg zulfı toldı juqaru qodı (небо) опустило свои волосы и закрыло светлое лицо, / мир наполнился темнотой, мраком, КБН, 121б₁₀.

köräk листва, листься *jaḡa tursu jaḡmur jazılsu cecäk / qurulmıs* ^{v v} *jıḡacdın salınsu köräk* пусть идут дожди, пусть распускаются цветы, / из высохших деревьев взойдет листва, КБН, 116₃.

külik qıl- понурить голову; низвергать к земле (человека) *kisi söz bilä qoptı boldı malik / üküś söz basıḡ jerkä qıldı külik* человек словом (при помощи слова) возвысился, стал правителем, / многословие низвергло человека к земле, КБН, 136₆.

mubram определенно, твердо *bu söz mubram erdi özüñ sözlädi* эти слова совершенно определены, я сам сказал их, КБН, 120а₆.

otru раз, повторно *jıl aj kün tügäsä asıḡ jumdadur / jüz otru üläsür* ^v *öz asıḡ alur* с истечением года, месяца, дня накапливаются богатства, / сотни раз раздает и свою пользу извлекает, КБН, 1116₃.

ögüs хвала, славословие *aḡırlamıs artuḡ ögüs hil'atı* он оказал почет одеянию славословия, КБК, 71.

ödüñ время *özüm köcsä barsa qalır bu buḡun / du'a birlä tapsa maḡa ul ödüñ* когда я умру и уйду из этого мира, / тогда оставшийся этот народ будет читать обо мне молитвы, КБН, 1126₁.

qala- осыпать *baḡırsaq quluḡ bulsa beglär biläb / anı tutıḡu altun kü-müskä qalab* если беки будут искать и найдут преданного раба, / то они должны его осыпать золотом и серебром, КБН, 116а₇.

qawrul- II подчиняться, покоряться *qutı bulsu dusman bası qawrulu* пусть он обретет покой, недруги пусть покорятся, КБН, 1126₁₂.

qawu счастье *kimini jaḡutub jıraḡ qawıḡa* одних он сблизил с далеким счастьем, КБН, 6₅.

qorıḡu воскресенье, судный день *ilaha küḡäzgil mäñiḡ köñlümi / sä-wüḡ säwci birlä qorur qorıḡımı* о Аллах, спаси мою душу, / в судный день подними меня с любимым посланником, КБН, 9а₅.

saḡuḡ холод, мороз *köñül oḡlayu -ol sınaḡı muḡar / isigkä erir terk saḡuḡqa* тоḡar доказательство этому — хрупкость сердца, / от тепла быстро тает, от холода быстро замерзает, КБН, 1256₇.

sara нищий *bu 'arsta quḡı kör saraḡa tegi / tuzi barca bir-tek bajatqa* ^v *muḡı* смотри, от повелителя до нищего — все до единого нуждаются в бже, КБН, 124а₉.

secü~säcü вездесущий, изранный *törütüti öz urdı secü jaḡluḡuḡ / aḡar berdi erdäm bilig öḡ uḡuḡ* вездесущий господь сотворил человека, / дал ему достоинства, доблесть, знания и разум, КБН, 126₇; *sezigsiz bir ök sän äj mäñü äcu / qatılmaḡ qarılmaḡ saḡısqa säcü* поистине, ты ведь един, о вечный отец, Аллах, / нет тебе счета и исчисления, (о) избранный, КБН, 76₉.

serin- размышлять *sözüg kesti elig särindi turu* элик прервал слова, стал размышлять, КБН, 114а₁.

sincü рядом, близко *Erändiz Quḡıḡ birlä sincü jürir* Близнецы и созвездие Рака движутся рядом, КБН, 12а₁₂.

socit- пугать, испугать *cibün boldı dusman jaḡanḡa beḡüḡ / isirsa*

^vjayannı socıtur käd ög комар стал большим врагом слона, / если укусит слона, заставит его испугаться, КБН, 1256₁₁.

^vsökic фазан ^vsökic qortı örläb qalıqqa ayıb фазан поднялся в небо и начал петь приятным голосом, КБН, 204₉.

^vtanurla- определяться ^vayırılıqın tanurlajur bilig birlä знанием определяется его достоинство, КБН, 126₆.

^vtapu bol- быть удовлетворенным, КБН, 1186₉.

^vtaruylaq пашня, поле, нива ^vmunıqı taruylaq qut urdı eli его пашня, народ и страна зацвели, КБК, 6₁₄.

^vtilmäci толмач ^vuqusqa biligkä bu tilmäci til язык — толмач разума и знания, КБН, 13а₈.

^vtoyuylı рожденный ^vtoyuylı ölü kör qalir belgüsüz смотри, рожденный умирает бесследно, КБН, 136₁₃.

^vtorqu II покрывало ^vjayız jār jasıl torqu jüzkä bađı поверхность бурой земли покрылась зеленым покрывалом, КБН, 10а₂.

^vtürkän тюрки ^vbajat bärđi davlat äj türkän qutı господь дал счастье, о величие тюрков, КБН, 11а₁₁.

^vtütsük tut- задерживать, держать ^vqajsı älig sundı ^vtütsük tutar кто протягивает руку, его задерживает КБН, 106₁₅.

^vuđuı бодрствующий ^vjürimäz ja jatmaz öđimaz uđuı / ja mänzäg ja jañzay kötürmāz ^vbođuı ходит ли, лежит ли, спит ли (всегда) бодрствует (букв. бодрствующий не спит), / нет подобного, равного (его) стану, КБН, 8а₃.

^vulıt- осрамить ^vqalı bolsa esiz ^vulıta seni / özuñ ölsä terkin ^vunıta seni если дети не умны, осрамят тебя, / когда ты умрешь, быстро забудут тебя, КБН, 125а₃.

^vuz- содержать ^vbosuy qul bilä tutsa bolmas bu tüz / ^vbosuy din täni tut ^vquluı qulca uz свободного нельзя держать одинаково с рабом, это верно, / к свободному относиться, как к своей вере, а раба содержи, как раба, КБН, 111а₁₃.

^vüjüķ~öjüķ глубокая яма; бездна ^vajı sewmä dunjay tübi-ol ^vüjüķ (öjüķ) о, не люби этот мир, конец его — глубокая бездна, КБН, 1146₈; ^vöğü tartııl öznı ^vüjüķdin qutul возвышай себя, береги себя от ямы, КБН, 1146₁₀.

2. В словаре отсутствуют устойчивые словосочетания:

^vamul tut- обрести полный покой; поверить полностью ^vaja birgä but- ^vmıs bilig birlä ög / ^vkönül bütti ^vsaksız amul tutııl ög о, верующий единому богу, используй свой разум, / сердце верит без сомнения, подумай и полностью поверь, КБН, 8а₁₁.

^vat ur- давать имя ^vol elniñ böğüsü hakimi turub / ^vat urmıs ul elniñ ^vtö- ^vğüsä köğüb в присутствии знатоков и мудрецов той страны (ему) / дали имя согласно законам и обычаям той страны, КБК, 5₁; КБК, 7₇.

^vazun etil- цвести, расцвести ^velik davlatında etildi ^vazun в царстве элика страна зацвела, КБН, 115а₉; ^vtörü tuz jorıttıñ etildi ^vazun он справедливо правил (страной), страна расцвела, КБН, 1156₁.

basut küc (но имеется ^vküc basut, ДТС, 322) поддержка, помощь ^vseniñdin qulur-mä basut küc bilä прошу у тебя помощи и поддержки, КБН, 119a₂; ~ qıl- поддерживать meni birlä turğıl maña qıl basut будь со мной и поддержи меня, КБН, 121a₂.

biliglig uqusluğ мудрые, принципиальные (см. ^vuqusluğ biliglig, ДТС, 613) bu masriq maliki macınlar begi / biliglig uqusluğ azunda jegi власти-тели Востока, правители Мачина — / самые мудрые и проникательные в мире, КБК, 4₂.

bolu tut- сохранять sewärin äsän tut jağısın kötür / sewüncin bolu tut sağıncın qorur сохрани его любимых, врагов уничтожь, / сохрани его радость, думы развеи, КБН, 116₂.

coğı kes- приостановить распри bularda birisi biringä jağı / jağıqa jağı ıdtı kesti соğı один из них враг другому, / он послал к врагу врага, приостановил распри, КБН, 126₂.

dunja kezgän kisi умудренный (опытом) человек negü ter esitgil bu sartlar bası / öz asyın tilär dunja kezgän kisi послушай, что говорит глава торговцев, / умудренный (опытом) человек ищет свою выгоду, КБН, 1116₉.

el jājü- править страной saranlıq bilä beg jājümäs elin скупостью бек не сможет править страной, КБН, 1126₁₃.

elig kötür- благословлять, прочесть молитву sukr qıldı artuq sewin-di elig / saña qıldı rabbqa kötürdi elig элик сильно обрадовался и выразил признательность, / воздал хвалу господа и благословил (прочитал молитву), КБН, 1156₉.

elig köz tut- направлять, вести, показывать дорогу, путь elig köz tutar kör kitab sözläri / ikigün azunda etär isläri смотри, слова книги показывают (правильный) путь, / и в двух мирах исполнятся его желания (букв. дела), КБК, 4₈.

em qül- принимать меры minum-mu üküsräk azu erdämim / aju ber maña sen qılajın emim больше ли у меня недостатков или достоинств, / расскажи ты мне, приму я меры, КБН, 115a₆.

es ađas друзья, товарищи qatılu keräk es ađaslar bilä друзья и товарищи должны наведываться друг к другу, КБН, 119a₈.

fida bol- жертвовать qacan körsä jüzin bolur zan fida когда увидят её лик, душа готова пожертвовать собой, КБН, 123a₇.

hava nafs увлечение и страсть hava nafs bojni sıyu käd qatıy нужно сильно пресечь основу увлечения и страсти, КБН, 1236₁₁; hava nafs bilä kör jağı ol uluğ смотри! он большой недруг увлечения и страсти, КБН, 1236₁₃.

hamijjat рвение, усердие nätäglikkä jätmäs hamijjat ögi не поддается распросу усердие разума, КБН, 8a₂.

hila ätin- поступать коварно ajur kor näkü-täk ätingü hila / bu dus-man särikin sıyu qatıla посмотри, как поступает коварно, чтобы уничтожить воина врага, КБК, 6₂.

^v ^v **ic tas biligli** всеведующий (эпитет бора) ^v ^v **aj ic tas biligli, aj haqqu-l** jaqin / ^v ^v **közümdä jiraqsän könüldä jaqin o**, всеведующий господь, / **ты** ^v ^v **далек от моих глаз, но близок сердцу, КБН, 76₁₀.**

jaqsı ur- хорошо говорить ^v ^v **edi jaqsı urduñ kisilik ulı / bu-ol cın vafalıñ** ^v ^v **kisilär jolı** об основе человечества ты хорошо сказал, / это — истинный ^v ^v **путь преданных людей, КБН, 112_{а8}.**

jatib je- пребывать в удовольствии и покое ^v ^v **üküs bolsa elkä basutcı** bil-ä / ^v ^v **el etlür bek jatib jer külä** знай, когда много помощников в управ- ^v ^v **лении страной, / страна сильно расцветает, бек пребывает в удовольст-** ^v ^v **вии и в покое, КБН, 1166₉.**

jüz sawlan- быть в почете, быть уважаемым ^v ^v **jawuzqa jüz ursa jüzi** ^v ^v **suwlanur / kicikkä köz aсsa beüklük bolur** когда счастье улыбается дур- ^v ^v **ному, он оказывается в почете, / когда счастье улыбается ничтожному,** ^v ^v **он обретает величие, КБН, 114_{а12}.**

kes je- долго удерживать; править (страной) ^v ^v **er at bolmasa beg elin** ^v ^v **kes jemäs** когда нет воинов, правитель долго не удержит страну, ^v ^v **КБН, 1126₁₀.**

köz qas поддержка ^v ^v **Muhamnad jalawac halajiq bası / qamuñ barca-** ^v ^v **larqa ol-ol köz qası** Мухаммад — посланник, предводитель народа, / ^v ^v **он** ^v ^v **поддержка для всех, КБК, 3₈.**

mäñü el вечный мир; **tünärin orun** временный, неустойчивый ^v ^v **мир** ^v ^v **keräk bu qarañqu tünärin orun / süzüg mäñü elgä asunıñ** ^v ^v **burun** нужно от ^v ^v **этого временного темного мира / спешить в тот чистый вечный мир,** ^v ^v **КБН, 1146₂.**

muqırr bol- осознавать ^v ^v **anıñsız orun joq muqırr bol** ^v ^v **muñar** нет ничего ^v ^v **вне его, ты осознай это, КБН, 8_{а5}.**

örün baslıñ седой ^v ^v **negü ter esitgil örün baslıñ er** ^v ^v **posлушай, что говорит** ^v ^v **седой старец, КБН, 112_{а4}.**

saqısqa qatıl- поддаваться исчислению ^v ^v **saqısqa qatılmaz säniñ birli-** ^v ^v **giñ** твое единство не поддается исчислению, ^v ^v **КБН, 76₉.**

suri 'ibri свирель Исафила ^v ^v **oqır suri 'ibri tünün ham küñun** ^v ^v **день и** ^v ^v **ночь поет свирель Исафила, КБН, 10_{а11}.**

tañqa kir- отречься, стать набожным ^v ^v **valekän ewürdi bu dunjada** ^v ^v **jüz / turub tañqa kirdi köñül qıldı tüz** ^v ^v **однако он отрекся от этого ми-** ^v ^v **ра, / стал набожным и благочестивым, КБН, 1166₁₅.**

tapuñ qıl- служить ^v ^v **negü ter esitgil tapuñ qılmıs er** ^v ^v **posлушай, что гово-** ^v ^v **рит человек, который служил, КБН, 191_{а14}.**

tilin ewrä jandur- раскаиваться, каяться ^v ^v **tilin ewrä jandur turu qaldı** ^v ^v **söz** ^v ^v **раскайся, слова останутся навеки, КБН, 1146₁₁.**

toqus qıl- сражаться ^v ^v **qaju ol malik kim toqıs qılyñı / uruslar ödindä** ^v ^v **cärik tüzgüni** ^v ^v **тот царь, который сражается, / во время битвы выстраи-** ^v ^v **вает воинов, КБК, 6₁.**

tü boduñ bod- исполнять все великолепно (букв. окрашивать в разные ^v ^v **цвета) qaju iskä tegsä bodur tü boduñ** ^v ^v **когда он прикасается к какому-либо**

делу, то исполняет все великолепно (*букв.* окрашивает в разные цвета), КБН, 1166₁₂.

^vzan ^vjuluyla- стараться изо всех сил, не жалея себя ^vugur ^vzan ^vjuluylab ^vtapuyci qilic / anin asyi el kand uluslar erinc слуга, не жалея себя, бьет саблей, / от этого польза (захват) стран, городов, сел, КБН, 1116₆.

3. Допускается неточность в передаче значений слов:

aba V *межд.* *отвращения, негодования* со ссылкой на **ajva** *межд.* *отвращения, негодования (тьфу)* следует читать как **evä** (деепричастие глагола *ev-* спешить, торопиться)² с теми же предварительными цитатами из КБН, 116₃₀, 21₁₁.

artla- 1. давать пощечину; 2. бить, ударять; *вм.* второго значения следовало бы дать отдельную словарную статью: **artla-** II со значением *нагружать* с той же подтверждающей цитатой из КБН, 227₁₂.

asun- *возвр.* от **as-** I; *вм.* второго значения *перейти* следовало бы дать отдельную словарную статью: **asun-** II со значением *спешить* с той же подтверждающей цитатой из КБК 117₂, причем не на 11 строке, а на 2.

elig altuni (ДТС, 170) *вм.* *государь* лучше *душа, сердце, правителя.*

ilät- (ДТС, 207) дано с отсылкой на **elät-** *тащить, нести* (ДТС, стр. 169); следовало бы дать и II: *упрекать, порицать*, КБН, 10a₁₄.

inclik 1. покой; 2. свободное от занятий время (ДТС, 210); второе значение следовало бы дать: *удобный случай, благоприятный момент* с той же подтверждающей цитатой из КБН 243₅.

jola- вести, сопровождать (?) (ДТС, 271); лучше *поддерживать, заступаться*, КБН, 121a₂.

kökis *название птицы* (ДТС, 313) следует читать и как **kökis** в значении *гордый* с той же подтверждающей цитатой из КБН, 10a₇ (18—7; см.: эта же цитата в ДТС с другим переводом на стр. 234, 588).

köñül jelgit- волновать сердце (ДТС, 316) следует читать и как **köñül jelgüt-** в значении *очаровывать*, КБН, 115a₁₂; **köñül köni tut-** правильно поступать, лучше *быть уверенным, быть спокойным за будущее*, КБН, 1166₅.

mün II богатство в деньгах, капитал (ДТС, 352); лучше *первоначальный оборотный капитал, постоянные оборотные средства* в тех же подтверждающих цитатах из КБН.

özlä- присваивать, приспосабливать для себя (ДТС, 395); лучше *сделать своим; присвоить* в тех же подтверждающих цитатах из КБН.

tasul- (?) подниматься (?) (ДТС, 539); лучше *быть полезным*: **budunqa tasulyil** **muñinga** **jağa** будь полезен своему народу, помогай в беде, КБН, 120a₈.

tezginük путаный (ДТС, 558); лучше *вскружившаяся* (о голове) в той же подтверждающей цитате из КБК, 177₁₇.

titir I. порода верблюдов (?) (ДТС, 564); правильнее *караван верблюдов*, КБН, 10a₇.

tulas бледный (о цвете лица) (?) (ДТС, 585); лучше *потерявший надежду; унылый* в той же подтверждающей цитате из КБН, 10b₁.

² Неверное чтение (*aba* и *ajva*) и перевод отмечены и у Р. Р. Арата: *Rahmeti Arat. Kutayü bilig*, I. Istanbul, 1947.

^v
usun верхняя часть плеча (?) (ДТС, 617); лучше стан, рост, КБН, 1216₁₄ и т. д.

4. В словарных статьях не приводятся все значения слов:

В слове *bütün* II не отмечено *убежденный, уверенный*, КБН, 8a₁₂, в *jumı* — *собранный*, КБК, 7₁₃; в *julu* не приведено значение *жертва*, КБН, 113a₁₁, в *mäsäl* не отмечено значение *подобно, как*, КБН, 111b₁; в *mupıqı* не дано *этого, его*, КБК, 6₁₄, в *öđ* I. время не отмечено *случай*, КБН, 122b₆, в *qaru* не указано *чертог, обитель*, КБН, 111a₁₄; в *talı* не отмечено *истинный, верный, неподдельный*, КБН, 114b₅; в *jelgür-* не приведено *успокаиваться*, КБН, 123a₁₁; в *saqıslı* не отмечено *учет и отчетность*, КБН, 111b₄; в *qumaru söz* не дано значения *пословица, поговорка*, КБН, 111a₈; в *elig tut-* не отмечено *поддерживать*, КБН, 8a₁₅, 8b₁; в *köpül-* не указано *направлять на правильный путь*, КБК, 6₃ и др.

5. Имеются неточности в переводе подтверждающих цитат:

Keväl tazı büktäl tayı arqunı aqur toldı арабские скакуны, лошади с широким крупом и другие заполнили конюшни, КБН, 385₁₁ (ДТС, 132); лучше дать «конюшни заполнились скакунами (кевалями), арабскими скакунами, лошаадьми с широким крупом и аркунами».

sav altun bilä tartsa beglär elig если беки действуют словом и золотом, КБН, 224₆ (ДТС, 170); лучше «если беки будут действовать чистым золотом».

^v
bu beglik sevinci jarıñqı asıy радость этих беков (букв. этого бекства) — в завтрашней выгоде, КБН, 222₁₂ (ДТС, 241); лучше «радость этого бекства (т. е. радовать других во время бекства) — завтрашняя выгода».

^v
azun fäljäsufı neñi bolmasa / necä tildam ersä kisädi tilig если у философа в этом мире нет богатств, / то сколько бы красноречивым он ни был, считай, что он связал себе язык, КБН, 226₁₀ (ДТС, 566), но этот же пример на другой странице ДТС (310) переведен по-другому «...сколь бы красноречивым ни был он, считай, что ему связали язык»; лучше «если у философа мира (т. е. знаменитого философа) нет богатств, то сколько бы красноречивым он ни был, считай, что он придержал свой язык за зубами».

^v
äsiridin keligli qalıq qusları прилетающие из эфира небесные птицы, КБН, 19₁₁ (ДТС, 412); лучше «небесные птицы, прилетающие из Асира (название местности)».

^v
süzük meñgü elkä asunııl burun с самого начала ты перейди в светлый и вечный мир, КБК, 177₂ (ДТС, 64); лучше «с самого начала (прежде всего) спеши в светлый и вечный мир».

6. Встречаются неточности в цитатах и транскрипции:

^v
ediz 'arsta mundın ðära 'qa teği / tözü barca munııuy turur bir teñi (ДТС, 55; см. стр. 493) должно быть ediz 'arsda aldın sära 'qa teği / tözü barca munııuy turur bir teñi, КБН, 334₁.

saran beg həzinə terär neñ urur / aqı beg qılıç birlä artlap alur (ДТС, 57) должно быть saran beg terär neñ həzinə urur / beg qılıç birlä artlap alur, КБН, 227₁₂.

bü tegmä kisigä kitab bermägü (ДТС, 75) должно быть äj tegmä kisigä kitab bermägü, КБН, 5₁₂.

erät (ДТС, 175) лучше дать er at: bu bari həzinə bu oltun kümüs / er atqa ülägükä terdim üküс этих всех сокровищ, золота и серебра, я собрал много, чтобы раздать воинам, КБН, 112a₁₃.

‘uqb (ДТС, 613); лучше ‘uqba, КБН, 223₅.

qosuγ (ДТС, 460); в рукописи qosuq, КБК, 7₁₅ и др.

7. Нет систематичности в ссылочных и других пометах:

ödüñ ~ ödüñ (ДТС, 378), aγırlıq II (ДТС, 20), имеется вариант aγırlıγ: jaratmıs aγırlıγ bilıglär bilä создал он с достоинствами и знаниями, КБК, 4₁ и др.

В отдельных случаях значение, приведенное в заглавии словарной статьи, не подкреплено цитатами (например, в слове **abadan** нет цитаты на значение «населенный, благоустроенный»).

Список необходимых исправлений и уточнений по всем приведенным выше пунктам можно было бы продолжить.

Несомненно, назрела необходимость в составлении словаря «Кутадгу билиг» с использованием для этого электронно-вычислительной машины. Критическое использование материалов Древнетюркского словаря поможет решению этой проблемы.

Г. П. МЕЛЬНИКОВ

К ЭТИМОЛОГИИ ОТРИЦАНИЯ tegül

(ПО МАТЕРИАЛАМ «ДРЕВНЕТЮРКСКОГО СЛОВАРЯ»)

Одна из своеобразных черт грамматического строя тюркских языков — отсутствие универсальной отрицательной частицы, подобной русской частице «не». Действие в тюркских языках отрицается чаще всего с помощью аффикса -та, для выражения факта отсутствия чего-либо используется слово jök; для оформления фраз с логической структурой «А не является Б», для обозначения **отсутствия качества** («А не обладает качеством Б»), либо для обозначения **невключенности в класс** («А не входит в класс Б») в одних группах тюркских языков закрепилось слово, восходящее к древнетюркскому emäs, в других — к древнетюркскому tegül. Если первое из этих слов этимологически совершенно прозрачно, то относительно этимона второго слова мнения тюркологов весьма сильно расходятся. Это дает основание предпринять новую попытку установления этимологии отрицания tegül, тем более, что с появлением «Древнетюркского словаря» открылась возможность использовать наиболее ранние и, следовательно, более достоверные сведения о форме и значении сопоставляемых форм и морфем¹. Что же касается самой методики оценки степени правдоподобности того или иного варианта этимологии отрицания tegül, то при этом будут широко использоваться приемы, разработанные в связи с применением в тюркологии методов системной лингвистики. Кроме того, будут привлекаться данные о некоторых семантических универсалиях. При этом предполагается, что основные сведения относительно предлагавшихся ранее этимологий слова tegül, изложенные в специальной статье А. Н. Кононова, хорошо известны читателю.

Поэтому в дальнейшем, при сопоставлении рассматриваемых этимологий, будут называться лишь их авторы, без ссылок на литературу².

Прежде чем перейти непосредственно к слову tegül, рассмотрим современные представления о своеобразии строя тюркских языков вообще. В первую очередь напомним о том, что в работах, посвященных этому вопросу, подчеркивается слабая степень различий между именными и глагольными формами выражения сказуемости³.

С таким толкованием своеобразия тюркских частей речи хорошо согласуются выводы о том, что тюркское предложение представляет

¹ См.: «Древнетюркский словарь». Л., 1969. Все ссылки на него будут даваться в тексте в форме: (ДТС, ...), где на месте многоточия будут указаны страницы Словаря.

² См.: А. Н. Кононов. Этимология слова дәгил «не есть», «не». — В сб.: «Советское востоковедение», VII, 1949, стр. 52—62.

³ См., напр., Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 138.

собой последовательность двух атрибутивных цепей: цепи подлежащего (если оно состоит более чем из одного слова) и цепи сказуемого, все элементы которой могут расцениваться как атрибуты к сказуемому⁴.

Наиболее глубоко и последовательно эта идея разработана в трудах Н. А. Баскакова. Он показывает, что и само сказуемое может быть расчленено на составляющие, так что основа, после которой идет показатель сказуемости, завершающий предложение, этимологически также должна истолковываться как атрибутивный член по отношению к показателю сказуемости. Эти положения сопровождаются анализом типов логических операций, соответствующих атрибуции и предикации⁵.

На сходных принципах основывается описание строя татарского языка у М. З. Закиева⁶. И, наконец, с позиций системной лингвистики, из формулировки ведущей грамматической тенденции тюркских языков (детерминанты) как принципа экономии служебных элементов, логически вытекает и слабая дифференцированность имени и глагола, и наличие всего двух видов синтаксических отношений в тюркском предложении (предикации и атрибуции), а также препозиционный характер тюркской атрибуции, и, наконец, роль показателя сказуемости как определяемого в атрибутивной цепочке, представленной группой сказуемого⁷.

В соответствии со взглядами Н. А. Баскакова, М. З. Закиева, а также на основе выводов системной лингвистики, тюркскую фразу типа *ol anı satıysaq ol* «он собирается его продать» (ДТС, 336) буквально следовало бы перевести как «он—его продавательно склонный он», так как местоимение в конце фразы реализует один из способов согласования темы с ремой⁸.

Если это так, то, в частности, и отрицание *jök* в предложениях, выражающих отсутствие чего-либо, следовало бы переводить словами «отсутствовательный», «отсутствовательно», когда *jök* используется в роли атрибута, а не рассматривать его то как «отсутствующий», то как «лишенный», «неимущий», то как «нет» (ДТС, 272, 273). Например, *bu kitab jök (ol)* «эта книга — отсутствовательная (она)», т. е. «этой книги нет» и *jök budun* — «отсутствовательный народ», т. е. народ, у которого все отсутствует, «неимущий народ». Соответственно, турецкое *sen yoksun* «ты — отсутствовательный ты», т. е. тебя нет. Принимая во внимание все сказанное, попытаемся сделать некоторые выводы относительно семантики этимона интересующего нас отрицания *tegül*. Если учесть, что после него могут стоять аффиксы сказуемости, например *sen jayı tegül sen* «ты — не враг», то необходимо осмыслить значение этого отрицания как некоторого атрибута, способного отвечать на вопрос, «какой», «как». Даже если принять гипотезу о том, что *tegül* этимологически распадается на элементы *teg* и *ül*, причем последний элемент по происхож-

⁴ Н. З. Гаджиева. О методах сравнительно-исторического анализа синтаксиса (на материале тюркских языков). — «Вопросы языкознания», 1968, № 3, стр. 22; Б. А. Серебренников. Причины устойчивости агглютинативного строя и вопрос о морфологическом типе языка. — В сб.: «Морфологическая типология и проблема классификации языков». М.—Л., 1965, стр. 8.

⁵ N. A. Baskakov. Sur la genèse de la structure de la proposition dans les langues turques. — «Acta Orientalia Hungarica», t. XI, 1960, fasc. 1—3; *его же*. Типы сказуемого простого предложения в тюркских языках и их происхождение (доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов). М., 1960; *его же*. Введение в изучение тюркских языков. М., 1963; *его же*. Бинарные оппозиции в структуре синтаксиса тюркских языков. — В сб.: «Всесоюзная научная конференция по тюркским языкам». Баку, 1969, стр. 3—4.

⁶ М. З. Закиев. Синтаксический строй татарского языка. Казань, 1963, стр. 82—83.

⁷ Г. П. Мельников. Синтаксический строй тюркских языков с позиций системной лингвистики. — «Народы Азии и Африки», 1969, № 6, стр. 104—113.

⁸ См.: Г. П. Мельников. Указ. раб., стр. 109—110.

дению является не аффиксом, а местоимением ol «он, тот», то и тогда нужно объяснить, какое атрибутивное значение несет слово teg или его этимон. Рассмотрим с этой точки зрения существующие варианты этимологии слова tegül. Если считать tegül самостоятельным словом, то в выражении отсутствия качества, как bu at tas tegül «этот конь плохим не является (он)», «этот конь не плохой», мы можем реконструировать различные внутренние формы, в зависимости от того, какую из гипотез об этимоне tegül мы примем. Исходя из примеров Махмуда Кашгарского (ДТС, 158) и диалектных данных В. Минорского (1940 г.), т. е. признавая, что tegül распадается на day ol, мы можем отождествить это day только либо со словом tay (ДТС, 526) «гора» или day «клеймо» (ДТС, 158). Ясно, что весьма трудно перебросить смысловой мост между идеей отрицания и идеей горы или клейма. Поэтому, если даже tegül восходит к day, то само day может рассматриваться лишь как промежуточная фонетическая форма какого-то другого слова, относительно которого у Махмуда Кашгарского нет прямых указаний. Поэтому более интересно рассмотреть те этимологии, которые возводят отрицание tegül к словам с конкретно указанными значениями. Так, Ж. Дени считает, что tegül восходит к слову tükäl «полно, совершенно» (ДТС, 595). Однако весьма трудно понять, как в рассматриваемом нами примере значение «полноты» может использоваться, хотя бы переносно, в роли заменителя значения отсутствия качества: «этот конь плохой полный (совершенный) (он)» или «этот конь — плохнй полный (совершенный) он» в значении «этот конь не плохой».

Трудно оправдать семантически подобную конструкцию отрицания, если принять и гипотезу А. фон Габэн (1942 г.). Она считает, что tägül состоит из слов tāk ol, где tāk означает нечто дефективное, пустое: «незаконный, бесцельный». «Этот конь — плохо (плохно) незаконный (бесцельный) (он)».

Бесим Аталай (1942 г.) видит в tegül (в турецком — degil) фонетический вариант слова dagil «рассеивать, распределять». Но и в этом случае приходится делать очень большую семантическую натяжку, чтобы выражение «этот конь плохо (плохно) рассеянный (распределенный, распределительный) (он)» осмыслить как «этот конь — не плохой».

А. Н. Кононов (1949 г.) возводит tegül к jok ol, где jok — слово, означающее отсутствие⁹. Прямая подстановка jok вместо teg делает рассматриваемый нами пример также семантически малопонятным. Фразу «этот конь — плохо отсутствующий он» трудно осмыслить как «этот конь — не плохой». Однако вспомним сделанное выше замечание о том, что слово jok, если его переводить как «отсутствовательный», можно использовать и в значении «отсутствующий», и в значении «тот, у кого что-то отсутствует», т. е. в значении «имеющий отношение к отсутствию». Если это принять, то этимология А. Н. Кононова выглядит уже как весьма правдоподобная: «этот конь — плохо отсутствовательный он», т. е. «этот конь — к отсутствию плохого имеющий отношение он». Это выражение уже нетрудно осмыслить как «этот конь — не плохой он», т. е. в полном согласии с действительным значением рассматриваемой конструкции.

И, наконец, необходимо упомянуть этимологию Б. Коллиндера (1939 г.), который считает, что tegül — это отглагольное имя от teg

⁹ Эта точка зрения разделяется, по-видимому, А. М. Щербаком. См.: А. М. Щербак. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. М.—Л., 1961, стр. 163.

«касаться, достигать, иметь отношение (касательство), соответствовать, стоять» (ДТС, 546—547). В частности, он мотивирует это тем, что одно из производных слова *teg*, а именно *tegmä*, имеет значение не только «любой, всякий, разный» (ДТС, 548), но и «никакой», «по-видимому, не». Однако этот отрицательный смысл Б. Коллиндер демонстрирует лишь в слове *tegmä*, а не *tegül*. Поэтому, восстанавливая в нашем примере значение *tegül*, мы можем лишь предположить, что оно просто совпадает со значением *teg*, но не *tegmä*. В этом случае мы получим такой перевод: «этот конь плохо (плохо) касательный (соответствующий, стоящий, имеющий отношение) (он)». Такая конструкция замечательна тем, что она почти во всех вариантах возможных значений способна достаточно ясно выражать интересующую нас семантику как наличия—отсутствия качества, так и вхождения—невхождения в класс: «этот конь к плохости имеющий отношение он», «к плохому относящийся он», «плохости соответствующий он», «к плохости имеющий касательство он».

Эти выводы должны были бы нас обрадовать, если бы не их парадоксальность: вместо выражения **невхождения** в класс, мы получили способ указания на **вхождение** в класс. Следовательно, собственно отрицания, т. е. самого главного в значении слова *tegül*, мы как раз и не увидели. Поэтому из всех рассмотренных этимологий наиболее правдоподобной представляется та, которая предложена А. Н. Кононовым. Однако, прежде чем принять ее окончательно, подвергнем более тщательному анализу аргументы, выдвинутые для ее обоснования.

Возведение слова *tegül* к отрицанию *jok* требует, как и в случае ряда других этимологий, отнесения *-ül*, т. е. второй части *tegül*, к фонетическому варианту местоимения *ol* «он, тот». Функция этого местоимения хорошо согласуется с позиций *tegül* в предложении: *ol* служит средством согласования темы с ремой, т. е. является «представителем темы в реме»¹⁰. Однако все это выглядит естественно лишь до тех пор, пока рассматривается согласование сказуемого с подлежащим в третьем лице. Для первого и второго лица следовало бы ожидать существования форм типа *tegmen*, *tegüm* или *tegsen*, *tegsün*, подобных формам *jokum*, *jokmen*, *joksen*, *joksun*, широко представленным во всех тюркских языках. Но, как известно, отрицания типа *tegmen*, *tegsen* нигде не зафиксированы. Если же, тем не менее, допустить, что закономерные тюркские формы первого и второго лица от *teg*, восходящего к *jok*, когда-то существовали и просто не сохранились, то тогда трудно найти правдоподобное объяснение для оправдания перехода от *tegmen* или *tegsen* к современным *tegilim* и *tegilsin*. С этой точки зрения этимология А. Н. Кононова, а также и другие этимологии, рассматривающие элемент *-ül* как прежнее предикативное местоимение *ol*, представляются не совсем убедительными.

Еще больше настораживает фонетическое различие между *jok ol* и *tegül*. Безусловно верно, что в тюркских языках зафиксированы перехо-

ды: *t—d—dj—j—z*; *k—g—h—j*; *a—ä—e—ö—o*; *o—ö—ü*. Если для доказательства этимологического тождества двух слов, состоящих из пяти звуков, необходимо предположить фонетические трансформации для четырех из них, то такая этимология должна сопровождаться конкретными обоснованиями неизбежности каждого из перечисленных переходов, а не просто указанием на наличие в тюркских языках таких переходов в числе многих других возможных. В рассматриваемой работе А. Н. Кононова мы не находим таких конкретных фонетических обоснований.

¹⁰ См.: Г. П. Мельников. Указ. раб., стр. 109—110.

Конечно, в этом возражении подчеркивается лишь недоказанность выдвигаемой этимологической гипотезы, малая вероятность столь сложных фонетических трансформаций, но не отрицание их возможности. В этой связи представляется сомнительным и даже маловероятным следующее явление. Дело в том, что и tegül и jök ol занимают одну и ту же позицию в предложении, выполняют абсолютно тождественную синтаксическую функцию, оба семантически выражают идею отрицания, оба оказываются подверженными одинаковым влияниям со стороны просодики фразы, и тем не менее в одном и том же языке при выражении отсутствия субъекта слово jök и сочетание jök ol осталось в своей «первозданной форме», тогда как это же самое слово в сочетании в тем же последующим словом при выражении отсутствия качества или невхождения в класс почему-то фонетически изменилось почти до неузнаваемости, превратившись в tegül¹¹. Положение сохранится, если исходной или более близкой к этимону считать форму teg, а форму jök рассматривать, как фонетически производную.

Поскольку после специального анализа этимологическая связь отрицания tegül с отрицанием jök уже не представляется столь очевидной как вначале, вернемся к гипотезе Б. Коллиндера, считающего отрицание tegül «именным» образованием от «глагола» teg. Кроме отмеченной выше естественности синтаксической конструкции с tegül, выражающей идею вхождения в класс или наличия признака, этимология Б. Коллиндера подкупает еще и тем, что фонетически она абсолютно безупречна: образование «отглагольных имен» с помощью аффикса -ül/-ul/-il/-il — известное явление в тюркских языках, например турецкое çök-ül «осадо́к» от çök «оседа́ть», tek-il «единственное число» от tek «один» и т. п.¹² Следовательно, остается только выяснить, может ли корень teg, в ряде значений которого в первую очередь указывается обычно значение «касаться», послужить основой для слова teg-ül, выражающего отрицательную предикативность: «не есть, не является, не входит в класс, не имеет качества».

Поскольку речь идет лишь о принципиальной возможности конкретных смысловых связей, то их «нащупывание» может осуществляться на материале любого языка, в том числе и русского. Итак, какое семантическое поле может возникнуть на основе идеи «касания», какие значения можно получить на крайних точках семантических цепей, исходным звеном которых является слово со значением «касания»?

Рассмотрим первую цепочку ассоциаций, связанных со значением «касаться», «касание».

1 — касаться, коснуться, дотронуться; 2 — дотянуться, достать; 3 — доткнуться, наткнуться, соткнуться, напороться; 4 — досягать, достигнуть, осуществить, посягнуть, напасть, атаковать; 5 — достичь, настичь, нагнать, догнать, дойти; 6 — достигая, доходя, вплоть до.

Если учесть, что в тюркских языках залоговое значение очень часто не требует формального выражения (например, basla- «начина́ть» и «начина́ться», несмотря на возможность специальной формы baslan- «начина́ться»), то во многих из перечисленных значений заложена семантика и обратного направления действия. Например, 2 — доставать и доставаться (выпадать на долю), 5 — напасть и быть подвергнутым (нападению, мучениям), достигать и осуществляться, доставать и доставлять, 3 — наткнуться и проткнуться и т. д.

¹¹ А. Н. Кононов сам отмечает этот странный факт, но объяснения, по существу, не дает. См.: А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 100.

¹² См.: А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 124.

Вторая ассоциативная цепь: 1 — касаться, 7 — иметь касательство, 8 — иметь отношение, относиться, относительно, 9 — соотноситься, соответствовать, 10 — быть соответствующим, быть подходящим, 11 — подходить, походить, быть похожим, быть подобным, 12 — быть эквивалентным, равнозначным, равноценным, достойным, удостаиваться, 13 — достоинство, цена, стоимость.

Третья ассоциативная цепь уже не непосредственная, а ответвляющаяся от звеньев второй цепи: 12 — быть равноценным, 14 — взаимозаменимым, 15 — допускающим обмен, оборот, обращаться, 16 — вращать, вращаться, кружиться, окружать, 17 — круговорот, круг, кругом, вокруг, круглый, сферический, шар.

Четвертая ассоциативная цепь: 14 — взаимозаменимый, 18 — замена, менять, изменять, изменяться, видоизменять, переменять, сменять, отменять, 19 — отменно, отлично, отличающееся, неодинаковое, различное, 20 — разнообразное, всякое, любое, каждый.

А теперь заглянем в «Древнетюркский словарь» и найдем тюркские эквиваленты к перечисленным значениям. Оказывается, что все эти значения выражаются либо словом *teg*, либо его производными (ДТС, 546—549). Корень *teg* выражает значения 1, 4, 5, 6. Слово *teg-i* соответствует значению 6; *teg-ärä* — 8; *teg-il* — 3; *teg-in* — 4, 5, 6, 12, 13; *teg-inc* — 5, 6; *teg-ir* — 13; 2; *teg-irä* — 17; *teg-irmä* — 17; *teg-irmän* — 17; *teg-ir-mi* — 17; *teg-irmilä* — 16; *teg-irmiläyu* — 17; *teg-is* — 14, 18; 1, 2, 4; *teg-lär* — 3; *teg-mä* — 20; *teg-räk* — 17; *teg-räklä* — 16; *teg-im-lik* — 1, 8, 11, 12; *teg-sil* — 18; *teg-sür* — 18; *teg-sürül* — 18; *teg-süt* — 18; *teg-ü* — 6; *teg-ür* — 5; *teg-zim* — 17; *teg-zin* — 16; *teg-zinc* — 16, 17.

И, наконец, цель наших поисков — слово *tegül* — также оказывается в гнезде производных от корня *teg* и должно быть включено в четвертую ассоциативную цепь со значениями под номером 19: отменно, отлично, отличающееся, отличительное. Одновременно мы выяснили, что слово *teg-mä*, привлекаемое Б. Коллиндером для объяснения значения слова *tegül*, действительно является производным от корня *teg* и весьма близко в ассоциативной цепи от *tegül*: отменное, отличное, различное, разнообразное, всякое, любое, каждое.

Обосновав таким образом семантическую естественность гипотезы Б. Коллиндера о производности *teg-ül* от корня *teg* и уточнив внутреннюю форму слова *tegül* как «нечто отличное, различающееся, несхожее», проверим теперь, «вписывается» ли такое значение в рассмотренное нами предложение, содержащее это отрицание. *Bu at tas teg-ül (ol)* теперь необходимо перевести так: «этот конь — плохно отличительный (он)», т. е. «этот конь от плохого отличающийся (он)», «этот конь — не плохой». Как видим, этимологизированная семантика такой конструкции несколько не противоречит ее актуальному значению. Совершенно ясно также, что и в предложениях, обозначающих не только отсутствие признака, но и факт невхождения в определенный класс, конструкция с *tegül* остается столь же логичной. Например: *bu at at tegül, taj ol* «этот конь — конно-отличительный, жеребенный он», т. е. «этот конь — не конь, а жеребенок».

Но не слишком ли искусственны такие семантические реконструкции, не противоречат ли они духу тюркского строя? По-видимому, нет, так как именно в подобных конструкциях наиболее явно представлена атрибутивная структура тюркского сказуемого, наличие которой отмечают тюрко-

логи и естественность и даже необходимость которой вытекает из формулировки детерминанты тюркских языков.

А как отнестись к тому факту, что семантика tegül, по существу, не является отрицательной, ибо она не отрицает вхождения темы в некоторый класс, а **утверждает отличие** того класса, в который входит тема, от того, который охарактеризован в реме всеми словами, стоящими в функции атрибута перед tegül? Как уже отмечалось, последовательная атрибутивность структуры тюркского предложения может быть проведена лишь тогда, когда каждое его слово является либо определением, либо определяемым, т. е. отвечает на вопросы «кто?», «что?», или «какой?». Именно такова семантическая природа tegül: оно означает «отличие» или «отличительный», совершенно аналогично другому тюркскому «отрицанию» — jök, которое естественней понимать как «отсутствие», «отсутствовательный». Следовательно, и tegül и jök имеют внутреннюю форму **не отрицания, а утверждения противоположности**, и лишь на уровне актуального значения мы имеем право рассматривать их как средства выражения **отрицания**, подобно тому, как в русском языке на вопрос «На месте ли товарищ Иванов?», можно ответить в форме противоположного утверждения: «Товарищ Иванов отсутствует», обойдясь без собственно отрицательной формы «Товарища Иванова нет на месте».

Но тогда попутно возникает вопрос: является ли отрицательным аффикс -та? В свете всего сказанного ясно, что и этот аффикс естественней расценивать как выразитель семантики **противоположности**, а не **отрицания** действия. Именно поэтому форма с -та нередко выступает в роли **антонима** к соответствующей форме без -та, например: тур. ууц «спи», уушта «бодрствуй». Не вдаваясь в подробности, можно отметить, что если русская фраза «он не спит, а читает» на уровне логической записи расшифровывается как «ложно, что он спит, истинно, что он читает», то соответствующая по актуальной семантике тюркская фраза ol ууштауог, окууог должна быть представлена как «верно, что он бодрствует, (а именно) верно, что он читает». Иными словами, если в русской фразе языковыми средствами сначала выражена ложность, а потом истинность суждений, то в тюркском эквиваленте аналогичный смысловой эффект достигается перечислением истинных суждений, и они превращаются в однородные члены сложного суждения. Подтверждением правильности такой трактовки логической структуры тюркских высказываний и, следовательно, правильности предлагаемого понимания внутренней формы не только tegül и jök, но и аффикса отрицания действия -та, служит тот факт, что лишь из такого понимания вытекает отсутствие потребности в использовании союзов, в том числе — противительных, столь характерное для тюркских языков. Как известно, те немногие союзы, которые встречаются в тюркских языках, являются заимствованными и малоупотребительными.

После уточнения семантики аффикса отрицания действия -та легко обнаружить, что «отрицательная форма» от корня, означающего идею «бытия» e, eg (ДТС, 175), является скорее его антонимом: eg-mä-s «то, чему присуща антибытийность», «антибытийный». Следовательно, слово с такой семантикой потенциально может быть средством выражения идеи невхождения в класс, т. е. выполнять роль, подобную tegül, что мы и наблюдаем как в древних, так и в современных тюркских языках.

Приведенная выше фраза, при замене в ней слова tegül словом emäs, сохраняет заданную логическую структуру, которая на уровне актуальной семантики обозначает факт невхождения в класс: bu at at emäs taj

ol «этот конь конно антибытийный, жеребенный он», т. е. «этот конь — не конь, а жеребёнок».

Хотя аргументов, свидетельствующих о связи слова *tegül* с корнем *teg-* приведено уже немало, рассмотрим в заключение некоторые дополнительные выводы, вытекающие из данной этимологии, и проверим, насколько эти выводы согласуются с языковыми фактами.

а) Если верно, что этимологически тюркские отрицания обозначают утверждение противоположного, то каждому из таких «отрицаний» должно соответствовать нечто с весьма ясным антонимичным значением. Действительно, для идеи **отсутствия**, представленной словом *jok*, мы находим антоним, выражающий **наличие**, а именно, слово *bar* (*var*). Слову с аффиксом «антидействия» *-ma* всегда соответствует антоним для констатации протекания этого действия в виде формы без *-ma*. В частности, такой парой являются слова *eg* со значением **бытийности** и *eg-mā-s* со значением **антибытийности**.

Но если это так, то слову *tegül*, выражающему идею **отличия**, различия, нетождества, должно быть противопоставлено некоторое антонимичное слово со значением соответствия, схожести, **подобия**, тождественности. Есть ли такое слово в тюркских языках? Да, есть, и, как мы видели, идея тождества, схожести, подобия имплицитно содержится в том же корне *teg*, с исходной идеей касания, во второй из рассмотренных ассоциативных цепей: касаться, иметь касательство, иметь отношение, соотноситься, соответствовать, подходить, походить, быть похожим, подобным, сходным. Например, *javımiz tegirā usıq teg erti* (ДТС, 546) «враги наши — вокругно хищно подобно бытийные (они)», т. е. «враги наши — вокруг хищным (птицам) подобны были». *Ögülık teg siz* (ДТС, 546) «восхвалительно соответствующий ты», т. е. «восхвалению ты соответствуешь», «ты достоин восхваления».

Итак, действительно, мы находим к слову *tegül* его антоним *teg*, исходное значение которого уже содержит в себе возможность развиться до степени антонимов, подобно русскому «очевидно», используемому в значении как полной достоверности, так и явной сомнительности. При этом необходимо учесть, что противоположность значений *teg* и *tegül* отражена внешне дополнительным аффиксом, так что опасность перепутать утверждение с отрицанием полностью исключена.

б) Чтобы убедиться в том, что сам факт развития антонимичных значений **подобия** и **различия** из одного и того же исходного значения не представляет чего-либо исключительного, рассмотрим известный греческий формант «анти». В научной терминологии этот формант обычно используется в значении, близком к значению тюркского *tegül* — «отличный, иной, противоположный». Но в самом греческом языке семантика «анти» гораздо шире: она перекрывает значения как *tegül*, так и *teg*, даже не изменяя своей формы. Так, с одной стороны, мы находим вполне «естественные» для нашего привычного понимания слова с формантом «анти»: антиос «противоположный», антион «напротив», антилогия «противоречие». Но, с другой стороны, встречаем такие слова, как анти-леон «подобный льву», анти-лирос «подобный звукам лиры», анти-морфос «подобный по форме». И особенно показательно, что одно и то же слово с формантом «анти» используется в весьма различных и даже полностью антонимичных значениях. Например, анти-палос — «противосильный» — употребляется и в значении «равносильный, соответствующий, подобный», и в значении «противоположный, противный, вражеский, враждебный, нападающий». Далее, когда понятие равносильности ассоциируется в этом слове с идеей возможности эквивалентной замены, то появля-

نکو تراشیتیکل او قوشلغ یئلی او قوشلغ یئلی اجتی معنی یولی

سحر

اودی بولسا کور کیت تلک لاد کایوز اینتوقا سوزا ایتلن سوز کا سوز
 قوغ ننگ کا دقت لول اودی بکلورک اودی بولدی ایز سا کور دور ایکی کوز
 بوسکیغ لراک بوخا اددام بلیک اولوغ حاج او ترو او زانسا ایلک
 وار دی ای ایلک او زدم بیلشی مونیخ او توندوم انتمیش توشی

ایملک ایدی او قتم ایشیتیم بوسوز

تقیر سوزا یئور سیشکدن بواوز

نکا ایخیل امدکی قوغ بشلار ایدز نکوتک لراک ای بوا بشلار ایداز

ماهی صبحی شالار سا کور لاله

سوز سردی اولدو ویشتر ایدی ایلک اساز انج تری بیلک ای قلفی سیلک

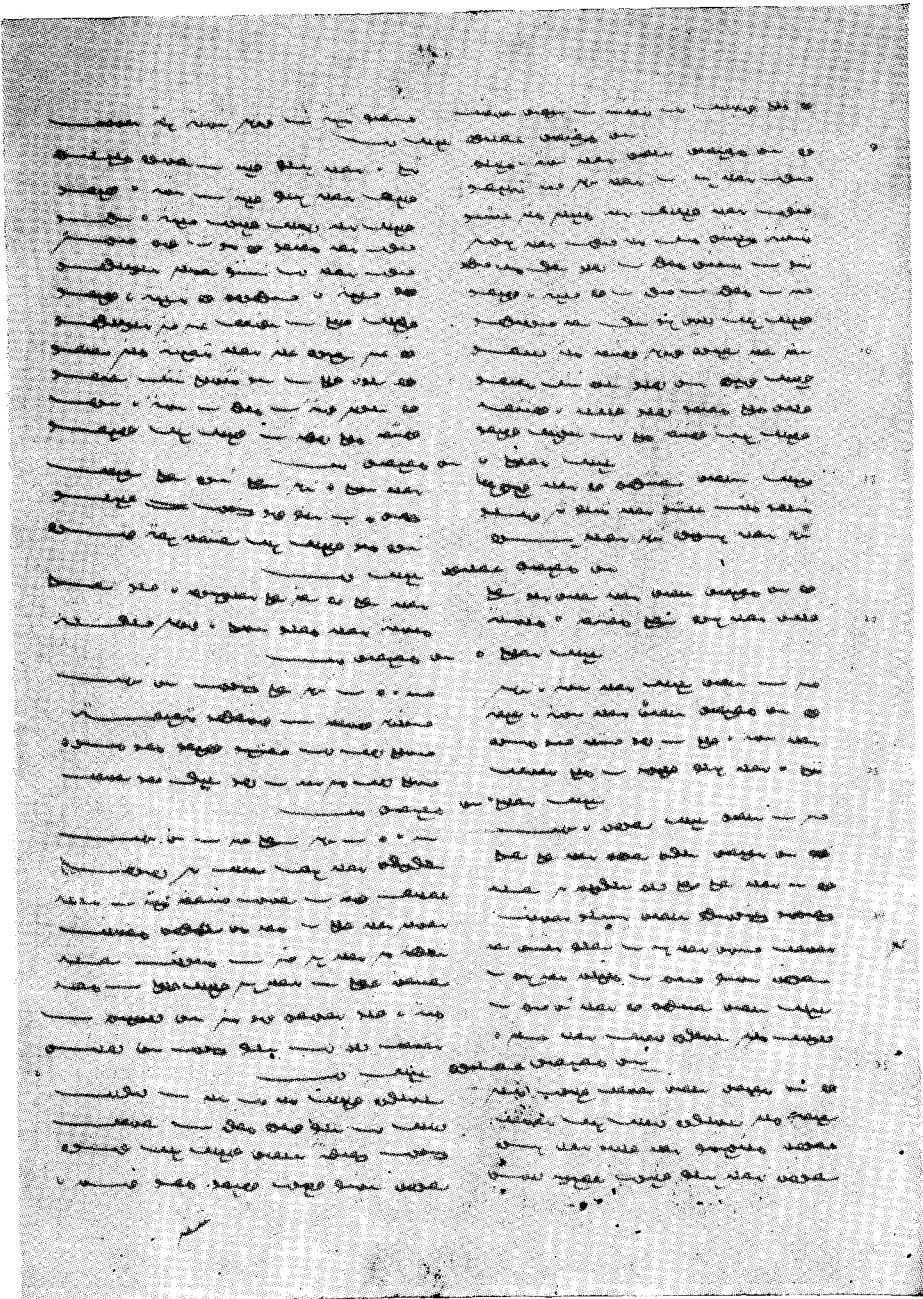
قوغ یشلار ایدک بفر ساق کراک تیجانی پیر لا بفر ساق کراک

قبوغدایر وئسا قرانکفوتوزک

قبوغدایر وئسا قرانکفوتوزک

توردم قوقیلایا قلسا قوغ اونکای بولسا قلفی قلفی قوغ

توزی اونکای کیندای بولسا کدر کوموش بولسا التوز اراق قلسا ادا

Сорок четвертая страница Венской (Гератской) рукописи «Кутадгу билиг».

ется значение «подменяющий, резервный, защищающий», когда же равносильность воспринимается как уравниловка противоположных сил, то то же самое слово переводится уже как «противник, враг, соперник».

Примеры подобной полисемии, доходящей практически до омонимии, представлены и в других языках, ибо в данном случае мы имеем дело с **семантической универсалией**, в соответствии с которой знак для выражения идеи сопоставимости легко превращается в знак как идеи подобия, эквивалентности, так и идеи различия, противоположности.

в) Но нет ли натяжки в том звене наших доказательств, где значение соответствия выводится из значения касания, хватания, доставания? Чтобы убедиться, что и тут все смысловые сдвиги относятся к числу вполне типичных, универсальных, обратимся к некоторым фактам из самих тюркских языков. Исходная посылка такова: если в тюркских языках есть какие-либо другие корни, кроме *teg*, обозначающие нечто близкое к идее касания, прикасания, хватания, то и в этих корнях мы должны увидеть проявление тенденции к полисемии, приводящей к использованию этих слов хотя бы в некоторых из тех производных, ассоциативных значений, которые выведены нами для корня *teg*. Рассмотрим, например, тюркский корень *jet* (ДТС, 258, 259), означающий идею «дотянуться, достигнуть, схватить», т. е. примерно то же, что и корень *teg*. Действительно, семантические ассоциации у *jet* и у *teg* весьма близки. Производные от *jet* обозначают уже хорошо известные нам «вплоть до» и «подходить», «быть подходящим», т. е. «соответствовать». Фразу *Bükegük-ke jet-dim teg-dim* «Я достиг местности Бюкегюк». А вот пример использования *jet* для выражения идеи подобия: *Kim ersä aniñ körkeñe jet-mes bol-dı* «Кто угоден с его красотой несравнимым был»¹³.

Из идеи полного соответствия развивается значение истинности, определенности, точности в слове *jet-gü* (ДТС, 259). Тут же мы находим, как и в греческом «анти», значение замены, подмены, подкрепления, прикрытия, защиты, резерва *jet-üt* (ДТС, 260). Правда, хотя *jet* и используется в значении «нападать», но антонима к «подкреплению», «защите» с корнем *jet* в ДТС мы не находим. Однако этот участок семантического поля перекрывается производными от другого слова с близким исходным значением: *jaу* «прикасаться», «дотягиваться, приближаться» (ДТС, 224). Здесь снова через семантику касания, касательства, отношения, соотношения, сопоставимости развивается значение противопоставимости, соперничества. Отсюда *jaу-ı* «соперник, противник, враг» и в то же время *jaу-ıq* «близкий, родственник, свой», т. е. один из антонимов значению «враг».

Итак, гипотеза о происхождении слова *tegül* от корня *teg*, высказанная еще в 1939 году Б. Коллиндером, но очень слабо аргументированная, представляется наиболее естественной, поскольку она не требует фонетических натяжек, хорошо согласуется с современными представлениями о специфике строя тюркских языков, опирается на многочисленные прямые и косвенные семантические обоснования, представляемые как материалами древних и современных тюркских языков, так и типологически-

¹³ Примеры заимствованы из книги: А. С. Аманжолов. Глагольное управление в языке древнетюркских памятников. М., 1969, стр. 43.

ми параллелями в языках иных систем. Слово *tegül* оказывается этимологически не отрицанием, а словом, констатирующим нетождество, различие, отличие, подобно тому, как слово *jok* констатирует отсутствие, лишенность. Антонимом к *tegül* во многих случаях может выступать исходный корень этого же слова, т. е. *teg* «соответствовать, быть подобным», причем такого рода семантические явления широко представлены и в других языках.

Г. К. КУЛИЕВ

О ФОРМЕ ВИНТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА ТИПА *sözün*, *tewesin* В ТЕКСТЕ „*Divanü lûgat-it-türk*“ МАХМУДА КАШГАРИ

В тексте «*Divanü lûgat-it-türk*» Махмуда Кашгари широко употребляется форма винительного падежа, выраженная аффиксом -п: *Ol sözün unıttı* (МК I, 215)¹ «О, sözünü unuttu»; *Kız saçın taradı* (МК III, 260) «*Kız saçını taradı*»; *Ol kulin urdı* (МК I, 165) «О, kölesini döğdü»; *Ol anıng tewesin çöktürdi* (МК II, 181) «О, onun devesini çöktertti, çöktürdü» и т. д. Здесь слова *sözün*, *saçın*, *kulin*, *tewesin* стоят в винительном падеже и по своему морфологическому составу могут анализироваться двояко: *söz* (корень), -i (аффикс принадлежности третьего лица единственного числа), -п (аффикс винительного падежа), или же *söz* (корень), -in (аффикс принадлежности третьего лица, единственного числа), *tewesin*—*tewesi*-п или же *tewe*-sin. Более подробно об этом будет сказано ниже.

Приведенная форма винительного падежа характерна также и для ранних тюркских письменных памятников: ...*äkisin özi* алтызды (КТб., 38) «...двух из них он сам попустил взять»; ...*ilın алтымыз*... (КТб., 38) «...его племенной союз покорили»²; Бирек ол киши билигин, өгин көнүлин ычғынсар, кюдсар, анан₁ (вм. анын₁) бэлгүси антағ болур: билгэ билиги татығысырайур (ТМК—III) «Как только тот человек теряет и оставляет свое знание, мысль и чувства, то признаком этого бывает то, что мудрое познание лишается [всякого] интереса (букв. вкуса)» (билиг-ин, өг-ин, к₁өн₁үл-ин — вин. пад.)³; Оғуз калкан₁н «щит Огуза», к₁атн₁н₁ içägүсін «внутренности чудовища»⁴; ...*gylyzun hämail gusandy* (Китаби-Дәдә Горгуд) «...саблю на перевязь надел (он)» и т. д. Данная форма винительного падежа широко представлена и в памятниках азербайджанской клас-

¹ МК I — *Mahmud Kaşgari. Divanü lûgat-it-türk tercümesi*, çeviren: Besim Atalay, cilt I, Ankara, 1939; МК II — *Mahmud Kaşgari. Divanü lûgat-it-türk tercümesi*, çeviren: Besim Atalay, cilt II, Ankara, 1940; МК III — *Mahmud Kaşgari. Divanü lûgat-it-türk tercümesi*, çeviren: Besim Atalay, cilt III, Ankara, 1941.

² С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 32.

³ В. М. Насилов. Древнеуйгурский язык. М., 1963, стр. 33 (ТМК—III—А. v. *Le Coq. Türkische Manichaica aus Chotscho*, — АРАУ, Berlin, Bd. III, 1922).

⁴ А. М. Шербак. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. М.—Л., 1961, стр. 79.

сической литературы: K'irpijin oxuna, gasyn jajyna Asigin sinäsin sipär dedilär (XIV в.)⁵; Dāhanin dārdimā dārman dedilär zanānyn (XVI в.)⁶.

Эта форма винительного падежа в некоторых случаях употребляется и в современном азербайджанском разговорном языке: ...hamysyn verdin Ahmādā? (М. Сүлейманов. Фыртына) «...все отдал (ты) Ахмеду?»; Aslin axtarsan gyz jaman xosuma g'älir (Н. Ибрахимов. Сабаһын сорағында) «Если признаться, девушка мне очень нравится».

Форма винительного падежа на -п (с аффиксом принадлежности третьего лица) сохранилась в ряде современных тюркских языков: в татарском основной падеж апын balası «его, её дитя», винительный падеж апын balasyn⁷; в кумыкском основной падеж ату «его конь», винительный падеж атын⁸; в ногайском, карачаево-балкарском основной падеж ату «его отец», винительный падеж атусын⁹. В тюркологии до сих пор нет единого мнения относительно этой формы. Ряд исследователей рассматривает её как сокращённую форму винительного падежа¹⁰.

М. Н. Хыдыров пишет, что в языке произведений Махтумкули, как и в разговорном туркменском языке, встречаются случаи выпадения аффикса -у || -і винительного падежа при притяжательном склонении третьего лица. Далее в его работе приводится пример: Bir oʻyul unzytsa ata— enesin; Dissizler nan tapsa, cāresin ejlār; Synasyn sagrysyn, gerisin görin; Qavunyn jagsysyn sagal ijr dijrler¹¹.

А. М. Щербак эту форму винительного падежа считает стяженной формой¹². В другом месте, не употребляя термина «стяженная форма», он пишет: «Параллельно аффиксу -ні, -ні (здесь речь идет об аффиксе винительного падежа в притяжательном склонении третьего лица. — Г. К.) в восточнотуркестанском языке употребляется его разновидность без конечного гласного -н»¹³. Интересно, что в Указателе грамматических форм книги «Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана» А. М. Щербак в аффиксе -ін || -ін видит форму винительного падежа существительного с аффиксом принадлежности третьего лица единственного числа¹⁴ и приводит примеры: көңі-ін «его сердце» (вин. пад.); көсүшін «его желание» (вин. пад.)¹⁵ и т. д.

Среди тюркологов по данному вопросу существует и другое мнение:

⁵ Р. Мәһәррәмова, М. Чананжиров. Азәрбајҹан дилинин тарихи синтаксисинә даир материаллар. Бақы, 1962, стр. 58.

⁶ Там же, стр. 59.

⁷ В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Казань, 1934, стр. 97.

⁸ Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка. М.—Л., 1940, стр. 67.

⁹ Х. И. Суянов. Карачаево-балкарские и монгольские лексические параллели. Канд. дисс. Черкесск, 1969, стр. 145—146.

¹⁰ Э. М. Дәмирчизадә. «Китаби-Дәдә Горғуд» дастанларынын дили. Бақы, 1959, стр. 79, 124; М. И. Боргояков. Прямое дополнение в хакасском языке. Автореф. канд. дисс. Томск, 1961, стр. 18; М. Н. Хыдыров. Туркмен дилинин тарыхындан материаллар. Ашгабат, 1962, стр. 105, 289; Р. Мәһәррәмова, М. Чананжиров. Указ. раб., стр. 58.

¹¹ М. Н. Хыдыров. Указ. раб., стр. 289.

¹² А. М. Щербак. Грамматика староузбекского языка. М.—Л., 1962, стр. 104.

¹³ А. М. Щербак. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана, стр. 79.

¹⁴ Там же, стр. 198.

¹⁵ Там же, стр. 39.

Н. К. Дмитриев¹⁶, Э. В. Севортян¹⁷, В. М. Насилов¹⁸ полагают, что в данном случае имеет место аффиксальная форма винительного падежа.

Э. В. Севортян пишет, что аффикс *-(y)p* — древняя форма винительного падежа, регулярно появляющаяся в енисейско-орхонских памятниках во всех случаях, когда имя наращено аффиксом принадлежности. Аффикс *-(y)p* сохранился в огромном большинстве тюркских языков при склонении слов с аффиксом принадлежности третьего лица¹⁹.

С. Е. Малов в указателе грамматических форм книги «Золотой блеск», касаясь этого вопроса, приводит: 1) *-п* — вин. пад., *qarasyp* «народ его», 607²⁰; *будунын карасын ашмыш үклitмиш коп* (607¹⁹) «он все существующие народные массы увеличил и приумножил»²¹; 2) *-syp* — вин. п., 3 л. (*-sy-p*), *budunyp qarasyp* (парн.) «народ его», 607^{18,22}; 3) *-sy* притяж. 3 л. *qarasyp* «народ его» (вин. п.), 607²³. Очевидно, С. Е. Малов аффикс *-syp* разлагает на *-sy* (аффикс притяж. 3 л.) и *-п* (аффикс вин. пад.). В другом месте этот же аффикс он расчленяет по-иному: *-mysyp* (*-mys-yn*) прич. вин. п. *qan aqmysyp körti* «он увидел течение крови» (618¹¹)²⁴. По-видимому, следовало бы этот аффикс рассматривать состоящим из элементов *-ту*, *-sy*, *-п*, ибо здесь *-sy* в составе слова *qarasyp* — аффикс принадлежности третьего лица единственного числа.

По мнению Н. К. Дмитриева, первоначальной формой аффикса третьего лица была *-уп* ... (после согласных), *-syp* ... (после гласных). Конечный звук *п* этой формы мог факультативно отпадать (ср. *bile* и *bilen*), создавая параллельный вариант аффикса без звука *п*, т. е. *-у*...²⁵ Подобно тому как в современных тюркских языках основной падеж имен может выполнять и функцию неопределенного прямого объекта, точно так же можно предположить, что исторически слово с аффиксом принадлежности третьего лица наряду со своей функцией в основном падеже выполняло также и функцию прямого объекта в винительном падеже. Если после аффикса принадлежности не следовали другие аффиксы, то конечный *-п* этого аффикса отпадал, когда же за ним следовали падежные аффиксы, согласный (*-п*) сохранялся в форме *-уп* ..., *-syn*...²⁶: *atyn-da* = *at-yn-da*, *atyndan* = *at-yn-dan*; *atasyn-da* = *ata-syn-da*, *atasyndan* = *ata-syn-dan* (азерб).

В формах типа *sözin*, *tewesin* из текста «*Divanü lûgat-it-türk*» Махмуда Кашгари на первый взгляд имеется сокращенная или стяженная форма аффикса винительного падежа в притяжательном склонении. Как мы видели, аффикс *-п*²⁷ можно считать аффиксом винительного падежа в

¹⁶ Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка, стр. 67; его же. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 65.

¹⁷ Э. В. Севортян. Категория падежа. — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. II. Морфология. М., 1956.

¹⁸ В. М. Насилов. Язык орхон-енисейских памятников. М., 1960, стр. 25; его же. Древнеуйгурский язык, стр. 33.

¹⁹ Э. В. Севортян. Указ. раб., стр. 52.

²⁰ С. Е. Малов. Указ. раб., стр. 193.

²¹ Там же, стр. 173.

²² Там же, стр. 195.

²³ Там же.

²⁴ Там же, стр. 193.

²⁵ Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка, стр. 68.

²⁶ Там же, стр. 67.

²⁷ Следует отметить, что в современном якутском языке аффикс *-п* является живой формой выражения винительного падежа в лично-притяжательном склонении (Е. И. Убрятова. Якутский язык. — В кн.: «Языки народов СССР», т. 2. Тюркские языки. М., 1966, стр. 409).

притяжательном склонении, но никак не сокращенной или стяженной формой. Напротив, А. Кастреном, С. В. Ястремским, Г. Д. Санжеевым была высказана мысль о том, что аффикс винительного падежа -у || -і происходит, вероятно, от форманта родительного падежа²⁸, а последний, в свою очередь, по мнению В. В. Радлова, «есть не что иное, как аффикс принадлежности, который первоначально присоединялся только к личным и указательным местоимениям»²⁹.

В. А. Богородицкий также предполагал родство окончания винительного падежа -у || -і с притяжательным аффиксом третьего лица³⁰.

Итак, первоначально -уп ... был притяжательным аффиксом третьего лица. В дальнейшем -п стал выражать винительный падеж, а гласный -у приобрел значение притяжательного аффикса третьего лица в основном падеже.

²⁸ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 96.

²⁹ Там же, стр. 95.

³⁰ В. А. Богородицкий. Указ. раб., стр. 103.

С. А. СОКОЛОВ

КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА В ТУРЕЦКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ И ЕЕ ВЗАИМОСВЯЗЬ СО СМЕЖНЫМИ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИМИ КАТЕГОРИЯМИ

Категория числа в самом широком смысле этого термина привлекает пристальное внимание языковедов. Особый интерес при этом проявляется к исследованию генезиса показателей множественного числа. Дань этой проблеме отдало немало тюркологов и алтаистов — первые в более концентрированном тюркологическом плане, а вторые в широком аспекте алтаистики. И теми и другими выдвинут ряд гипотез относительно происхождения показателей множественности¹.

Наиболее полные сведения о функционально-семантическом использовании категории числа в тюркских языках содержатся в монографии польского ученого Т. Ковальского² и в систематизирующем труде К. Грёнбека³. Оба эти исследования (первое из них специально посвящено категории числа, а во втором ей отведена целая глава) были написаны примерно в одно время, причем авторы их независимо друг от друга⁴ пришли к ряду одинаковых выводов⁵. Обзор этой категории содержится и в статье Н. К. Дмитриева «Категория числа» в «Исследованиях по сравнительной грамматике тюркских языков».

Хотя в упомянутых работах Ковальского, Грёнбека, Дмитриева содержится обширный материал и по категории числа в турецком языке, а все грамматики этого языка включают в себя более или менее полный раздел, посвященный данному вопросу⁶, специальных исследований, освеще-

¹ Подробную сводку точек зрения по данной проблеме см.: W. Kotwycs. Les pronoms dans les langues altaïques. Krakow, 1936, стр. 4—14. Краткое резюме сведений по данной проблеме в собственно тюркологическом аспекте см.: Н. К. Дмитриев. Категория числа. — В кн.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. II. Морфология. М., 1956, стр. 65—71. Максимально полный перечень аффиксов собирательности—коллективности—множественности содержится в обобщающем труде А. Н. Кононова «Показатели собирательности—множественности в тюркских языках». Л., 1969.

В последнее время появился также ряд работ, посвященных анализу показателей множественности в тюркских языках. См. напр.: А. М. Щербак. Формы числа у имен в тюркских языках. — «Вопросы языкознания», 1970, № 3, стр. 87—99; Б. А. Серебренников. О некоторых частных деталях процесса образования аффикса множественного числа -lar в тюркских языках. — «Советская тюркология», 1970, № 1, стр. 49—53.

² T. Kowalski. Zur semantischen Funktion des Pluralsuffixes -lar, -lär in den Türksprachen. Krakow, 1936.

³ K. Grönbech. Der türkische Sprachbau, I. Kopenhagen, 1936.

⁴ См. послесловие Т. Ковальского к указ. соч.

⁵ Наиболее бесспорные из них разделяет Н. К. Дмитриев. См. указ. соч.; его же. Детали простого предложения. — «Исследования...», ч. III. Синтаксис, стр. 34—36; ср.: J. Deny. L'osmanli modern et le Türk de Turquie. — Philologiae Turcicae Fundamenta, I, Wiesbaden, A. D. MCMLIX, стр. 198—200.

⁶ Наиболее полно эта категория изложена в «Grammaire de la langue turque» J. Deny (§ 211—212, 299, 314, 393 и 1081) и в «Грамматике современного турецкого литературного языка» А. Н. Кононова (§ 86—99).

Соотношению категории числа и категории определенности—неопределенности на материале узбекского языка посвящен также ряд разделов в монографии С. Н. Иванова «Родословное древо тюрков Абу-л-Гази-хана» (грамматический очерк). Ташкент, 1969.

щающих состояние указанной категории в современном турецком языке, по существу нет. Ковальский и Грёнбек, исследования которых по категории числа, в духе традиций языкознания конца XIX — начала XX в., отличаются наибольшей полнотой, рассматривали категорию числа как изолированную, самодовлеющую. Только Н. К. Дмитриев попытался установить ее связь с другой грамматической категорией, находящейся с ней в непосредственных функциональных отношениях, а именно с категорией определенности—неопределенности⁷. Однако взаимоотношения между этими категориями исследуются им весьма схематично и полностью не раскрываются. Это объясняется отчасти тем, что, несмотря на некоторые сведения, содержащиеся в грамматиках Ж. Дени и В. А. Гордлевского, состояние категории определенности—неопределенности в современном турецком языке тогда еще не было раскрыто и освещено с той полнотой, с какой это сделал впоследствии С. С. Майзель в статье «Категория дефинитивности в турецком языке»⁸. Позднее Н. К. Дмитриев еще раз вернулся к указанному вопросу, пытаясь полнее раскрыть (теперь уже не на материале турецкого языка) категорию определенности—неопределенности в ее взаимосвязи с категорией числа⁹, но остался, по сути дела, на прежних позициях.

* * *

Единственное число в турецком языке, как и в других тюркских языках, характеризуется двумя наиболее существенными особенностями:

1. В *формальном отношении* оно не имеет специальной приметы, особого аффикса, представляя собой, в сущности, нулевую форму, противопоставленную множественному числу, выраженному аффиксами.

2. В *семантическом отношении* оно может выражать как единичность (собственно единственное число), так и собирательную множественность (собирательное, коллективное число — *collectifs, Kollektiva, Sammelwörter*)¹⁰.

⁷ Н. К. Дмитриев. Строй турецкого языка. М.—Л., 1939; *его же*. Турецкий язык. М., 1960, стр. 44—45.

⁸ Сб. статей «Академику В. А. Гордлевскому к его 75-летию». М., 1953, стр. 168—186.

⁹ Н. К. Дмитриев. Детали простого предложения. — «Исследования...», ч. III. Синтаксис, стр. 33—39.

¹⁰ Это собирательное число (единственное число в собирательном значении) может быть сопоставлено не с русским собирательным типа *детвора, пионерия, профессура*, а скорее с особой разновидностью собирательного вроде: *Не такой теперь дачник пошел; Здесь хорошо щука берет*. См. А. А. Реформатский. Число и грамматика. — В сб.: «Вопросы грамматики. К 75-летию академика И. И. Мещанинова». М.—Л., 1960, стр. 396—397.

Следует упомянуть еще о таких семантических типах турецких имен существительных, которые в исследованиях турецких лингвистов именуются *topluluk ismi* или *topluluk sayısı*, т. е. об именах единственного числа, по своему лексическому значению выражающих совокупность, группу, коллектив (*ordu, takım, cemaat, sığrı* и т. п.). Такие имена не имеют, естественно, прямого отношения к грамматическому выражению категории числа. Сопоставление их с такими типами русского собирательного числа, как *детвора, профессура, знать, голь* также невозможно, так как последние образуются по определенным моделям, тогда как турецкие «коллективные имена» не имеют определенных типовых моделей. Но они вступают в связь с грамматикой, когда происходит согласование их с множественным числом глагола.

Вопросы согласования в числе в данной статье не рассматриваются. Согласование вообще и согласование в числе в частности, как это показала А. А. Коклянова в статье «Нормы согласования в современном узбекском языке» (см.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. III. Синтаксис. М., 1961, стр. 73—110), также являются сферой взаимодействия различных грамматических категорий (числа, лица, одушевленности и неодушевленности, предикативности и т. д.), вступающих в функциональные отношения внутри предложения и словосочетания.

Эту особенность единственного числа — полисемантизм, а также полиграмматизм довольно полно определил Т. Ковальский, перечисливший следующие значения единственного числа на примере слова at:

- 1) определенная лошадь (at hazırdır);
- 2) любой представитель (индивидуум) из класса «лошадей» (bana at lâzımdır);
- 3) каждый представитель класса «лошадей» (at dört ayaklı bir hayvandır);
- 4) определенное количество лошадей (bunda (?—C. C.) at var);
- 5) совокупность всего класса «лошадей» (atın biri)¹¹.

С этим перечнем значений единственного числа можно, в целом, согласиться, хотя мы их сгруппировали бы иначе и в иной последовательности. Однако Т. Ковальский рассматривает единственное число в отрыве от широкого контекста, изолированно от смежной языковой категории определенности—неопределенности, с которой категория числа приходит в непосредственное соприкосновение.

Форма единственного числа, как указывал Т. Ковальский, действительно весьма многозначна. Нетрудно заметить, что она прежде всего может иметь значение как единичности, так и собирательной, нерасчлененной, недифференцированной множественности. Но, кроме этих *собственно числовых значений единственного числа*, можно выделить и иные значения, не являющиеся собственно числовыми. С нашей точки зрения, среди них можно выделить следующие:

1. Значение «представителя вида или класса» однородных предметов или лиц, которым присущи типичные черты данного вида или класса. В этом случае значение единичности в какой-то степени сохраняется, хотя и отступая на задний план и образуя фон, на котором разворачивается, или точнее, на который накладывается значение «представительства». Приведем примеры:

Diş sancısına tutulmuş bir insan... (Yakup Kadri, Ankara) «Человек, страдающий от зубной боли»; 13—14 yaşında bir çocuk olasıya kadar...

(Muezzez Tahsin, Bahar çiçeği) «...До тех пор, пока он не стал 13—14-летним ребенком»; Bu gülünç iş bir insanı nasıl tatmin eder bilmiyorum (Sabahattin Ali, İçimizdeki şeytan) «Не знаю, как может удовлетворить человека (т. е. всякого, любого, каждого человека) такое смехотворное дело»¹²; Mini mini güzel, şeytan Bediayı ailesi büyük bir adama vermek istiyordu (Ömer Seyfettin, Antiseptik) «Маленькую, хорошенькую плутовку Бедиа ее семья хотела выдать за человека с положением». Но «человек с положением» здесь не какое-то неопределенное, а вполне конкретное лицо, являющееся «представителем» данной категории людей.

Следует помнить, что неопределенный артикль bir в аналогичных случаях не порывает полностью своей связи с «исходным» значением неопределенности: Eve bir hırsız girmemiş olduğuna hepimiz yakındık

¹¹ Т. Ковальский. Указ. соч., стр. 394—395. Автор особенно подчеркивает конструкцию типа atın biri «одна лошадь», «одна из лошадей», когда говорит об употреблении форм единственного числа для выражения объективной множественности. Однако не стоит, кажется, придавать такое уж большое значение этому типу конструкций для современного турецкого литературного языка, так как их употребление не характеризуется «тотальностью», ограничиваясь рядом, хотя и довольно многочисленным, словосочетаний: adamın biri (—bir adam) «один человек»; günün birinde (—bir gün) «однажды», «в один (прекрасный) день»; yolculuğun biri «какой-то прохожий, путник»; herifin biri «какой-то субъект»; gevezenin biri «какой-то болтун» и т. п.

¹² Артикль bir в таком употреблении часто переводится на русский язык словами «каждый», «всякий», «любой» и т. п.

(Aziz Nesin, Amatör ruhlu bir polis) «Мы даже пожалели, что к нам в дом не забрался вор (одновременно и «какой-то», и «представитель»)».

2. Вторым основным, не собственно числовым, значением единственного числа является значение «обобщенно-абстрактного понятия вида» или «обобщенно-собирающего понятия вида». Сказанное можно проиллюстрировать следующими примерами: Bazı şeyler vardır ki, çocuk görür. (Reşat Nuri, Çalıkuşu) «Есть такие вещи, что даже ребенок (дети) видит»; Yemeklerini masada çatal, bıçak, kaşıkla yiyorlar... Siz de çatalla yiyeceksiniz (Orhan Kemal, Uç arkadaş) «Они кушают, сидя за столом, вилкой, ножом, ложкой (=вилками, ножами, ложками)... Вы тоже должны есть вилкой»; Ev yaptırırken, suyu, elektrigi, havagazını, manzarayı

hesaplıyorlar da, hangi bölgeye girdiğini hesaplamıyorlar (Aziz Nesin, Sınır üstündeki ev) «Когда строят дом, думают о водоснабжении, электричестве, газе, о виде, который открывается из окон, но не рассчитывают, в каком районе поселяются».

3. Наиболее широко раздвигаются рамки обобщения в тех случаях, когда происходит прономинализация существительного, которое приближается по своему значению к неопределенному местоимению:

İnsan bunu düşünmez mi? «Разве может не думать об этом человек?», или: «Разве люди не могут не думать об этом?», или даже, наконец: «Разве каждому не приходится задумываться над этим?» İnsan güleceği geliyor «Смешно становится, т. е. каждому хочется над этим посмеяться».

В других случаях существительные единственного числа в значении «обобщенно-собирающего понятия вида» в позиции прямого дополнения стремятся как бы слиться в один комплекс с глаголом, превратившись во «внутренний объект». В подобных случаях возникают такие полусвободные словосочетания, как:

söz söylemek	«говорить, произносить речь»;
şarkı söylemek	«петь песни»;
yazı yazmak	«писать (статью или вообще какое-либо сочинение)»;
yemek yemek	«есть, кушать»;
ders vermek	«дать урок, научить»;
cevap vermek	«дать ответ, ответить»

Нам представляется, что имя существительное в единственном числе в функции атрибутивного члена так называемого относительного изафета как раз и имеет значение «обобщенного понятия вида» в его наиболее синтезированной форме «качественно-существенного в виде». Типизация ряда однородных предметов или явлений достигает здесь такой степени, что служит уже для характеристики другого предмета или явления. С другой стороны, атрибутивный член изафета может быть выражен и множественным числом имени. Например:

Temsilciler meclisi	«Палата представителей»;
Şoförler birliği	«Союз шоферов»;
Birleşmiş Milletler Teşkilâtı	«Организация Объединенных Наций»;
göller yöresi	«район озер»;
İlimler Akademisi	«Академия наук»;
Defnegiller familyası	«семейство лавровых»;

milletlerarası, uluslararası	«международный»;
beylerbeyi	«бейлербей»;
hayvanlar (-hayvanat) bahçesi	«зоологический сад».

Имеют место и переходные случаи, когда обобщенное выражение вида довольно трудно отделить от значения недифференцированной собирательности. Например:

...Bu çocuğa bilet ister mi? (Ahmet Rasim, Memur efendi) «А этому ребенку нужно брать билет?» Ne o gene? Tabak mı kırıldı (Orhan Kemal, İzin günü) «Что там такое опять? Тарелки (тарелка?) что ли разбились?» Вопрос о том, одна тарелка разбилась или несколько, видимо, остается открытым.

Таким образом, значения собирательности и обобщенного выражения вида тесно связаны между собой и иногда, как может показаться, почти сливаются. Это проистекает из самой сущности данных смысловых категорий. Тем не менее смысловое различие этих категорий все же существенно и в целом ряде случаев носит принципиальный характер.

Итак, эта гамма нечисловых или не собственно числовых значений единственного числа начинается, условно говоря, со значения «представителя вида», переходит далее к значению «обобщенно-абстрактного выражения вида» и достигает наконец¹³ максимального выражения обобщения в виде таких конструкций, как неопределенно-личные предложения со словом *insan* в качестве подлежащего или дополнения.

Для смыслового разграничения таких значений единственного числа, как: а) «представительство вида» и б) «обобщенное выражение вида» служит неопределенный артикль *bir*, находящийся в оппозиции к «нулю артикля». Примеры, приведенные выше, свидетельствуют о том, что единственное число существительного, употребленное в значении «представительства вида», сопровождается обычно неопределенным артиклем *bir*, а в значении «обобщенного понятия вида» употребляется без него. Это противопоставление имеет как смысловое, так и собственно грамматическое значение. Именно здесь и находит, в частности, свое проявление функциональная связь, существующая между категорией числа, с одной стороны, и категорией определенности-неопределенности — с другой.

* * *

Если единственное число в турецком языке объективно может выражать собирательную, недифференцированную множественность, то и множественное число отнюдь не представляет собой неподвижную категорию и не замыкается в рамках выражения собственно множественности. Форма единственного числа существительного без неопределенного артикля объективно может иметь также значение множественности. Форма множественного числа, обычно служащая для выражения множественности в собственном смысле этого слова, в ряде случаев объективно выражает единичность. Но если в первом случае речь идет о коренном, глубоко проникающем свойстве, то во втором — об особом, образном, метафорическом, эмфатическом использовании формы множественного числа. Ж. Дени обозначил форму множественного числа в указанном употребле-

¹³ Мы опускаем ряд переходных значений единственного числа существительных, представляющих собой видоизменения указанных основных значений, которые не имеют принципиального отличия от приведенных выше.

нии термином *pluriel d'amplification*¹⁴, который Н. К. Дмитриев интерпретировал как «расширительное множественное». С точки зрения функциональной все подобные случаи использования формы множественного числа могут считаться так или иначе эмфатическими.

Довольно полный перечень случаев употребления формы *pluriel d'amplification*, именуемого нами множественным эмфатическим, содержится также в уже упоминавшейся статье Т. Ковальского, которая по существу является систематизирующим трудом по категории числа (и единственного числа в не меньшей степени, чем множественного) в тюркских языках вообще. Т. Ковальский использует термин *pluriel d'amplification*, введенный Ж. Дени для обозначения данной разновидности тюркского множественного числа. А для обозначения одной из разновидностей последнего пользуется термином *pluralis maiestaticus*. Об указанном употреблении множественного числа говорит в названном выше исследовании и К. Грёнбек, трактуя его примерно в том же аспекте, что и Т. Ковальский.

Все случаи употребления эмфатического множественного числа, на наш взгляд, наиболее правильно сгруппировать следующим образом:

1. Фразеологические и полуфразеологические сочетания, употребляемые, как правило, в переносном смысле. Например:

kanlara boyamak (ср.: al kanlara boyanmak)	«пролить кровь (чью-либо)»; «обогреть (руки) кровью (чьей-либо)»;
başı ateşlere yandı	«он попал в затруднительное положение»; «с ним случилось несчастье»;
topraklarda yatmak	«лежать в земле сырой»;
dünyalar kadar mal	«несметные сокровища»;
yerlere kadar egilip el (etек) öpmek	«с низким поклоном целовать руку»; «пресмыкаться».

Во всех подобных случаях множественное число вносит экспрессию, метафоричность, поэтическую яркость (или трагическую напряженность), гротеск, т. е. придает фразе эмфатический характер.

К приведенным выше примерам близка другая группа случаев, где множественное число используется для придания живости изложению:

hastayı güneşlerde gezdirmek	«дать больному возможность побыть на солнце (и свежем воздухе)»;
sıcak havalar bitmedi	«жаркая погода не кончилась»;
uykulardan uyandı	«он проснулся»; «он восстал ото сна».

В рассказе Азиза Несина «Navadan sudan» употреблено выражение *havalар nasıl?* в значении «какова погодка?», но с некоторым заувалярованным дополнительным оттенком «какова (вообще) атмосфера, обстановка и т. п?».

Некоторые из таких словосочетаний, сливаясь в единый лексический комплекс, становятся подлинными фразеологизмами:

¹⁴ J. Déný. Grammaire de la langue turque. Paris, 1920, § 212—213, 299, 314, 393, 1081; его же. L'osmanli moderne et le Türk de Turquie (Philologiae Turcicae Fundamenta, I), стр. 198.

Germaine hani, Germaine nerede?	«где же Жермен, где она?»;
Onun yerinde yeller esiyordu (Yakup Kadri, Bir Sürgün)	«ее не было (на ее месте никого не было; ее место было пустым)» (соот. русск. «ищи-свищи»);
yataklar çekmek (birini) (ayakta gezecek halı olmamak — Türkçe sözlük ¹⁵)	«слечь в постель» (о больном);
yataklara döşenmek (hastalık do- layısıyla uzunca bir zaman için yatakta kalmak — T. S.)	«надолго слечь в постель» (о боль- ном);
uzaklara gitmek (konudan uzak- laşmak — T. S.)	«отклониться от излагаемой те- мы»;
dillere düşmek	«приобрести всеобщую извест- ность»;
dillere destan olmak	«стать притчей во языцах»;
tatlı diller dökmek	«разглагольствовать»; «говорить приятные слова»;
yalanlar kıvırmak	«сочинять небылицы»; «выдумыв- вать».

Во всех этих случаях мы наблюдаем уже не стилистические фигуры, построенные в грамматическом отношении на базе свободного словосочетания, а фразеологические комплексы, построенные по той же схеме, но с переосмысленными лексическими значениями, и их отношения.

В современной разговорной речи употребляется большое количество клишированных выражений с множественным числом, имеющих характер легкой, иногда едва уловимой эмфазы:

sabahlar hayrolsun	«доброе утро»;
akşamlar (akşam şerifler) hayrol- sun	«добрый вечер»;
rahat uykular	«спокойного сна, спокойной ночи»;
iyi geceler	«доброй ночи»;
ugurlar olsun (ola)	«счастливого пути»; «желаю уда- чи»;
sihhatler olsun (saatler olsun)	«доброго здоровья»; «на здо- ровье»;
başarılar (muvaffakiyetler) dilerim	«желаю успеха»;
saadetler dilerim	«желаю счастья»;
uzun ömürler dilerim	«желаю долгих лет жизни»;
yazıklar olsun	«очень сожалею»;
hürmetler ederim	«разрешите засвидетельствовать вам мое уважение»; «разрешите откланяться»;
teşekkürler ederim	«разрешите выразить благодар- ность»;

¹⁵ «Türkçe sözlük», hazırlayan Mehmet Ali Agakay, IV baskı, Ankara, 1966; далее везде T. S.

teşekkürlerimi bildiririm

en iyi temennilerimi arzederim

iyi yıllar

Bu komisyonda yukarıdaki hususları temin babındanki faaliyetlerden biri olarak da seçimlerin arifesinde siyasi partileri ziyaret ederek memlekete hayırlı olacak iyi şanslar diledik.

(«Cümhuriyet», 23. IX 1961)

2. В ряде случаев множественное число употребляется для «расширения рамок» пространственных и временных понятий, т. е., как говорил Н. К. Дмитриев, «в расширительном смысле». Такое его употребление встречается во многих наречеобразных формах:

şimdilerde

yakınlarda

bugünlerde

nerelerde?

böyle gece yarılarına kadar nerelerde kaldın?

Bilmem gündüz nerelerde

Hangi dağlar, derelerde,

Gizli gizli seyran eder

Adı Leylâ

Gözü şehlâ

(Tevfik Fikret, Siyah bacı)

oralarda

oralarda böyle şey bulunmaz

Ср.: oralarda olmamak (farkına varmamak. — Т. С.)

o hâlâ oralarda değil

buralarda

buraları da görmüş olduk

yükseklerde

kartal yükseklerde uçar

orda kanat açacaksın

yükseklere uçacaksın (Tevfik Fikret, Şermin)

yükarılarda

içerilerde

Anadolunun içerilerinde

«выражаю мою (глубокую) благодарность»;

«примите мои наилучшие пожелания»;

«желаю вам счастья в Новом году»;

«В качестве одного из мероприятий этой комиссии по обеспечению вышеуказанных решений мы накануне выборов посетили политические партии и пожелали (им) успешной деятельности на благо страны».

«в настоящее время, в наше время»;

«поблизости, неподалеку, в последнее время»;

«на днях»;

«где?»;

«Где ты пропадал до самой полночи?»;

«Не знаю, в каких краях, в каких горах и долинах разгуливает потихоньку днем (моя) Лейла с раскосыми глазами»;

«там»;

«в тех местах ничего этого не найдешь»;

«не заметить, не понять»;

«он все еще этого не понял, не заметил»;

«здесь»;

«увидели мы и здешние места»;

«на большой высоте»;

«орел парит на большой высоте»;

«там ты взмахнешь крыльями и улетишь ввысь»;

«выше (о том, что говорилось, писалось и т. д.)»;

«внутри»;

«внутри Анатолии»;

içler acısı	«плачевный, душераздирающий»;
dışarlarda	«вне, снаружи»;
mayısın ortalarına kadar	«до середины мая»;
temmuz ayının sonlarında	«в конце июля»;
hafta başlarında	«в начале недели»;
on, on buçuk sularında (-raddele- rinde) geldi	«он пришел (примерно) часов в десять или в половине одиннад- цатого».

Особый случай представляет собой употребление форм множественного числа для образования эмфатической степени или интенсификации:

yıllar yılı (uzun yıllardanberi — T. S.)	«издавна»; «в течение долгих лет»;
güzeller güzeli	«раскрасавица»;
Ср. также: kaç kereler	«сколько раз»;
allah nice nice yıllara yetiştirsin	«да продлит аллах (вашу) жизнь на многие лета».

3. Иногда множественное число служит также для выражения подчеркнутой, изысканной вежливости и почтительности (pluralis maiestaticus):

Paşa hazretleri	«его превосходительство паша»;
Ali paşaların hanımı	«супруга Его превосходительства Али паши»;
Ср.: Peygamber buyurdular	«пророк соизволил изречь» (в по- следнем примере указанный от- тенок выражается множествен- ным числом глагола, т. е. мы сталкиваемся уже с несколько иной проблемой — вопросом согласования).

Ср. употребление аффикса -lar, -ler и для обозначения такого коллектива, как семейство, род (аналогично русскому «Ивановы»):

Melâhat teyzemler çok temiz, çok titizdirler (Aziz Nesin, Çamaşır günü)	«Родня моей тетушки Меляхат — люди очень аккуратные, очень педантичные».
---	--

Тот же оттенок выражают личные местоимения во множественном числе — sizler, bizler¹⁶.

По-видимому, к этому пункту можно отнести и случаи, когда множественное число служит для выражения «персонификации», особого выделения каждого члена той или иной множественности. Здесь каждый

¹⁶ Ср. evdeler «они дома», buradalar «они здесь» и т. п. с особой последовательностью аффиксов; см. об этом типе конструкции: J. Deny. L'osmanli moderne et le Türk de Turquie. — Philologiae Turcicae Fundamenta, Wiesbaden. MGMLIX, стр. 198. Ср. также форму degiller в аналогичном употреблении или yoklar: Halbuki evde yoklar в том же значении.

член коллектива воспринимается как «нечто», не растворяющееся в «общем»¹⁷. Например:

kırk vezirler	«сорок визирей»;
kırk haramiler	«сорок разбойников» (в сказках);
kırk şehitler kalesi	«крепость сорока павших героев»;
kırklara karışmak	«сгинуть, пропасть»;
iki ahbap çavuşlar	«два закадычных друга»;
üç yolkesenler	«три грабителя» (легендарных);
büyük üçler	«большая тройка».

Подобные словосочетания, как правило, приобрели характер клише. В дипломатических документах часто вместо арабского двойственного числа используются выражения *iki yüksek taraflar*, *iki âkid taraflar*:

<i>İki yüksek taraflar</i> , bu anlaşmada, Birleşmiş Milletler antlaşması gereğince kendilerine düşen, düşecek olan hakları ve ödevleri bozan hiç bir cihet mevcut olmadığı noktasında birleşmişlerdir	«Высокие договаривающиеся стороны пришли к единому мнению о том, что в данном соглашении отсутствуют пункты, которые противоречат их правам и обязанностям, которые вытекают или могут вытекать в будущем из Устава Организации Объединенных Наций».
--	--

Клишированные словосочетания этого типа в ряде случаев образовали имена собственные и названия, или воспринимаются как таковые:

<i>Yedikardeşler</i> (Süreyya-Ülker yılıdızı)	«Плеяды» (звездное скопление в созвездии Тельца);
<i>Beştepeler</i>	название географического пункта;
<i>İkievler</i>	район в Анкаре (в Айранджы);
<i>Üç aylar</i> (Recep, Şaban, Ramazan)	объединенное наименование трех месяцев мусульманского календаря;
<i>Hasırlaryolu</i>	«Млечный Путь»; «Галактика».

Собственно говоря, эмфатическое множественное число не представляет собой феномена, а является лишь наиболее ярким выражением синекдохи или гиперболы в аспекте числа. Действительно, словосочетание *Karadeniz suları* «воды Черного моря» воспринимается как вполне обыч-

¹⁷ Обычно в сочетании числительного количественного с существительным, когда не имеется в виду специальное выделение, персонификация членов обозначаемой группы предметов или лиц, употребляется единственное число существительного. Это относится также к сочетаниям существительного с такими словами, как *az*, *birkaç*, *çok*. Последнее из них, в отличие от слова *birçok*, употребляется с единственным числом существительного, но возможны и обратные варианты:

Yakında çok şeyler olacak (Aziz Nesin, *Dalkavukluk istemem*).

Eski yeni bir çok kitap, sözlük, dergi ve gazete taranmış, ayrıca konuşmalara da dikkat edilmiş, böylece sözlük kelime, anlam ve deyim bakımından zenginleştirilmiştir. (Türkçe sözlük, II baskı, Ankara, 1955, önsöz).

«В ближайшем будущем произойдут многие события»;

«Просмотрено много старых и новых книг, словарей, журналов и газет, уделено также внимание разговорному языку и, таким образом, словарь обогащен с точки зрения (количества) слов, их значений и фразеологических сочетаний».

کجا بولسا متقان بوستا برون ایویرسا تمارکشی کا اورون
 یراقیات ارسا امتغو کر اک اودغ راق کم ارسا یغو تو کر اک
 کوزو بکلایب حقسا قوشی قوغ

قوکار بولدی دل کون یکا برکاتوغ
 ینا ایرتا قورسا قوغ بشلارکسا کحاتکدا تورغاقینتر اتماسا
 قلی بول اودی بولسا بشلار کیریب کوزونسا خیلین برجا یومغی تریب
 اوزی جیقسا کورنوب اوکوشی قورما قوغ داکشی قودسا اوزدا ایسا
 ارات کیرسا خیل یکا کوزونسا تورر بوکوزسا یراغلیغ یراغسین اور

قلی بول کینل سا قوغ بشی سی

ینا کیر کو بولسا ارات سونجی سی

اوتونسا ارات اوتکی قولسا یتلاک مونکا دیش کشی کا بو بولسا یولاک
 الویزسا ایج کورالتون کوموش قایوقات السا قایوقایوموش
 ایریک تنوری کم بغیرسا قوشا تونماز قایوسی بور یغلی سا فا
 براغلیغ قایو اولاسیغ لیغ قایو بولوغ قایو اول قسوغ قایو
 اوتونسا یتکا بو یکا یریک اکا اذرا برسا کوزونسا ایلک
 جیغیت ادا کو برلیغ نکوزسانیلین ارات کونکلی مونداغ اسیتسا الین
 قوغ دالنا تورسا اولدوروغ تورر تورر ولسا اوردن قالما سا یر تورر

ное. Точно так же не содержат или почти не содержат эмфазы такие предложения, как *Sular karardı* «Стемнело», «Наступили сумерки», или *Agustos ayında havalar güzel geçti* «Погода в августе была хорошая».

Эти случаи использования множественного числа, в принципе, близки к тем, которые были приведены выше. Таким образом, подобное употребление множественного числа представляет собой обычное и распространенное стилистическое явление¹⁸.

Целый ряд слов, заимствованных из арабского языка в форме множественного числа, имеет в турецком языке значение как единственного, так и множественного числа. Таковы, например, следующие слова, заимствованные из арабского языка в форме «ломаного множественного числа»: *fukara-fıkara* множ. от *fakir* «бедняк, бедняки». Употребительно также «дважды» множ. число: *fıkalar-fıkalar*;

ahbar (b) множ. от *habib* «друг, друзья». Употребительно также «дважды» множ. число *ahbarlar*;

eşya множ. от *şey* «вещи». Употребительно также «дважды» множ. число *eşyalar*;

akraba множ. от *karib* «родственник, родственники». Употребительно также «дважды» множ. число *akrabalar*;

evlât (d) множ. от *veled* «дитя, сын, дочь, дети, сыновья, дочери». Употребительно также «дважды» множ. число *evlâtlar*;

âza множ. от *uzv* «член, члены». Употребительно также «дважды» множ. число *âzalar*;

tüccar множ. от *tacir* «торговец, купец; торговцы, купцы». Употребительно также «дважды» множ. число *tüccarlar*;

talebe множ. от *talib* «студент, студентка, студенты». В значении множ. числа употребляется обычно *talebeler*;

amele множ. от *amil* «рабочий». В значении множ. числа обычно употребляется *ameleler*;

hudut (d) множ. от *had* «граница, границы». Употребляется также «дважды» множ. число: *hudutlar*.

Ср. также персидское множественное число от арабской основы — *müslüman*, имеющее значение единственного числа — «мусульманин» и образующее при помощи аффикса *-lar* вторичное множественное число — *müslümanlar* «мусульмане».

Но такая сингуляризация, связанная с процессом заимствования, не носит, естественно, грамматического характера в системе самого турецкого языка, оставаясь явлением лексического порядка, да и то в ограниченной сфере заимствованных арабских слов.

¹⁸ Аналогичное явление наблюдается и в других языках, например, в русском: *воды, небеса, ветры (буйные)*: см., например, у А. С. Пушкина:

Где тень олив легла на воды,
Заснула ты последним сном;
(Для берегов отчизны дальней);

или: Неба своды (там же); ср. также с русским фольклорным: *снеги белы выпадали*.

ИСТОРИЯ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

С. Г. КЛЯШТОРНЫЙ

ЭПОХА «КУТАДГУ БИЛИГ»

Девять столетий ведут беседу Кюн Тогды и Ай Толды, Огдулмыш и Одгурмыш. Они спорят и поучают, превозносят и осуждают дела и мысли людей своего мира. А их миром был тюркский эль, государь которого называл себя слугой и любимцем багдадского халифа, присоединив к своему древнему титулу «каган» другой, недавно появившийся тогда на мусульманском Западе, — «малик ал-машрик».

Сейчас трудно представить себе, насколько несовместимым казалось это тем поколениям тюркского и таджикского населения Средней Азии, которые были воспитаны на противопоставлении понятий «ислам» и «тюрки», «Иран» и «Туран». Но жизнь брала свое — то, что в IX в. казалось неприемлемым и утверждалось мечом, в XI в. уже воспринималось как должное и подкреплялось пером.

Вряд ли случайно первыми дошедшими до нас памятниками, написанными на тюркском языке арабским письмом, были не стихи, а юридические документы, трактующие о купле и продаже, о земле и рабах. Стиль этих документов столь высокопарен, что местами они напоминают оды придворных поэтов. Вряд ли случайно и то, что первыми стихами, первой поэмой на тюркском языке, написанной арабским письмом, стала поэма, трактующая о самых прозаических вещах — правилах управления и нормах поведения, торговле и ремесле. Содержание этой поэмы порою столь деловито, а описание столь скрупулезно, что она напоминает юридический документ.

Все это, конечно, не случайно и понятно: вчерашние кочевники осваивали новый сложный мир — мир двухтысячелетней городской культуры, формировали новую для себя экономическую и социальную структуру.

В «Кутадгу билиг» переплетаются несколько литературных традиций. В строфах поэмы звучит то патетика древнетюркских эпитафий, то дидактика персидских «зерцал», то слышатся отголоски степной лирики, то мистической символики суфиев. Поэма однообразна и сложна, едина и многослойна, и в этом отразились этнические и политические реалии Караханидского каганата.

Караханидская эпоха долгое время считалась «темным веком» в среднеазиатской историографии. Первые сведения о ней, самое имя династии ввел в науку В. В. Григорьев. Но только В. В. Бартольд, изучив все немногочисленные свидетельства мусульманских авторов о Караханидах, наметил контуры их политической истории, раскрыл некоторые

тенденции социального и культурного развития Караханидского государства. Это направление исследований, уже на базе марксистской методологии, было развито А. Ю. Якубовским. За два последних десятилетия было накоплено немало материала, позволившего сделать ряд новых выводов. В этом заслуга многих как зарубежных (О. Прицак), так и советских ученых, среди которых хотелось бы прежде всего отметить Е. А. Давидович и О. Г. Большакова.¹

«Кутадгу билик» была создана в 1069 г. в Кашгаре — колыбели тюркского ислама; сами тюрки называли этот город Ордукент («ставка», «столица»). Государь, которому была посвящена поэма, носил арабское имя Абу Али ал-Хасан, имел лакабы Насир ал-хакк за'д-дин Малик ал-машрик и тюркский титул Табгач Богра Кара-хакан. Даже полное имя и титул этого государя стали известны не из исторических сочинений, а из юридического документа. Труд единственного караханидского историка, младшего современника Юсуфа Баласагунского, имя которого дошло до нас, имама Абу-л-Футуха ал-Гафира ал-Алма'и «Тарихи Кашгар» сохранился лишь в небольших отрывках, приводимых Джемалем Карши (XIII в.).

И все же сегодня уже можно ответить на многие из тех вопросов, которые представлялись неразрешимыми во времена В. В. Бартольда. К их числу относится вопрос о происхождении династии, времени возникновения и первоначальном характере государства, его менявшейся политической структуре, о причинах легких побед и быстрого упадка империи.

Известно семь гипотез о происхождении Караханидов или, как они именовались современниками, «Дома Афрасиаба», «Мулюк ал-хакания». В. В. Бартольд ограничил круг поисков тремя племенами (карлуки, чигили, ягма). Теперь уже ясно, что и чигили, и ягма, а также тухси входили в карлукскую конфедерацию племен и что история их неразрывно связана.

В VI—VII вв. карлуки в числе прочих племен Тюркского каганата участвовали в его войнах. Часть их тогда создала собственное владение в Тохаристане, а стоявшие во главе карлуков князья из тюркского правящего рода Ашина сменили там эфталитского государя. Однако главная масса карлуков оставалась на своей основной территории в Джунгарии и на Алтае, входя наряду с уйгурами в конфедерацию тсзугузских племен.

После возникновения в 681—682 гг. в Монголии второго Тюркского каганата карлуки подчинились «хозяевам Отыкенской черни», этой традиционной ставки центральноазиатских империй. В 742 г. вместе с уйгурами и басмылами карлуки сокрушили власть старшей ветви династии Ашина и выдвинули кагана из басмылов. Он так же, как и карлукский вождь, происходил от боковой ветви Ашина. Но двумя годами позднее власть перешла к уйгурской династии, а за карлукскими вождями остался титул «правого (западного) ябгу»; в мусульманской литературе (впервые у Ибн-Хордадбега) этот титул зафиксирован в его карлукском произношении с джекающим началом (ал-джабгуя).

Стремление карлукских ябгу проводить самостоятельную политику быстро привело их к отколу от Уйгурского каганата. В борьбе за господство над западной частью Центральной Азии, развернувшейся во второй половине VIII в. между уйгурами и Танской империей, с одной стороны, и тибетцами — с другой, карлуки приняли сторону тибетцев, но использовали ситуацию для своей выгоды. В 766 г. в руки карлукского

¹ Ниже мы повторяем многие из их выводов.

ябгу перешло все Семиречье с двумя ставками западнотюркских и тюркешских каганов — Таразом и Суябом. А в 766—775 гг. карлуки захватили Кашгарию. В начале IX в. попытки карлуков соперничать с Уйгурским каганатом на востоке окончились неудачей, но на Западе они распространили свое влияние до городов-государств Средней Сыр-Дарьи и захватили часть Ферганы.

Так окончательно сложилась та территориальная основа, на которой возникло государство Караханидов. Владения карлуков впервые соприкоснулись с частью хорасанского наместничества Аббасидского халифата — Мавераннахром.

Вместе с тем поражения, понесенные карлуками в Джунгарии, и поход уйгурского кагана в Фергану и Семиречье заставили карлуков, если не практически, то теоретически считать свое государство лишь западной областью Уйгурского каганата в Монголии. События 840 г. — падение Уйгурского каганата и крушение Отюкена как центра степной империи (разгромившие уйгуров кыргызы остались на своих прежних землях) — создали во всей Восточной Азии новую политическую ситуацию.

По свидетельству ал-Джахиза и Гардизи, Тахира Марвази и ал-Мас'уди, после утраты уйгурами их могущества верховная власть над тюркскими племенами переходит к карлукскому ябгу. Речь идет, конечно, не о далекой Монголии, а о Туркестане, соседствующем с Мавераннахром. Характерна, однако, сама тенденция, отраженная в этих сообщениях. Из среды карлуков, пишет ал-Мас'уди, происходит «каган каганов», ему принадлежит власть над всеми тюркскими племенами, а его предками были Афрасиаб и Шана' (т. е. Ашина!).

Легитимизация единого правящего рода существовала еще в VI—IX вв. в отношении рода Ашина. Происхождение от Ашина позволило карлукским вождям облечь в легитимное одеяние ту реальную власть, которой они располагали, и, отбросив старый титул ябгу, принять новый — каган. «Ябгу. — пишет автор «Худуд ал-алем» в X в., — это прежний титул царей карлуков».

Собственно караханидское предание (кашгарская традиция) называет первым государем караханидской династии Бильге Кюль Кадыркагана, с которым вел войну один из саманидских эмиров. Удалось установить, что этим эмиром был Нух ибн-Асад, выступивший в 840 г. против семиреченских тюрков и завоевавший Исфиджаб. Именно в этом году, по сообщению Гардизи, ябгу карлуков принял титул кагана. Круг источников замкнулся — единственным каганом в 840 г. был родоначальник караханидской династии и прежний ябгу карлуков Бильге Кюль Кадыркаган.

Не останавливаясь специально на политической истории династии Караханидов, рассмотрим все же тот период ее существования, который до сих пор оставался неясным.

Караханиды появились на исторической арене не вдруг, выступили не из неизвестности, как это представлялось еще совсем недавно. Возникновение Караханидского каганата было естественным следствием развития древнетюркской государственности, носителями которой стали карлуки. Они унаследовали Западнотюркский каганат и восстановили ту систему, которая сложилась, в основных чертах, еще в VI в.

Власть в Караханидском каганате оказалась разделенной между знатно двух карлукских племен: чигилей и ягма. Внешне это выразилось в разделе империи на две части: восточную и западную во главе со своим каганом. Верховным считался восточный каган из чигилей, имевший ставку в Баласагуне (Куз-орду) и носивший титул Арслан Кара-хакан.

Западный же, младший каган, из племени ягма, носил титул Богра Кара-хакан и имел ставку в Таразе, а позднее — в Кашгаре.

В каждом из каганатов существовала своя сложная иерархия правителей, носивших титулы Арслан-илик и Богра-илик, Арслан-тигин и Богра-тигин и др. Сохранение лестничной системы наследования позволяло каждому рассчитывать на следующую, более высокую ступеньку в иерархии.

Дуальная система власти была введена Караханидами при сыновьях первого кагана — Базыр Арслан-хане и Огулчак Кадыр-хане. В конце IX в., то есть за сто лет до завоевания Мавераннахра тюрками, оба они были опасными противниками саманида Исмаила ибн-Ахмада. Рассказывая о походе Исмаила в земли тюрков, Мас'уди называет тюркского государя титулом Табгач (на 130 лет раньше, чем это предполагал В. В. Бартольд) и говорит о его карлукском происхождении.

У Караханидов находили убежище и опальные члены саманидской династии. С деятельностью одного из них связано обращение в ислам племянника Огулчака, Сатука, правившего в 915—955 гг. под титулом Богра-кагана (его мусульманское имя — Абд ал-Карим). Почти совершенно не отражена в источниках та длительная междоусобная война, которую вёл Сатук против великого кагана, пользуясь поддержкой Саманидов. Как видно, переход в ислам был политическим актом, предпринятым Сатуком в борьбе за власть, и его военными успехами объясняется конечная исламизация племён, поддерживающих Караханидов. Эта исламизация не была следствием кратковременных усилий того или иного миссионера-суфия, а процессом постепенного проникновения идеологии ислама в тюркскую среду в результате прежде всего реальных политических и экономических выгод, проистекавших из этого обращения.

Именно под лозунгом защиты ислама в конце X в., после того как великим каганом стал сын Сатука, Муса, была начата и осуществлена экспансия в двух направлениях — в сторону Хотана и в сторону Мавераннахра. Успех обоих предприятий и привел к известным событиям, завершившимся созданием Караханидского каганата с границей на Аму-Дарье.

Империя сохраняла единство недолго. В конце 30-х годов XI в. Караханиды Мавераннахра окончательно отделились от Караханидов Кашгара, а через полтора столетия с небольшим лет с исторической арены сошли последние караханидские князья. Но период господства Караханидов ознаменовался для всех частей их обширной империи значительными экономическими, социальными и культурными сдвигами. Отметим некоторые из них. Сделать это необходимо прежде всего потому, что в отношении исторической роли Караханидов всё ещё бытуют явно неверные представления.

До сих пор иногда утверждают, что караханидское завоевание Средней Азии сопровождалось большими разрушениями. Утверждение это не соответствует историческим фактам. В междоусобицах, возникших после караханидского завоевания, действительно пострадал Термез. Но массовых разрушений и опустошений не было. Города не разрушались, а возделанные земли не превращались в пастбища. Некоторые авторы в доказательство упадка земледелия в тот период приводят один единственный факт — падение цен на землю в Кушки мугон (Бухаре). Но упомянутое падение цен имело место в XII в. при Арслан-хане и явилось результатом политических конфликтов местного значения. За пределы Бухары это явление не распространилось.

Существует мнение, что Караханиды истребили согдийское дихканство. Но оно тоже не подтверждается фактами. Дихканство с утратой политической власти экономически эволюционировало в мелких владетелей земли, но физически сохранилось.

Ряд исследователей писал и об упадке экономики городов в XI—XII вв. Теперь выясняется, что в это время города Мавераннахра и Семиречья переживали бурный рост прежде всего за счет расцвета рабадов — торгово-ремесленных кварталов. Резкое увеличение спроса на ремесленные товары вызвало расцвет ремёсел, производящих керамику, медную утварь, стекло.

Об экономическом упадке в тот период якобы говорит возникновение так называемого «серебряного кризиса», заключавшегося в исчезновении полноценной серебряной монеты. Между тем как это явление, по-видимому, отражало резко возросшую потребность в серебре, связанную с интенсификацией товарно-денежных отношений.

Не было после падения Саманидов и культурного упадка. Напротив, развитие художественного производства, расширение городского строительства, создание ряда замечательных памятников архитектуры весьма своеобразного стиля — все это свидетельствует о расцвете при Караханидах материальной культуры.

Что же касается литературы, то предвзятое мнение об ее известном общем упадке опроверг ещё Е. Э. Бертельс, показав, что в Семиречье и Мавераннахре шел параллельный процесс становления тюркской литературы и развития литературы на дари (фарси), между которыми, несомненно, существовала тесная связь.

В 1210 г. в борьбе с найманами пресеклась восточнокараханидская династия. В 1212 г. в Самарканде был казнен хорезм-шахом Мухаммедом последний представитель западнокараханидской династии, а вскоре исчезла и ферганская ветвь Караханидов. Но к этому времени Средняя Азия, Семиречье, Кашгария обрели новое этническое лицо, новую социальную и экономическую структуру, новый тип духовной культуры. Лишь потрясения периода монгольских завоеваний прервали естественный процесс намечившегося развития.

Р. А. ГУСЕЙНОВ

ТИТУЛАТУРА И ТАМГА ИЛЬДЕГИЗИДОВ

(ИЗ ИСТОРИИ ФЕОДАЛЬНОЙ СИМВОЛИКИ И АТРИБУТИКИ XII В.)

XI—XII вв.—один из наиболее важных и насыщенных событиями периодов в истории Передней Азии, в том числе и Закавказья. В течение этих двух веков здесь произошли существенные перемены, связанные в первую очередь с развитием местных феодальных обществ, а также с миграцией и завоеваниями тюркоязычных племен, которые под руководством династии так называемых великих султанов Сельджукидов двинулись из Средней Азии (частью из Дешт-и Кипчака) на запад.

В Закавказье и прежде всего в Азербайджане начали оседать огузские и некоторые другие тюркские племена, что значительно усилило тюркский языковой слой, и уже во второй половине XI в. Азербайджан превратился в один из основных тюркоязычных районов. Носители тюркских языков (огузского и кипчакского) получили довольно широкую известность в Закавказье в XI—XII вв. Решающее влияние на этот процесс оказала военно-политическая деятельность сельджукских султанов и атабеков Азербайджана Ильдегизидов, насаждавших здесь свою администрацию, создававших военные поселения и т. п.

На рубеже XI—XII вв. военно-феодальная держава великих Сельджукидов распалась на ряд самостоятельных государств, в связи с чем возникли условия для дальнейшей эволюции восточного феодализма. Это повлияло как на социально-экономическую, политическую, духовную, так и на этногенетическую и языковую историю ряда народов. Изменения отразились также на пришедших к власти в XII в. династиях владетельных феодалов, среди которых особого внимания заслуживают Ильдегизиды.

Ильдегизиды (1133—1225) — династия атабеков, владевших Азербайджаном, — оказали важное влияние на историю Передней Азии, в том числе и Закавказья XII в. Их судьба тесно переплелась с историей закавказских государств, Иракского султаната Сельджукидов (одного из образований на месте распавшейся державы великих султанов) и халифата Аббасидов. На судьбе династии атабеков можно наглядно проследить метаморфозу феодальной символики и атрибутики того периода, а также эволюцию одной из важнейших категорий владетельных феодалов XII в., каковыми являлись атабеки¹.

Известно, что Ильдегизиды сумели подняться от положения *дворцовых гулямов* до положения *султанов*. Их карьера свидетельствует как о

¹ Подробно см.: Р. А. Гусейнов. Институт атабеков. — «Палестинский сборник», вып. 15 (78), 1965, стр. 181—196.

личных способностях этих вольноотпущенников, так и о специфике сельджукских государств XII в., для которых были характерны такие присущие восточному феодализму данного периода особенности, как одноступенчатость вассалитета и сюзеренитета, доминирование индивидуальной собственности на землю, господство институтов икта и атабеков, удельная система управления.

С той ролью, которую сыграли атабеки Азербайджана Ильдегизиды в судьбах Иракского сельджукского государства, тесно связана, как уже отмечалось, удивительная метаморфоза их титулатуры и тамги, прослеживаемая на нумизматическом, эпиграфическом и нарративном материалах.

В 20-е годы XII в. Ильдегиз, по всей вероятности кипчак, купленный на невольничьем рынке в Дербенте, был *гулямом* (gülam) сельджукского везира Абу-Талиба ал-Камала ас-Сумайрами. После смерти последнего в 1122 г. он попал ко двору первого иракского султана Махмуда (1118—1131), а в дальнейшем служил у его преемников. Судя по фактам биографии Ильдегиза, можно заключить, что он (по-видимому) прошел все этапы придворной и военной службы, обычной для дворцовых гулямов. Эта категория служивых проходила, согласно «Сиасет-намэ», восьмилетний срок подготовки. В первый год гулям был пехотинцем и ходил в свите, одетый в каба из зинданичи; на второй год, получив тюркского коня с уздой и простой ремень, он уже становился всадником; на третьем году гулям получал меч-караджур; на четвертом — имел право на ношение наилучшей и колчана; на пятый ему давали лучшее седло, узду со звездами, каба из дараи, булаву, которую он вешал на кольцо; на шестой год гулям получал одежду анван; на седьмой ему присваивали чин ведающего одеждой государя; на восьмой — он уже висак-баши, имеющий палатку (висак), черный войлочный головной убор, расшитый серебром, каба из гянджийской ткани и власть над тремя гулямами или одним гулямом-новобранцем. Восьмилетний срок был первой ступенью обучения и службы; на следующем этапе гулям мог получить чины хейль-баши и хаджиба, стать военачальником или наместником области². Ильдегиз, несомненно, последовательно занимал должности висак-баши, хейль-баши и хаджиба, иначе ему не был бы пожалован титул эмира и предоставлен пост атабека (сельджукского наместника) области.

Уже в 30-е годы XII в. Ильдегиз стал владетельным феодалом (1133 — около 1170), получив в 1133 г. при султани Масуде (1133—1152) титул *эмира* (amīr) и пост *атабека* (atabek) Арана (историческая область в Азербайджане) со всей полнотой военной и гражданской власти. Одновременно Ильдегизу были вручены регалии его достоинства — *тугра* (tuğra), печать и *перстень* атабека, а также был присвоен *лакаб* (почетное прозвание) Шамс ад-дин, которое по сельджукской табели о рангах присваивалось этой категории владетельных феодалов, находившихся на государевой службе (закономерность, прослеживаемая по монет-

² Сиасет-намэ. «Книга о правлении» вазира XI столетия Низам ал-Мулька (пер. Б. Н. Заходера). М.—Л., 1949, стр. 110—111, 327. Материя *зинданичи* — ткань, из которой шили одежду для гуляма первого года службы, получила свое название от бухарского селения Занданэ; *меч-караджур* — «длинный меч», «персидский меч»; *дараи* — полубумажная, полущелковая ткань, возможно шелковая материя, красного цвета; *анван* — возможно, означает «более роскошная одежда»; *висак-баши* — глава войсковой единицы (палатки-висак), в четыре человека, возможно, ее численность варьировалась; *хаджиб* — высший чин гуляма-гвардейца, следовавший после чина *хейль-баши* (объяснения Б. Н. Заходера. Там же, стр. 321, 326—327).

ным легендам атабеков³). В 1136 г. Ильдегиз становится *атабеком Азербайджана и великим эмиром* (amīg al-'azam) с правом собственного монетного чекана⁴. В правление султана Масуда Ильдегиз некоторое время провел в Багдаде в должности *шихнэ (науба)* (sihne-naib) — личного представителя и наместника иракского Сельджукида при халифе⁵. Шихнэ являлся фактическим хозяином столицы Аббасидов и должен был держать султана в курсе багдадских событий. Тогда-то, вероятно, и был установлен личный контакт между Ильдегизидами и Аббасидами, что сыграло определенную роль в дальнейшей судьбе атабеков Азербайджана и Иракского султаната. Не случайно и то, что после возвращения из Багдада Шамс ад-дин, а в последующем и его преемники, развили активную военно-политическую деятельность. Ее конечной целью, судя по результатам, было получение максимальной власти в Иракском сельджукском государстве. Борьба за осуществление этой цели длилась многие годы и состояла из ряда этапов, каждый из которых характеризовался изменениями как в положении Ильдегизидов, так и эволюцией их титулатуры и тамги.

В 50-е годы Ильдегиз возглавил борьбу восставших эмиров султана Мухаммада (1152—1160), но, потерпев поражение, принес повинную и отправил ко двору заложником сына с тем, чтобы сохранить свои владения и положение. В 1160 г. на троне не без содействия Шамс ад-дина оказался султан Сулейман-шах (1160), назначивший его за заслуги перед престолом *атабеком наследного принца* Арслан-шаха⁶ (т. е. ответственным за его воспитание). Таким образом, Ильдегиз — *атабек-наместник* стал *атабеком-воспитателем*, получив возможность влиять на будущего иракского государя, который к тому же был его пасынком (атабек был женат на вдове султана Тогрула I, отца Арслан-шаха). Следовательно, Шамс ад-дин и его преемники имели двойное звание атабеков: наместника и «воспитателя».

Сулейман-шах рассчитывал, что, осыпав милостями могущественного владетеля Азербайджана, он и впредь будет пользоваться поддержкой как его самого, так и азербайджанских эмиров. Но Ильдегиз имел другие намерения. В том же году он совершил дворцовый переворот и вместо удушенного в темнице султана Сулейман-шаха посадил на трон послушного ему Арслан-шаха (1160—1177/8).

Произошли изменения и в положении самого Шамс ад-дина. Он возвел себя в ранг *атабека султана* (т. е. его воспитателя), взял на себя функции *главы иракского войска*, а также присвоил себе почетный титул *великого атабека* (atabek al-'azam), вероятно, в значении хранителя государственных устоев. Важные должности достались его сыновьям (братьям Арслан-шаха по матери): Джахан-Пехлеван стал

³ История князей Орбелян. Извлечение из сочинений Стефана Сюнийского, армянского писателя XIII в. (пер. Х. Иоаннесова). М., 1883, стр. 17; O. Codrington. A Manual of Musulman Numismatic. London, 1904, стр. 63.

⁴ Е. А. Пахомов. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа, вып. I—IX. Баку, 1926—1966; А. В. Рагимов. Клад ильдегизидских монет XII—XIII вв. — «Доклады АН Азерб. ССР», т. X, № 3, 1954; E. de Zambaur. Manuel de Généalogie et Chronologie pour l'histoire de l'Islam. Bad Pyrmont, 1955, стр. 231.

⁵ The Cambridge History of Iran, vol. 5. The Saljuq and Mongol Periods. Ed. by J. A. Boyle. Cambridge, 1968, стр. 131.

⁶ Irak ve Horasan Selçukluları tarihi. Al-Isfahaninin al-Bondari tarafından ihtisar edilen «Zubdat al-Nusra va Nuhbat al-Husra» adlı kitabının tercumesi. İstanbul, 1943, стр. 253, 265; Rahat-üs-Sudur ve Ayet-üs-Sürur, yazan Muhammed b. Ali b. Süleyman er-Raven-di. Ankara, 1957—1960, стр. 264.

главой дворцовой администрации султана (*amīr hazīb-i kebīr*^v), а Кызыл-Арслан получил пост *верховного главнокомандующего султаната* (*amīr sipēh salār-i kebīr*)⁷. Таким образом, Ильдегиз и его сыновья стали в султанате своих номинальных сюзеренов обладателями высоких титулов, и, захватив ключевые посты, сосредоточили в своих руках всю полноту власти в Иракском государстве Сельджукидов, включая руководство внутренней и внешней политикой.

На этом завершился первый этап борьбы Ильдегизидов за власть в государстве иракских Сельджукидов. Второй этап связан с именем сына Ильдегиза Джахан-Пехлевана (около 1170—1186) и озаменован как продолжением военно-политических коллизий за право руководить султанатом, так и изменениями в титулатуре Ильдегизидов. Джахан-Пехлеван присвоил себе *лакаб* отца (Шамс ад-дин), титул *великого атабека* и должность *атабека султана*, продолжая в то же время оставаться *наместником* (атабеком) Азербайджана; он провозгласил себя *высочайшим меликом* (*al-malik al-mu'azzam*)⁸.

Из истории Сельджукидов известно, что меликами именовали первоначально только принцев из рода Сельджука; этот титул, согласно табели о рангах, следовал непосредственно за султанским и означал «сын коронованного владетеля». Насколько можно судить по нарративному и нумизматическому материалам, впервые меликом, не принадлежавшим к династии Сельджукидов, стал Гази Данишмендид, получивший этот высокий титул в 1134 г. за заслуги перед троном конийских сельджуков султанов⁹. Но Джахан-Пехлевана никто не жаловал достоинством мелика, а тем более высочайшего мелика (последнего титула, собственно, у сельджуков и не существовало). Поэтому присвоение этого титула было с его стороны самовольным актом, свидетельствующим о том, что Ильдегизид, продолжая политику своего предшественника, подготавливал узурпацию высшего светского титула султана. Следует отметить, что возникновение титула *высочайшего мелика* явилось апогеем развития этого термина в XII в. и было связано непосредственно с деятельностью атабеков Азербайджана — Ильдегизидов. Таким образом, если Ильдегиз ограничился захватом власти Сельджукидов, то его преемник, не довольствуясь этим, положил начало узурпации их титулатуры. Весьма любопытна в этой связи полная титулатура Джахан-Пехлевана: *падишах ислама, высочайший правоверный, великий атабек, хакан Аджама, солнце вселенной и веры, опора ислама и верующих, Абу-Джафар Мухаммад*

ибн Ильдегиз Джахан-Пехлеван (*padisah al-islām momin al-mu'azzam atabek al-'azam hakān al-'Azam Šams ad-dunja va-d-dīn nusrāt al-islām va-l-muslimin Abu-Za'far Muḥammad ibn Ildēgiz Zahan-Pehlivan*)¹⁰.

Джахан-Пехлевану пришлось в течение ряда лет вести военные действия против султана Арслан-шаха, который не соглашался ни с положением Ильдегизидов при дворе, ни с его титулами. Эта борьба завершилась

⁷ Sadraddin Ebu'l Hasan Ali ibn Nasir ibn Ali el-Hüseyni, *Ahbar üd-Devlet is-Selçükiyye*. Ankara, 1943, стр. 102; *Irak ve Horasan*, стр. 264, 266; *Rahat-üs-Sudur*, стр. 279, 282—283.

⁸ Selçuki devletleri tarihi, Aksarayının Kerimeddin Mahmudun «Müsamerat-ül-Ahbar ve Müsayeret-ül-Ahyar» adlı farsça tarihini tercümesi. Ankara, 1943, стр. 123; *Irak ve Horasan*, стр. 268; *Rahat-üs-Sudur*, стр. 306.

⁹ *Chronique de Michel le Syrien*, ed. par J.—B. Chabot, t. IV. Paris, 1899, стр. 614—617; Barhebraei Gregorii, *Chronicon Syriacum*, ed. P. Bedjan, Parisiis, 1890, стр. 293—294.

¹⁰ *Rahat-üs-Sudur*, стр. 306; Selçuki devletleri tarihi, стр. 123.

гибелью Сельджукида, на трон которого после него был посажен малолетний и покладистый султан Тогул II (1177/78—1194). При последнем Джахан-Пехлеван пользовался всей полнотой власти в Иракском государстве¹¹.

Третий этап борьбы явился кульминационным как в политическом отношении, так и в дальнейшей эволюции титулатуры Ильдегизидов. Он связан с именем Кызыл-Арслана (1186—1191), сменившего в 1186 г. своего брата. Кызыл-Арслану пришлось выдержать натиск Сельджукида, пытавшегося лишить его власти и титулов. В 1191 г. Ильдегизид сумел одолеть своего сюзерена Тогула II. Однако он не довольствовался этим. Совершив дворцовый переворот и заточив законного государя в темницу, Кызыл-Арслан провозгласил себя султаном (*sultān*) Иракского сельджукского государства. Формально он имел на это право, ибо по материнской линии находился в родстве с династией. Узурпатор был признан своим номинальным конфессиональным сюзереном — аббасидским халифом Насиром и соседними государями, приславшими по этому поводу ему традиционные поздравления и подарки¹². Здесь важно заметить, что к захвату Кызыл-Арсланом султанского трона с одобрением отнесся Аббасид, вручавший султанам инвеституру как своим вассалам. Таким образом, не лишено основания предположение, что халиф, считая Ильдегизидов преемниками Сельджукидов, с которыми он не ладил, мог выдать инвеституру Кызыл-Арслану, подтверждая этим законность перехода власти от одной династии к другой.

Подобные позитивные взаимоотношения между халифом и султаном-узурпатором имели свою предысторию. Известно, что Аббасид Муктафи еще в свое время одобрительно относился к притязаниям Шамс ад-дина Ильдегиза на руководство Иракским государством. Личный посланец Муктафи вел переговоры с атабеком, намеревавшимся поднять мятеж против султана Мухаммада¹³. Находясь у кормила правления Иракским султаном, Ильдегиз и его преемники самостоятельно сносились с именными своими формальными сюзеренов с Багдадом, выступая в роли светских руководителей мусульманского мира, конфессиональным главой которого являлись Аббасиды. Когда же халифы попытались избавиться от новоявленных партнеров, этому воспрепятствовал Джахан-Пехлеван, которому приписываются слова: «Халифу наиболее приличествует заниматься хутбой и религиозными делами. Он должен оставить султану (чит.: атабеку. — Р. Г.) власть и вопросы управления светскими делами»¹⁴. Видимо, не случайно в анонимном сочинении, посвященном Аббасидам и Сельджукидам, отведена специальная глава атабеку Шамс ад-дину. Возможно, что автор хотел тем самым подчеркнуть значение Ильдегизидов и показать, что они были равней халифам и султанам¹⁵. Несомненно одно, что характер взаимоотношений халифов и Ильдегизидов в определенной мере способствовал росту значения последних, изменениям в их титулатуре, а также трансформации атабекской династии в султанскую.

Таким образом, начав путь вверх по феодальной иерархической лест-

¹¹ *Рашид ад-дин*. Сборник летописей, т. I, кн. 2 (пер. О. И. Смирновой). М.—Л., 1952, стр. 104; *История князей Орбелян*, стр. 19; *Selçuki devletleri tarihi*, стр. 123; *Sadraddin*, стр. 118; *Irak ve Horasan*, стр. 268.

¹² *Рашид ад-дин*, стр. 104; *Sadraddin*, стр. 126—127; *Rahat-üs-Sudur*, стр. 327, 333; *Selçuki devletleri tarihi*, стр. 123; *Irak ve Horasan*, стр. 269.

¹³ *Irak ve Horasan*, стр. 231, 255; *Rahat-üs-Sudur*, стр. 256—257.

¹⁴ *Rahat-üs-Sudur*, стр. 309.

¹⁵ *Anadolu Selçukluları devleti tarihi*, стр. 111. *Histoire des Seldjoukides d'Asie Mineure*, par une Anonyme, Ankara, 1952, стр. 19 sqq.

нице с положения *ординарного дворцового гуляма*, Ильдегиз и его наследники последовательно прошли все ее ступени — *висак-баши* (visak-basy), *хейль-баши* (hejl-basy), *хаджиб* (hazib), *атабек*, *великий атабек*, *эмир*, *великий эмир*, *высочайший мелик* — и добились в конечном итоге титула *султана*. Возвышение это проходило в упорной борьбе, которая нередко принимала характер вооруженных столкновений.

Кызыл-Арслан был султаном недолго. В том же 1191 г. эмиры, подняв мятеж, убили своего самозванного сюзерена, задумавшего ликвидировать феодальную вольницу и с этой целью подготавливавшего избиение владетельных феодалов. По-видимому, из-за кратковременности правления Кызыл-Арслана его султанское достоинство не нашло соответствующего отражения в эпиграфических и нумизматических памятниках. Вместе с тем небезынтересно отметить, что, даже став султаном, он не расставался с регалиями власти атабека (перстнем и тугрой), которые были при нем и в момент его убийства.

Таким образом, низложив династию иракских Сельджукидов, Ильдегизиды сами потерпели поражение в борьбе с эмирами, и это не только стоило жизни Кызыл-Арслану, но и свело на нет все достигнутое его предшественниками и им самим. После султана-узурпатора Ильдегизиды не пользовались реальной властью уже не только в Иракском государстве, но и в собственных владениях. С гибелью Кызыл-Арслана фактически распались оба владения — и Сельджукидов, и Ильдегизидов, став легкой добычей эмиров. Атабеки, таким образом, утратили свою былую власть. К концу XII в. значительно потускнели и многочисленные титулы, которыми по традиции продолжали именовать себя наследники Кызыл-Арслана. Скорее, отдавая лишь дань традиции, последние Ильдегизиды, сыновья Джахан-Пехлевана — Абу-Бекр и Узбек — называли себя *великими атабеками* и *высочайшими меликами*. Известны даже монеты Абу-Бекра, на которых он назван *великим султаном* (as-sultan al-'azam)¹⁶; возможно, что это явилось результатом перечеканки на его имя монет неудачливого узурпатора Кызыл-Арслана. Фактически же Ильдегизиды отныне становятся уже незначительными владетельными феодалами, носившими титулы и регалии своих могущественных предшественников, но не имевшими реальной власти. Знаменательно, что при них появляются временщики, носившие титул атабека и являвшиеся фактическими хозяевами во владениях династии Ильдегизидов. Как правило, они по происхождению тоже были гулямами и так же стремились повторить тот же путь вверх, который был пройден в свое время Ильдегизом и его преемниками. Но в изменившихся условиях должность и титул атабека потеряли уже свое бывшее значение. Не случайно, что после распада сельджукских государств в XII в. достоинство атабека из табели о рангах выпадает и в последующем уже не встречается.

С Ильдегизидами связано еще одно любопытное явление в истории рассматриваемого периода. Став атабеками-наместниками Азербайджана, они получили право на собственный чекан, отразивший не только особенности денежного обращения в XII в., но и своеобразие карьеры этих владетельных феодалов. Известны медные монеты Ильдегизидов со знаками, часть которых, по-видимому, является личной тамгой династии — это изображения *двузубца*, *трезубца*, *сабли* (или кинжала), *быка*, *геральдического зверя* (льва)¹⁷. Но нас в данном случае интересуют не эти ор-

¹⁶ Е. А. Пахомов. Указ. соч., вып. VII, № 1799.

¹⁷ Е. А. Пахомов. Указ. соч., вып. VI, № 1610, 1612; вып. VII, № 1797; вып. VIII, № 1986; А. В. Рагимов. Указ. соч., стр. 224.

динарные признаки, встречающиеся на чекане и других владетельных феодалов. Гораздо важнее то, что Ильдегизиды были единственными, кто заимствовал тамгу и титулатуру сельджукских султанов и фиксировал их на своих монетах, что вполне согласовалось с занимаемым ими положением в Иракском государстве и той ролью, которую они играли в истории периода. Так, на монете имеется изображение *лука со стрелой* (в нескольких вариантах)¹⁸, являвшееся тугрой (печатью) султанов и эмблемой сельджукской государственности. Во второй половине XII в. этот символ стал отличительным знаком государственности Ильдегизидов, что не только соответствовало положению атабеков, но и было связано с их эволюцией, конечным этапом которой явилась замена султана-Сельджукида султаном-Ильдегизидом. Следовательно, узурпация Ильдегизидами прав и прерогатив своих сюзеренов была полной — от тугры и титулатуры до трона дома Сельджуков. И если Джахан-Пехлеван имел чекан с легендой «мелик высочайший, великий атабек» (al-malik al-mu 'azzam atabek al-'azam), то позднее на монете Ильдегизидов была зафиксирована легенда, прежде характерная только для Сельджукидов — «великий султан, шаханшах высочайший» (as-sultān al-'azam saḥansāḥ al-mu 'azzam)¹⁹.

Остается заключить, что метаморфоза титулатуры и тамги Ильдегизидов свидетельствует о важном политическом событии, происходившем во второй половине XII в., — трансформации Иракского сельджукского государства в азербайджанское. Только этим можно объяснить те особенности, с которыми мы сталкиваемся в истории династии атабеков Азербайджана, в эволюции их титулатуры и тамги. И если бы эта трансформация, апогеем которой был захват султанского трона Кызыл-Арсланом, не окончилась неудачей, то в конце XII в. на политической карте Передней Азии мог бы появиться Азербайджанский султанат во главе с династией султанов из рода Ильдегиза.

¹⁸ Е. А. Пахомов. Указ. соч., вып. VII, № 1799.

¹⁹ Там же.

И. В. СТЕБЛЕВА

ПОЭТИКА «КУТАДГУ БИЛИГ»

В развитии тюркоязычной литературы важную роль сыграло приобщение тюрков к сложному процессу созидания мусульманской культуры. В конце X в. в Средней Азии правящую иранскую династию Саманидов сменила тюркская династия Караханидов.

К этому времени в столице саманидского государства Бухаре уже сложился персидский литературный круг, в который входили такие творческие индивидуальности, как поэты Рудаки и Киса'и. С переходом власти к тюркской династии в культурной жизни Средней Азии, по словам В. В. Бартольда, ничего не изменилось. Караханиды были верными последователями ислама, и этим отчасти объясняется их успех в борьбе с иранской династией.

Государство Караханидов вскоре после образования разделилось на уделы, которые обрели права самостоятельных владений. Многие персидские поэты нашли покровительство при дворах тюркских правителей, которые не только поощряли их творчество, но нередко и сами писали стихи на персидском языке¹. Захватив Мавераннахр и подпав под влияние иранской и арабской культуры, тюрки сохранили свой язык и не порвали с национальными традициями, о чем можно судить по дошедшим до нас письменным памятникам этой эпохи.

Дидактическая поэма «Кутадгу билиг» Юсуфа родом из г. Баласагуна была написана в 1069—1070 гг. в г. Кашгаре. Юсуф Баласагунский написал дидактическую поэму (или трактат в стихах) с целью поднятия престижа Караханидов и прославления правителя Кашгара Богра-хана, которому она и была преподнесена. В этом первом произведении классической тюркоязычной поэзии Юсуф Баласагунский излагает свое понимание разумно устроенного и основанного на справедливости государства.

Мусульманская ориентация «Кутадгу билиг» вполне закономерна. Будучи правоверными мусульманами, Караханиды могли одобрить только такое произведение, которое находилось бы в полном согласии с догмами ислама и способствовало утверждению власти тюркской династии, правившей Мавераннахром.

Эрудиция, проявленная Юсуфом Баласагунским в этом сочинении, свидетельствует о том, что он был хорошо знаком с литературой арабов и персов, которая служила для него образцом. Этико-дидактический трактат Юсуфа Баласагунского охватывает все стороны жизни идеаль-

¹ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. — Сочинения, т. II, ч. I, стр. 247—249, 256.

ного в его представлении правителя и его должностных лиц. Свои поучения он сопровождает сведениями из самых разнообразных областей науки: математики, астрономии, медицины. В качестве иллюстраций к поучениям автором приводятся эпизоды из жизни легендарных иранских царей и героев, но, создавая свой поэтический трактат о правильном управлении государством и военной организации страны, Юсуф Баласагунский ставил перед собой гораздо более широкую задачу: создать на основе арабо-персидской поэтики монументальное литературное произведение на тюркском языке. Им было написано свыше 6500 бейтов.

Поэма «Кутадгу билиг» открывает историю классической тюркоязычной поэзии, созданной на основе арабо-персидских литературных традиций и теорий метра, рифмы и поэтических фигур. Поэма написана арузом в виде месневи и включает более двухсот четверостиший с рифмовкой типа рубаи.

Создание поэмы на тюркском языке по правилам стихосложения, разработанным на основе языков, фонетически отличающихся от тюркских, представляло немалую сложность. Принято считать, что количество и качество долгот в тюркских языках исключает возможность их использования в качестве фонологической базы ритма. Применение аруза в тюркоязычной поэзии основывалось на условии приравнивания в тюркских словах закрытых слогов — к долгим, а открытых слогов — к кратким. При этом открытые слоги, если того требовал метр, могли скандироваться и как долгие.

Особенности тюркского аруза были описаны только в конце XV в. Алишером Навои в его трактате «Мизан ал-авзан», где они предстают как результат уже выработанной в тюркоязычной поэзии техники оперирования правилами арабо-персидской поэтики. Отмеченная Алишером Навои графическая особенность тюркского аруза состоит в том, что буквы ^{۱۰} и ^{۱۱}, за исключением позиции в конце бейтов и полустиший, пишутся вместо харакат², т. е. изображение этих букв в тюркских словах не связывалось с долготой слога, и они в стихе приравнивались к огласовкам (речь идет о среднеазиатских рукописях, в которых существовала традиция довольно полной передачи гласных, в отличие от старотурецких, где гласные изображались очень скупо). В конце бейтов и полустиший ^{۱۰} и ^{۱۱} пишутся в качестве неогласованных букв и, следовательно, являются показателями метрической долготы, которая в тюркских словах имела чисто графический смысл. Сказанное выше относится и к поэме «Кутадгу билиг».

Юсуф Баласагунский написал свою поэму восьмистопным усеченным мутакарибом (т. е. последняя стопа большей частью махзуф, иногда — максур). Следует заметить здесь, что одно рубаи (3800—3801)³ и две касыды в заключительной части (6521—6564, 6565—6604) имеют восьмистопный полный (правильный) мутакариб. По схеме мутакариба закрытые слоги принимаются за долгие, открытые — за долгие или краткие, в зависимости от требований схемы. Буквы ^{۱۰} и ^{۱۱} после согласных считаются в тюркских словах огласовками. Например:

² Алишер Навоий. Мезон-ул авзон. Тошкент, 1949, стр. XXVIII (в узб. транскрипции — стр. 63).

³ Цифры в скобках означают номера бейтов по свободному тексту «Кутадгу билиг», изданному Р. Аратом (*Reşid Rahmeti Arat. Kutadgu bilig, I. Metin, Istanbul, 1947, далее KB I*). Примеры приводятся в транскрипции этого издания.

риба обеспечивается числом ударений, и первый безударный слог соответствует слогу мутакариба:

akı bol bağışla içür hem yitür (KB I, 2053)⁵.

В трехсложных словах и сочетаниях одно- и двухсложного слов грамматическое ударение совпадает с долгим слогом схемы мутакариба, второстепенное ударение на первом слоге не используется:

üvütluğ sakınuk tilegil arıg (KB I, 4476)

bu şa'ir sözi kör açar söz yolu (KB I, 1421).

Многосложные слова, которые встречаются значительно реже, употреблены таким образом, чтобы расположение ударных и безударных слогов по возможности совпадало с долгими и краткими слогами мутакариба. Например, в четырехсложном слове:

yağız yir bakır bolmağınca kızıl (KB I, 720).

В пятисложном слове:

törü bir işinde bağırsaklığın (KB I, 4473).

В шестисложном слове:

ayınğlamasunlar sini halk ara (KB I, 4463).

В двухсложной стопе конечный слог метра—долгий, в составе разносложных слов (чаще всего одно-, двух- и трехсложных) всегда совпадает с ударным, предыдущий же слог метра—краткий, стремится совместиться с безударным.

Ритмическая натяжка ощущается лишь при некоторых вариантах двухсложных слов (первый слог закрытый, а второй открытый), когда в силу закона об огласованных и неогласованных буквах первый слог, не ударный, но закрытый, считается долгим, а второй слог—открытый, считается кратким, хотя он и ударный: keldi, bardı, ersē и т. д. Таким образом, реализация метра аруза осуществлялась на основе акцентной базы тюркских языков, т. е. в метре аруза существуют слоги, долгота которых обусловлена выражением долгих слогов через сочетание огласованной и неогласованной букв. Вместе с тем заметна тенденция совместить долгие слоги метра аруза с ударными слогами тюркских слов, которые по сравнению с безударными произносятся дольше. К тому же принцип растяжения ударных слогов в поэтической речи отнюдь не был нововведением при переходе тюркской поэзии к метрам аруза, так как существовал и в эпоху древнетюркского стиха.

Ко времени появления поэмы «Кутадгу билиг» арабо-персидская теория рифмы была подробно разработана и сформулирована. Расположение букв и их огласовок предусматривало возможные комбинации согласного звука с гласным, слогов закрытых и открытых, содержащих

⁵ Здесь и далее над примерами приводится графическая схема мутакариба, и там, где главные и второстепенные ударения совпадают с долгими слогами метра, они обозначены знаками ' и '.

долгие и краткие гласные. Согласно арабо-персидской теории рифмы требовалось, чтобы рифмующиеся слова имели одинаковый состав согласных и гласных ритмообразующего долгого слога, равное количество слогов, следующих после долгого слога, при их одинаковом звуковом составе.

Традиция точной рифмы в тюркоязычной поэзии сложилась исторически закономерно. Нарушение теоретических правил арабо-персидской рифмы в тюркских стихах совершалось главным образом в области вокализма, вследствие пренебрежения на ранних этапах развития поэзии акустическим тождеством рифмы. Как уже отмечалось, в основу построения рифмы тюркского стиха был положен графический принцип. А так как арабская графика не отражала в полной мере вокализм, неточность ранней тюркской рифмы могла быть скрыта.

Юсуф Баласагунский использовал все возможности тюркского языка, реализуя теорию арабо-персидской рифмы в тех вариантах, которые соответствовали фонологической структуре тюркского слова и морфологии языка⁶. Однако имелись и определенные отступления от правил арабо-персидской рифмы, наиболее распространенные среди них:

1. Несовпадение гласных перед буквой рави⁷ в составе слабого слога: *atım — titim* (2043); *okı — takı* (2046); *başı — tuşı* (2047); *anı — köni* (1714), где большая или меньшая степень звукового несоответствия либо отражена графически, либо скрыта благодаря отсутствию обозначения гласных.

2. Несовпадение гласных перед буквой рави в составе сильного слога: *tut — ot* (4694); *kul — yol* (4817); *aşları — işleri* (4579); *king — eng* (4707); *tükel — inal* (4805); *tutnumaz — itnümez* (2790). Что касается графического изображения гласных, то здесь наблюдается та же картина, что и в первом случае.

3) Несовпадение гласных после буквы рави: *kür er — ıgar* (2019); *ıdar — yüder* (2797); *kadgurar — yilgürer* (3329); *keçer — uçar* (1332).

4) Постановка буквы рави в аффиксе: *bulup — münüp* (4711); *belgüsüz — yangusuz* (4831); *idmagıl — bolmagıl* (4816); *turur — bulur* (4798); *arzusın — edgusin* (4802); *sözleding — yazmadıng* (2175).

5) Рифмовка одного и того же слова, что, впрочем, встречается редко.

Таким образом, Юсуф Баласагунский прежде всего стремился к звуковому тождеству согласных, так как неточность в области гласных скрывалась арабской графикой.

Поскольку Юсуф Баласагунский не мог ввести в свою поэму большое количество арабских и персидских слов, к которым прибегали позднейшие авторы, он обратился к ресурсам самого тюркского языка, в частности — к подбору и использованию в рифме пар слов с гласными разных сингармонических рядов. Пренебрежение точностью в системе гласных значительно облегчило ему задачу, позволив рифмовать следующие пары слов (буква рави подчеркнута): *küç — kuç* (1451); *kör — kor* (1316); *tutmadım — bütmedim* (5067); *kizledi — äzladı* (3234); *aşları — işleri* (4579); *tengledim — tangladim* (5691).

⁶ Характерные черты ранней тюркской рифмы, нашедшей свое отражение в «Кутадгу билиг», описаны мною в сокращенном виде в статье «Рифма в тюркоязычной поэзии XI века». — «Советская тюркология», 1970, № 1, стр. 94—95.

⁷ О принципах построения арабо-персидской рифмы подробнее см.: И. В. Стеблева. Арабо-персидская теория рифмы и тюркоязычная поэзия. — «Тюркологический сборник», М., 1966.

Это явление, впервые встречающееся в памятнике XI в., наблюдается также в творчестве позднейших авторов и получило окончательное признание в трактате Алишера Навои «Мухакамат ал-лугатайн»⁸.

У Юсуфа Баласагунского впервые в тюркоязычной поэзии встречается рифмовка согласных g—g—k—k: *oğul — yok ol* (4758); *öggüsi — sökgüsi* (1731); *bu kün — ögün* (4689); *kör — kör* (1316); *küç — kuç* (1451). В дальнейшем это также стало признаваться допустимым. Так, Бабур писал в «Бабур-наме», что в тюркских словах буква та и дал, а также гайн, каф и каф, рифмуясь, могут заменять друг друга⁹.

Для построения арабо-персидской рифмы на материале тюркского языка Юсуф Баласагунский использует омонимы, в результате чего получался одинаковый набор рифмующихся букв при различном смысловом значении; весьма широко он применяет и редиф. При этом в функции редифа используются различные части речи и члены предложения, что показывает степень инверсии синтаксиса, например (буква рави и редиф подчеркнуты): *kılkı ol — yılkı ol* (1739); *yetmiş er — tutmuş er* (1746); *erse sen — tursa sen* (2025); *tutti ölüm — utti ölüm* (4833); *yalğan bolur — kıyğan bolur* (5077).

С помощью редифа рифма иногда продвигается в глубь строки, и это создает дополнительные возможности для ее построения: *bakın bolsa çın — yakın bolsa çın* (5620); *açar men sanga — uçar men sanga* (4796); *saçıtısa yana tirlümez — udıtısa yana tirlümez* (2396).

Таким образом, в поэме «Кутадгу билиг» Юсуф Баласагунский продемонстрировал достаточно высокую степень владения арабо-персидской теорией рифмы. Недостатки его рифмы являются следствием закономерных ограничений, обусловленных особенностями тюркского языка. В тех же случаях, когда буква рави стоит в аффиксе, что по теории арабо-персидской рифмы считается недостаточным, такая рифма подкрепляется аллитерацией в слогах, не относящихся к рифме. Иногда аллитерирование прослеживается в начале слова. В данном случае аллитерация выступает как дополнительное средство звуковой организации стиха поэмы, явно связанное с традицией аллитерационного стиха древнетюркской поэзии.

Иногда появляется богатая междусловная аллитерация, используемая для украшения стиха:

közün körmese arzu kolmaz köngül
közüng körse könglüng kolur ay oğul
közüngni küdezgil köngül kolmagay
köngül kolmasa öz bulun bolmagay (4515—4516).

Начала строк в бейтах аллитерируют настолько часто, что можно говорить о стремлении автора поэмы к начальной рифме. При этом не только повторяются одни и те же слова: *kamug — kamug* (2008); *usal — usal* (2027); *yürekliğ — yürekliğ* (2045), но и специально подбираемые: *bu barça — biligsiz* (1739); *telim — turu* (2035); *apa — açığı* (3663); *sever — sevügrek* (4210).

⁸ محاکمة اللغتين — M. Quatremère. Chrétomathie en turc oriental. Paris, 1841, стр. 13—14.

⁹ Бабур-наме, или Записки султана Бабура. Изд. Н. И[льминского]. Казань, 1857,

Эти факты с полной очевидностью свидетельствуют о том, что на первых порах создания поэзии по нормам арабо-персидской поэтики достаточно сильна была власть прежних представлений.

Поэма Юсуфа Баласагунского «Кутадгу билиг» в жанровом отношении вполне выдержана. Начинается «Кутадгу билиг» с обязательного для жанра месневи (аа, bb, cc и т. д.), в котором написана поэма, вступления, включающего традиционные мотивы: прославление бога, прославление пророка Мухаммеда, посвящение правителю (здесь сообщается о значении книги и причинах ее написания). Затем следует основная часть поэмы, всегда свободная в месневи. Юсуф Баласагунский для основной части поэмы избрал форму диалога четырех действующих лиц: правителя Кюн Тогды, его везира Ай Толды, сына везира Огдулмыша и брата везира Одгурмыша. Заключительная часть поэмы содержит главы, в которых Юсуф Баласагунский сетует на старость, жестокость друзей и греховность мира, а также дает наставления самому себе.

Отличительной чертой композиции «Кутадгу билиг» является вкрапление в месневи более двухсот четверостиший с рифмовкой типа рубай (ааба), а также то, что три заключительные главы написаны в форме касыд (аа, ба, са и т. д.). Таким образом, первая в истории тюркоязычной классической литературы поэма вобрала в себя несколько жанров арабской и персидской поэзии, которые в процессе дальнейшего развития тюркоязычной поэзии обособились в самостоятельные литературные жанры.

Будучи по замыслу этико-дидактическим трактатом, поэма Юсуфа Баласагунского является незаурядным произведением художественной литературы. Она насыщена разнообразными элементами художественного изображения: сравнениями, эпитетами, аллегориями, метафорами. Наиболее часто употребляются метафорическое сравнение и аллегория. Построенная главным образом на диалогах и монологах действующих лиц, «Кутадгу билиг» отличается широким использованием поэтического синтаксиса: риторических вопросов, обращения и восклицания, что напоминает эмоционально-патетический стиль орхонских текстов.

Поэма «Кутадгу билиг» интересна тем, что благодаря ей можно проследить пути становления классической тюркоязычной литературы. Арабо-персидская поэтика, ставшая в дальнейшем опорой классической поэзии на тюркских языках, здесь впервые завоевывает свои позиции. Одновременно с этим складывается прочное равновесие между природными свойствами тюркских языков и нормами стиха, выработанными применительно к иноязычным поэтическим традициям. Именно это обстоятельство позволило арабо-персидской поэтике прочно утвердиться в тюркоязычной среде, что содействовало появлению выдающихся поэтических произведений на тюркских языках.

Л. Ю. ТУГУШЕВА

ДРЕВНЕУЙГУРСКАЯ ПОЭЗИЯ

Из некогда существовавшей обширной древнеуйгурской литературы до нас дошли наряду с прозаическими также некоторые стихотворные произведения как переводные, так и оригинальные. Несколько десятков из них было в разное время издано и введено в научный обиход А. фон Лекоком, А. фон Габэн, В. Бангом, Р. Р. Аратом и др.¹ Сохранились имена и их авторов: Арпынчур Тегин, Кюль Тархан, Сынгку Сели, Калыма Кейши, Пратья Шири, Ки-ки, Асыг Тудун, Чисуя Тудун и другие поэты VIII—XIII вв.²

Необходимо отметить, что для древнеуйгурской литературы ритмически организованная проза с элементами параллелизма и аллитерации — явление довольно обычное³. Однако в данном случае мы будем говорить лишь о тех произведениях, в которых строки стиха выделены и объединены в стихотворные ряды в самом тексте, а их жанровая принадлежность определена такими терминами, как *küg* (тюрк.) «гимн», *basik* (согд.) «гимн», *slok* (скр.) «стих», *taṣut* (тюрк.) «стих».

Язык древнеуйгурских сочинений как стихотворных, так и прозаических, сами авторы и переводчики называют тюркским (*türkce*, *türk*

¹ См.: A. von Le Coq. Türkische Manichaica aus Chotsco II. APAW, 1919, № 3, стр. 3—15; ego же. Türkische Manichaica aus Chotsco III. APAW, № 2, 1922, стр. 3—49; W. Bang. Manichaeische Hymnen. Le Museon, t. XXXVIII, 1925, стр. 1—55; W. Bang und A. von Gabain. Türkische Turfan-Texte. III, SPAW, 1930, XIII, стр. 183—211; W. Bang. A. von Gabain. Uigurische studien. UJ, X, 3, 1930, стр. 208—210; W. Bang, R. Rahmeti. Lieder aus Alt-Turfan. Asia Major, IX, fasc. 2, 1933, стр. 129—140; G. R. Rachmati. Türkische Turfan-Texte. VII, APAW, 1937, стр. 60; R. Rahmeti Arat. Eski türk şiiri. Ankara,

1965; P. Zieme. Türkçe bir mani şiiri. Türk dili araştırmaları yıllığı. Belleten, 1968, стр. 45—51; G. Hazai. Ein buddhistisches Gedicht aus der berliner Turfan-Sammlung. AOH, t. XXIII, fasc. I, 1970, стр. 1—21; Л. Ю. Тугушева. Древние уйгурские стихи. По рукописи из собрания ЛО ИВ АН СССР. — «Советская тюркология», 1970, № 2, стр. 102—106.

² R. Rahmeti Arat, ETŞ, стр. X.

³ См., например: A. von Gabain. Die alttürkische Literatur. PhTF, t. II, стр. 214. Наглядной иллюстрацией тому, в частности, служит уйгурский перевод сутры *Suvarnaprabhasa*—*Altun jaruq*, в котором многие страницы написаны ритмизированной прозой.

^vtilince)⁴. Поэтические произведения древнеуйгурских авторов отличаются большим разнообразием стихотворных размеров, своеобразной техникой стиха. Авторы используют личную рифмовку (смежную, перекрестную, опоясывающую и др.), вертикальную и горизонтальную аллитерацию, редиф, рефрен и т. п. Но едва ли не самой характерной отличительной особенностью древнеуйгурских стихотворных произведений, начиная с древнейших ее образцов, является начальная вертикальная аллитерация, нередко переходящая в начальную рифму. Конечная рифма в них менее выражена, носит несколько зачаточный (аффиксальный) характер и строится на синтаксическом параллелизме. Вместе с тем в этих произведениях наблюдается тенденция к введению более сложных форм рифмы, использованию редифа. Господствующим в древнеуйгурском стихосложении является принцип параллелизма и относительной равносложности. Наиболее употребительны размеры с числом слогов 7—9, 9—11, 13—15.

Содержание древнеуйгурских стихотворных произведений в целом может быть охарактеризовано как абстрактно-религиозное. Подобно некоторым другим областям искусства⁵ уйгуров, поэзия их также лишена реалистических черт, отличается условностью и трафаретностью образов; индивидуальность поэта не может прорваться сквозь рутину религиозных догм.

Однако этот недостаток в какой-то мере компенсируется технически разработанной формой, по всей видимости во многом восходящей к традициям устного народного творчества. Создатели этих произведений заимствовали из поэтического фольклора не только специфические приемы стихосложения, но, в значительной мере, и систему образов. Даже в переводных произведениях встречаются эпитеты и образы, характерные, как замечает А. Бомбачи⁶, только для уйгурских версий и не имеющиеся в других вариантах. Вместе с тем, как бы шаблонно и трафаретно ни было содержание, в поэзии оно укладывается в конкретный язык с его нормами, отражающими вполне определенные способы реализации структуры данного языка, его употребление, что, как известно, глубоко специфично для каждого отдельного языка⁷ и предоставляет широкие возможности для индивидуальных вариаций в способе выражения. Таким образом, несмотря на шаблонность содержания, форма этих произведений, в широком смысле этого слова, достаточно самобытна и отражает определенный этап в развитии тюркоязычной поэзии.

Необходимость передачи порой достаточно сложных и абстрактных религиозных понятий побуждала сочинителей и переводчиков к скрупулезной работе над языком. От произведения к произведению отрабатывалась терминология, приобретала устойчивые формы и формулировалась фразеология. Эта работа не могла не привести в конечном итоге к серьезным сдвигам в развитии и совершенствовании литературного языка.

Известные ныне образцы древнеуйгурской поэзии по содержанию можно разделить на манихейские, буддийские и мусульманские. Из произведений, созданных в манихейской среде, до нас дошли отрывки нескольких гимнов, которые в общей сложности составляют около 600 стихотворных строк. В основной своей части они более ранние, чем буддий-

⁴ См.: A. von Gabain. Briefe der uigurischen Hüen-tsang Biographie. SPAW, 1938, XXIX, стр. 20; F. W. K. Müller. Uigurica I. APAW, XXIX, 1908, стр. 14; A. von Le Coq. Türkische Manichaica aus Chotscho II, стр. 10.

⁵ См.: Н. В. Дьяконова. Буддийские памятники Дуньхуана. — Труды по истории культуры и искусства Востока, IV. Л., 1947, стр. 445—470.

⁶ A. Bombaci. Histoire de la littérature turque. Paris, 1968, стр. 26.

⁷ Ю. С. Степанов. Основы языкознания. М., 1966, стр. 99.

ские; по мнению некоторых исследователей⁸, самые поздние из них могут быть отнесены к X в.

Манихейство как официальная религия уйгуров продержалась всего около 80 лет. Оно было принято уйгурами в 762 г., но уже в середине IX в., после разгрома уйгурского каганата киргизами, на смену манихейству вновь приходит буддизм. В X веке были переведены на уйгурский язык основные буддийские сочинения, получившие широкое распространение в уйгурской среде. Таким образом, можно предположить, что, находясь в положении неофициальной религии, манихейство, по-видимому, было озабочено не только «умилостивлением богов» и приобщением к «благодати на этом и на том свете», но и изысканием действенных способов религиозной пропаганды, мобилизацией всех способов эмоционального воздействия. Этой цели служили мистическая таинственность их обрядов, высокая художественная выразительность гимнов, покаяний и молитв, составлявших важную часть этих обрядов⁹. Гимны были как переводные, так и оригинальные; в большинстве своем они свидетельствуют о немалом успехе, достигнутом в совершенствовании стиха, его озвучания. Часто — это незаурядные в художественном отношении произведения, впечатляющая сила которых основана также и на системе эпитетов и сравнений, перекликающихся порой с эпическими образами. Ср., например:

Kök bōriteg sini [birle?] jorījīn
Qara quz untēg topraq ūze qalajīn
Igke kōmūri
Bilegūke jariteg bolajīn¹⁰

«Серым волком за тобой ходить пусть я стану,
Как черный ворон на земле пусть я останусь,
Углем против болезни (?),
Плевком на точильном камне пусть я стану».

Многими исследователями отмечалась художественная выразительность гимна, посвященного богине утренней зари, имитирующего бой барабанов, или построенного на повторах хвалебного гимна в честь Мани поэта Арпынчура Тегина.

Несколько обособленно среди сочинений манихейского содержания стоит небольшое стихотворение, также принадлежащее перу Арпынчура Тегина, которое в отличие от других посвящено земной любви и может считаться первым известным лирическим стихотворением на тюркском языке¹¹. Оно написано трехстишиями, с рифмующимися соответственно строками двух соседних трехстиший:

Jaruq teñriler jarlīqaz-un
v
Javasīm birle
v
Jaqīsīpan adrīlmalīm
v
Küclüg pristiler küc birz-ün
Köz-i qaram birle
v
Külüsügün oluralīm

⁸ A. von Gabain. Zentralasiatische türkische Literaturen. Handbuch der orientalistik, t. V, fasc. 1. Leiden—Köln, 1963, стр. 213.

⁹ A. V. W. Jackson. Researches in Manichaeism with special reference to the turfan fragments. New York, 1965, стр. 15.

¹⁰ P. Zieme. Указ. соч., стр. 46.

¹¹ R. Rahmeti Arat. ETS, стр. 18.

«Пусть распорядятся (соизволят) ясные боги,
 Чтобы мы с моей благой нравой,
 Встретившись, не расставались;
 Пусть могущественные ангелы придадут силы,
 Чтобы мы с моей черноглазой
 Жили, смеясь».

Основная часть известных древнеуйгурских стихотворных и прозаических произведений — буддийского содержания. Сюда входят хвалебные оды в честь будд и бодхисаттв, стихотворные изложения отдельных положений и догм буддизма, описание различных аксессуаров и атрибутов религии, молитвы, колофоны и т. п. Общий объем стихотворных сочинений буддийского содержания (оригинальных и переводных) превышает 1500 стихов. Хотя они нередко посвящаются изложению весьма абстрактных положений буддизма, язык их отличается ясностью и простотой, содержит сравнительно небольшое число заимствованных слов и терминов.

К числу наиболее значительных произведений буддийского содержания относятся стихи поэта Ки-ки, посвященные будде Амитабхе, его же стихи о созерцании, стихи Чисуя Тудуна о красноречии, стихи о мудрости Пратья Шири, обращение к будде Майтрея (автор неизвестен), молитва бодхисаттвы Самантабхадры, испрашивающего благодать, — Калыма Кейши, стихи, посвященные восхвалению десяти добродетелей, 35 будд и ряд других. Приведем некоторые отрывки из этих произведений.

Стихи о красноречии:

Aqas-taqī aj teŋri-ni atqanmīs bolup
 Aj-a-taqī erdini-ni icyīnīp salm-a
 Alqu ödte tastin sīŋar tilemis bolup
 Anuq buz-nī suv timetin arsiqīp qalm-a

«Прельстившись луной на небосводе,
 Не упусти драгоценность [у себя] на ладони;
 И всякий раз (~ всегда) судя по внешней стороне,
 Не ошибись, не назвав водой очевидный лед».

Стихи о мудрости (всего 93 стиха):

Jükünürmen bilge bilig paramit qutina
 Qop-ī arıy münegüsüz jig öküś tip
 Qopdın sīŋar burqan-lar-qa ögidilmis
 Qolulaju ülgülejü bolıy-luy-suz
 Quruy bilge bilig saŋa jükünürmen

«Я поклоняюсь величию (~ благодати) добродетели мудрости,
 Самой чистой, безукоризненной, лучшей, много[обильной] называя,
 Буддами всех сторон прославленная,
 Не поддающаяся измерению,
 Отрешенная мудрость — тебе я поклоняюсь!»

Обращение к будде Майтрея (20 стихов):

Tört slokluy nom üze
 Tutcı öger-men üzüksüz
 Tus berip munı teg bujanı

Tusajīn sizine majtri
 Sansarta irinc mini teg
 Saqīnsar erti kim me joq
 Sasmaqsız burqan bolmīsta
 Saqīnyıl mini majtri.

«При помощи четырехраздельного закона
 Постоянно и непрестанно тебя прославляю.
 Вот так, отдав в залог добродетель,
 Пусть я встречусь с тобой, Майтрея!
 В круговороте бытия (сансаре), о таком бедняге, как я,
 Чтобы подумать, нет никого.
 Став незаблуждающимся буддой,
 Подумай обо мне, Майтрея!»

Стихи о созерцании (Ки-ки, 246 стихов):

Aydīnur iner suv-lar-nīη
 Amrancıy ünlüg qus-lar-nīη
 Anıη tiki-sinte nom üni
 Antay esidilür ince tip
 Otyuraq ürlüksüz emgek tip
 Uz-adı quruy men-siz tip
 On paramit-lar baslay-lıy
 Uluγ bodisatav-lar jor[iy tip]

«В шуме вздувающихся и спадающих вод
 [И] птиц сладкоголосых
 Звук учения слышится и говорится так,
 Что страдание определено невечно,
 Что оно всегда пусто и лишено сущности,
 Что основой десяти добродетелей
 Является жизненный путь великих бодхисаттв».

Среди стихотворных произведений буддийского направления по сюжету и форме выделяется стихотворение, которое по рефрену условно названо Р. Р. Аратом «Anı teg oγunlarta» («В таких местах»)¹². В отличие от других оно посвящено не изложению и толкованию учения Будды или восхвалению будд и бодхисаттв, а описанию природы — идеальных условий, в которых человек, «не тревожимый восьмью ветрами», может спокойно погрузиться в созерцание. Хотя изображенные в нем идиллические картины журчащих ручьев, скалистых гор, пенящихся озер и зеленых кущ, по всей видимости, тоже носят условно-абстрактный характер, далекий от конкретной реальности, сама попытка ограничить сюжет произведения описанием природы является для данной литературы определенным новшеством.

Заслуживает внимания техническое оформление стихотворения, которое не ограничивается обычной начальной вертикальной аллитерацией, а включает строгую конечную рифму, усложненную завершающей все четверостишия глубокой (двойной) рифмой -yuluγ || -gölüg ol и рефреном anı teg oγunlarta. Используется также прием чередования длинных и коротких строк:

Señir buluη teriη tay-ta
 Sevigliğ aranyadan-ta
 Sermelip aqar suv-luy erip
 Sep sem aylaç-ta

¹² R. Rahmeti Arat. ETŞ, стр. 64.

Sekiz türlüg jiller üz-e tepremetin
Serilip anta
Sere jalñuz-ın nom meñi-sin tegingülüg ol
Anı teg оруnlarta

«Среди скалистых крутых гор,
В радостном уединении,
У струящихся вод,
В полном безлюдии,
Не тревожимый восьмью ветрами,
В терпеливом одиночестве нужно коснуться благодати учения,
В таких местах».

Несомненный интерес с точки зрения изучения ранней поэзии тюркских народов представляет уйгурская версия путешествия Сюань-цзана, изложенная по-тюркски (по-уйгурски) тудуном Сынгу Сели (Sıñqu Seli tutuñ) из города Бешбалыка. Это произведение, по свидетельству самого переводчика¹³, написано в жанре эпоса (kavi nom bitig)¹⁴. В него не только широко вводится ритмизированная проза, но в нем встречаются и чисто стихотворные отрывки, в построении которых четко прослеживается синтаксический параллелизм. Ср., например:

Taqı artuqraq biligleri ötmis(?) ol
Teriñ jincke savlarda
Bilge biligleri berikmis ol
Teñridem köñülke berikmekte
Kök teñri jañın qılmislar ol
Kim jiti grahlar kizlejü umaz bedizin
Öd qolular itigin jaratmislar ol
Alti irkek ojlar baturu umaz ülgüsün¹⁵

«Их знания стали еще более изощренными
И [отразились] в словах глубоких [по смыслу] и изящных.
Их мудрость усилилась
Через постижение божественной мысли.
Они так поступили с небом,
Что семь планет не могут скрыть своего изображения.
Они создали такой счет времени,
Что шесть мужских звуков (букв. трубок¹⁶)
Не могут утаить (букв. утопить) своего измерения».

По публикациям В. Банга и Р. Р. Арата¹⁷ известен еще один цикл стихотворных произведений из Восточного Туркестана, также написанных уйгурским письмом, но в иной, мусульманской среде. Они имеют не столько религиозное, сколько светское, по большей части дидактическое содержание, и имеют размер тюркского семисложного народного стиха, что в значительной мере сближает их с произведениями народной словесности. Но некоторые стилистические особенности и лексический состав в

¹³ См.: A. von Gabain. Briefe der uigurischen Hüen—tsangs Biographie. SPAW, 1938, XXIX, стр. 20.

¹⁴ Там же.

¹⁵ A. von Gabain. Die uigurische Übersetzung der Biographie Hüen—tsangs. SPAW, 1935, VII, стр. 125—134.

¹⁶ Ср.: «Путем кропотливых математических вычислений, исходивших из законов акустики, ими был найден и зафиксирован 12-ступенный хроматический звукоряд в пределах октавы... Звукоряд этот фиксируется при помощи 12 трубок, настроенных по полутонам». См.: Г. Шнеерсон. Музыкальная культура Китая. М., 1952, стр. 18.

¹⁷ W. Bang, R. Rahmeti Arat. Lieder aus Alt—Turfan. Asia—Major, IX, fasc. 2, 1933, стр. 129—140; R. Rahmeti Arat. ETŞ, стр. 245—267.

них [как, например, употребление слов типа: *jaman* «дурной, плохой» (вм. *jablaq*), *ıyap* «всемогущий, бог» (вм. *teŋri*), *bir kün* «однажды» (вм. *bir ödün*)], большое число слов, заимствованных из арабского и персидского языков (*devlet*, *qadir*, *aziz*, *qurban*, *seza*, *zap*, *baḫıllıq* и т. п.) говорят о том, что по языку они более близки к сочинению Юсуфа Баласагунского «Кутадгу билиг» и поэме Ахмеда Югнеки «*Atabetu l-haqajiq*» («Порог истин»), чем к сочинениям собственно древнеуйгурским.

Подводя итог сказанному, можно сделать следующие выводы:

1. Древние уйгурские стихотворные произведения, известные по письменным памятникам VIII—XIII вв. из Восточного Туркестана, созданы в манихейской, буддийской и мусульманской среде, разнообразны по форме и содержанию и отражают различную идеологию и религиозные представления.

2. Произведения эти свидетельствуют о весьма развитой технике стихосложения с устоявшимися нормами построения и озвучения стиха. Наиболее показательными для стихосложения этого периода являются начальная вертикальная аллитерация (реже рифма), конечная аффиксальная рифма, относительная равнотактность и синтаксический параллелизм.

3. При всей абстрактно-религиозной условности и трафаретности содержания этих произведений они благодаря влиянию системы образов и художественных приемов тюркского народного стиха стали явлением достаточно самобытным, отразив определенный этап в развитии тюркской поэзии.

4. В процессе создания как стихотворных, так и прозаических произведений оттачивался и шлифовался язык, формировалась терминология, что не могло не отразиться на развитии литературного языка.

Х. КОРОГЛЫ

АЛП ЭР ТОНГА И АФРАСИЯБ ПО ЮСУФУ БАЛАСАГУНИ, МАХМУДУ КАШГАРИ И ДРУГИМ АВТОРАМ

(К ВОПРОСУ О ВЗАИМОСВЯЗЯХ ИРАНСКОГО И ТЮРКСКОГО ФОЛЬКЛОРА)

Влияние ираноязычной литературы на создание поэмы «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагуни освещалось во многих исследованиях¹. В настоящей статье автор ставит перед собой иную задачу—показать, как эволюционировал образ древнеиранского эпического героя Афрасияба, названного в «Кутадгу билиг» Алп Эр Тонга, на почве древнетюркской литературы.

В дошедших до нас фрагментах памятника древнеиранской культуры «Авесты» Франграсийан Турский (Афрасияб), как и Арджадаспа (в «Шахнаме» — Арджасп), представлен предводителем туранских кочевых племен², находящимся в стане врагов Ирана. Во всех дошедших до нас персоязычных источниках, так же, как в иранских мифах и легендах, наряду с иранцами упоминаются и туранцы.

Слово Туран, как известно, восходит к легенде о трех сыновьях Феридуна — Сальме, Туре и Ирадже. В. В. Бартольд пишет о туранцах: «...это название встречается в Авесте, и предполагают, что эта другая ветвь арийского народа, менее культурная. Между этими двумя народами, ариями и турами, была вражда и затем, когда Туркестан попал к VI в. под владычество турок, то эти два слова сблизились, и название Туран стало относиться к туркам, к которым оно не относилось первоначально»³.

Отождествление туранцев с тюрками, населявшими Туркестан и Тюркский каганат, началось очень давно, по-видимому сразу же после появления тюрков на территории Восточного Туркестана и в Средней Азии. Уже в X в. все исследователи считали Туран местом обитания тюрков-кочевников. Этому, несомненно, способствовала и география древнеиранских легенд о Туре, сыне Феридуна. Анонимный автор *مجلد التواريخ والقصص* упоминает о том, что легендарный Тур был послан отцом в Туркестан⁴. Тот же автор донес до наших дней легенду, которая поз-

¹ См.: А. Н. Самойлович. Иранский героический эпос в литературах тюркских народов Средней Азии. — Сб. «Фердовси». Л., 1934, стр. 161 и сл.; Е. Э. Бертельс. К вопросу о традиции в героическом эпосе тюркских народов. — «Советское востоковедение», т. IV, 1947, стр. 73 и сл.

² И. С. Брагинский. Из истории таджикской народной поэзии. М., 1956, стр. 125.

³ В. В. Бартольд. Сочинения, т. II, ч. I, стр. 661.

⁴ Обращает на себя внимание имя Алп-Туран в «Первом памятнике о Барлыке». См.: С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952, стр. 20—21. А в графе «Уточнение названий мест в Туве», где были найдены енисейские памятники, дважды приведено название селения Уюк-Туран (по-тувински Оок-Туран). См.: И. А. Батманов, З. Б. Арагачи, Г. Ф. Бабушкин. Современная и древняя енисейка. Фрунзе, 1962, стр. 22.

воляет четко определить границы Турана. Он сообщает: «Афрасияб совершал неоднократные набеги. Манучехр посылал ему навстречу Зала с тем, чтобы отогнать его на ту сторону Джейхуна. Однажды Афрасияб пошел на Манучехра с большим войском, несколько лет осаждал его в Табаристане. Сам и Зал отсутствовали. Наконец, заключили мир. Арш выстрелил в крепости Амул из лука. Его стрела упала в Акаба-Маздаваран (между Серахсом и Мервом). В этом месте установили границу Ирана и Турана»⁵.

Турану и его взаимоотношениям с Ираном посвящено более половины поэмы «Шахнаме» Фирдоуси. Особенно примечательна в ней историческая хроника VI—VII вв., относящаяся к периоду возникновения империи тюрков, получившей название каганата. География Турана, отраженная в «Шахнаме», соответствовала действительности. Согласно сведениям, содержащимся в поэме, естественные границы между Ираном и Тураном проходили по реке Аму-Дарья (Джейхун), а территория Турана простиралась до Китая (Чин), включая степную часть между Волгой (Итиль) и Аму-Дарьей. В «Шахнаме» приводятся подлинные сведения из истории каганата, в частности о войне тюрков против Ирана, во главе войск которого стоял Бахрам Чубине.

Такая же тюркизация произошла и с древнеиранским мифом об Афрасиябе — авестийском правителе Турана. Вопреки иранскому происхождению этого образа ранние источники связывают его генеалогию с Тюрком, сыном библейского Яфета. У ат-Табари, например, сказано: *فراسياب بن يشك بن ايت بن ريشم بن ترك* («Фрасияб сын Фашанджа, сына Рустама, сына Тюрка»); у аль-Бируни — *فراسياب بن يشك بن ايت بن ريشم بن ترك* («Фрасияб, сын Башанга, сына Ината, сына Ришмана, сына Тюрка»); у Ибн-Халдуна — *افراسياب بن اشك بن رستم بن ترك* («Афрасияб, сын Ашка, сына Рустама, сына Тюрка»)⁶.

Вероятно, под влиянием тюркоязычных эпических традиций Средней Азии уже в X в. в образе Афрасияба видели не владыку мифического Турана, а предводителя тюркских племен: *يامد بر شاه ترکان بگفت* («Пришел к царю тюрков и сказал»)⁷, — писал Фирдоуси, у которого Афрасияб полностью обрел черты все тюркского владыки. В «Шахнаме» все окружение Афрасияба, все его военачальники — тюрки, и большинство из них носит тюркские имена. Карахан — сын легендарного Огуза, у Фирдоуси предстает как четвертый сын Афрасияба, которому отец передает командование тюркскими войсками:

قراخان سالار چاوم پسر	کمربست و آمد به پیش پدر
بدوداد ترک چکل سی هزار	سواران و شایسته کارزار
طرازی و غزی و خلج سوار	همان سی هزار آز موده سوار

«Воевода Карахан, четвертый сын,
Надев на себя доспехи, явился к отцу.
Ему передал (отец) тюрков — чигилей тридцать тысяч
Воинов, достойных поля брани,
(А также) таразских, огузских и халлаховских конниц,
Тридцать тысяч испытанных всадников»⁸.

Примечательно, что у Фирдоуси фигурируют еще тридцать тысяч отважных туркмен во главе с отцом Афрасияба — Пашангом:

⁵ *مجلد التواریخ والقدس تألیف سال ۴۲۰ هجری بتصحیح ملك الشمران: بهار تهران ۱۳۱۸ س ۴۳*

⁶ Там же, стр. 28. В подтекстовых комментариях Табари и др.

⁷ *شاهنامه فردوسی جلد ۵ مسکود ۱۹۶۷ س ۲۳*

⁸ Там же, стр. 254.

پشنگ دلاور نكهدارشان
بوختند باگزور و تيروكمان

جهانديده نستوه سالارشان
همان سي هزار ازيان تركمان

«Воевода их — опытный старец Настух,
Под охраной смелого Пашанга
Тридцать тысяч отважных туркмен
Отправились (в бой), с булавой, луком и стрелами»⁹.

Фирдоуси предельно осовременил эпические события давних времен, включив в число воинов легендарного Афрасияба представителей тюркских народов — чигилей, халлахов и прежде всего—огузов-туркмен. Автор «Шахнаме» был современником всех этих народов и, по видимому, хорошо знал их героический эпос, элементы которого легко обнаружить в его творчестве.

В числе тюркских преданий и легенд, оказавших влияние на трансформацию образа Афрасияба, очевидно, были и огузнаме. Помимо огузского Карахана в «Шахнаме» встречаются и другие огузские эпические герои, например Демур и Крухан¹⁰. Последний в ряде огузнаме выступает как Крухан, сын Абулджахана (по иной версии—Яфета).

Наиболее часто в огузском эпосе встречается образ Демура. В «Шахнаме» он характеризуется как самый выдающийся полководец Турана:

«И новый противник, Демур-великан,
Которому равных не видел Туран»¹¹.

Появление туркмен-огузов в «Шахнаме», несомненно, объясняется той ролью, которую они играли в событиях X—XI вв. в Хорасане, на родине поэта. Сто лет спустя огузы занимали уже доминирующее положение во всех сферах политической и общественной жизни Средней Азии и Хорасана. Очевидно, с этим связана дальнейшая трансформация образа Афрасияба, который со временем приобретает все больше черт огузского эпического героя. Уже упомянутый анонимный автор

مورو كوك بوري غز, описывая свиту Афрасияба, отмечает: «Демур и Гёк Бури Гуз, который был зятем Афрасияба»¹². Это утверждение совершенно очевидно наваяно каким-то известным в тот период огузским эпосом. Демур — популярное тюркское имя—встречается и в уйгурской рукописи «Огузнаме»: «В войске пребывал один прекрасный муж, имя которого было Темюрды Кагул»¹³. Это его Огуз-каган нарек именем Калач. В «Книге моего деда Коркуда» Демюр Гючи является младшим братом пастуха Казана (II).

Второй образ — Гёк Бури (Голубой или Серый волк) еще более традиционен. Как известно, он был тотемом у тюркских народов, в том числе огузов, и упоминается почти во всех их легендах и преданиях. Примечательно, что легенда связывает этот тотем с именем Огуза (Гуза), чего еще не делали ранние арабо-персидские авторы. Более того, анонимный автор на основании, очевидно, какой-то неизвестной нам легенды называет Гёк Бури зятем Афрасияба, что совершенно ново для эпических традиций тюрков-огузов.

⁹ Там же. شاهنامه فردوسی جلد ۵ стр. 254.

¹⁰ Там же, т. II, стр. 24.

¹¹ Фирдоуси. Шахнаме, т. 2. М., 1960, стр. 219.

¹² مجمل التواريخ و القصص تهران ۱۳۳۵ ص ۴۱

¹³ А. М. Щербак. Огуз-наме, Мухаббат-наме. Памятник древнеуйгурской и старо-узбекской письменности. М., 1959, стр. 49—50.

Нет сомнения, что в X—XI вв. на территории Средней Азии и Хорасана бытовали легенды, в которых имя Афрасияба связывалось с тюркской героической традицией. Махмуд Кашгари и его современник Юсуф Баласагуни, независимо один от другого, включили в свои произведения древнетюркского эпического героя Алп Эр Тонга, отождествив его с Афрасиябом. Юсуф Баласагуни писал: «Среди тюркских беков Алп Эр Тонга обладал большими знаниями и умением. Он все знал, все понимал. Как много отличных и во всем разбирающихся героев поглотил этот мир. Таджики его, Алп Эр Тонга, называют Афрасиябом»¹⁴.

Возможно, что оба автора стремились найти в древнетюркских сказаниях прообраз героя иранского эпоса Афрасияба. Более других, очевидно, ему соответствовал тюркский эпический герой Алп Эр Тонга. Правда, ни один из упомянутых авторов не называет прямо «Шахнаме», но Юсуф Баласагуни в одном случае пишет: «Таджики о нем написали в книге, если бы не было в книге, кто же мог прочесть о нем» (т. е. узнать об этом)¹⁵. Могло быть и так, что среди восточных иранцев, таджиков в IX—X вв. бытовало сказание о древнетюркском эпическом герое Алп Эр Тонга, образ которого впоследствии слился с образом Афрасияба, владыки Турана.

О широкой популярности эпического героя Алп Эр Тонга среди древних тюрков убедительно говорят фольклорные материалы, собранные Махмудом Кашгари в той же местности, где была написана «Кутадгу билиг». Среди этих материалов имеется, например, народный плач, в котором содержатся следующие строки:

«Умер ли Алп Эр Тонга,
Оставив (после себя) доброе имя?
Отомстил ли рок (за него)?
Теперь разрывается сердце»¹⁶.

Разумеется, так может оплакиваться смерть только всенародно известного героя. С именем Алп Эр Тонга—Афрасияба—Махмуд Кашгари связывает также ряд топонимов. Он пишет: «Каз (قاز) имя дочери Афрасияба. От этого корня производится название города Казвин (قازوينی) и Кум (от тюркского слова «песок»), где охотилась дочь Афрасияба. Отец Каз—Тонга—основал Мерв. Этот город сначала строил Тахмура, который воздвигнул три крепости, через триста лет его достроил Афрасияб».

Далее он приводит широко известную легенду об убийстве Сиявуша: «Многие считают владениями тюрков (بلاد الترك) берега Мавераннахра, что начинаются от Енги-Кенда, который недалеко от Бухары. Муж дочери Афрасияба, Сиявуш, был убит здесь. Зороастрийцы один день в году собираются здесь, приносят жертву и оплакивают смерть Сиявуша, его могилу окрашивают кровью жертв»¹⁷. «Юнгу» (Енку) — название великой пустыни, прилегающей к городу Барман (بومن), построенному сыном Афрасияба на реке, и имя основателя—Барман, которому и относят этот город»¹⁸. «Каз суви» (قازسوی) — название великой пустыни, прилегающей к

¹⁴ *Jusuf Has Hacib. Kutadgu Bilig. Ankara, 1959, стр. 31.*

¹⁵ Там же.

¹⁶ محمد الكا شغری دیوان لغت الترك مولفی: محمود بن حسن بن محمد الكا شغری تاریخ تالیفی ۴۶۶ هـ
هجریه (مصحح کالیسلی معلم رفعت) آستانبول ۱۲۳۵-۱۲۳۳

¹⁷ Там же, стр. 110—111.

¹⁸ Там же, т. III, стр. 272—273.

пустыне Иля (𐰽𐰺). И это название восходит к крепости, которую построила на реке дочь Афрасияба»¹⁹.

И, наконец, на основании той же легенды Махмуд Кашгари утверждает, что его родной город был построен сыном Афрасияба: «Барсган (برسان) — имя сына Афрасияба, и это тот, который построил Барсган, а это город отца Махмуда»²⁰.

Известно, что Махмуд Кашгари был тюрком и материал для своего словаря собирал среди различных тюркских племен. Сам он по этому поводу пишет: «Я — самый красноречивый тюрк, лучше всех объясняюсь, лучше всех понимаю, по происхождению наиболее передовой, наиболее воинственный. Вместе с тем я обошел все племена, аулы и степи тюрков. Подробно изучил и освоил наречия тюрков, туркмен, огузов, чигилей, ягма и киргизов. В этом я так преуспел, что в совершенстве овладел наречиями каждого племени. После долгого изучения составил свой словарь в наилучшем виде... и назвал его «Диван лугат ат-турк»²¹.

Махмуд Кашгари, как и Юсуф Баласагуни, был уверен в тюркском происхождении Афрасияба. Точно так же он считал, что Средняя Азия издревле была родиной тюрков. Он утверждает: «И доводом в пользу того, что вся территория Мавераннахра к востоку от Янги-Кенда является землей тюрков, могут быть названия городов «Семизкенд», т. е. «Самарканд», «Ташкенд», т. е. «Шаш», «Узкенд», «Тункенд». Названия всех этих городов — тюркские. Слово «кенд» по-тюркски означает «страна»²².

Однако не все среднеазиатские авторы сходились во мнении о тюркском происхождении Афрасияба. Очевидно, память о его иранском происхождении продолжала еще существовать. Так, автор «Табакат Насери» в 1259 г. писал: «Существуют два предания о его (Афрасияба. — Х. К.) родословной. Одно гласит: Афрасияб, сын Башанга, сына Давушема, сына Тура, сына Феридуна. По другой версии — Афрасияб, сын Башанджа, сына Рустама, сына Тюрка. И этот человек тот, к кому восходит родословная всех тюрков, и он был одним из детей Яфета, сына Нуха. Заключил договор с Манучехром и вернулся обратно; но, нарушив договор, переправился через Джейхун, занял Ирак и Хорасан и все разрушил. В тот день, когда завоевал иранские земли, он сказал своему войску: «Надо убить всех иранцев, чтобы на этой земле выросло другое население, придерживающееся наших обычаев»²³.

Приведенный отрывок также свидетельствует об эволюции образа Афрасияба. В первом случае его происхождение ведется от древнеиранского (авестийского) Феридуна, но об этом говорится довольно глухо, что, по-видимому, следует объяснить непопулярностью данной версии в XIII в. Второе же толкование возникло после того, как Афрасияб окончательно принял в сказаниях облик тюрка и получил тюркскую родословную. В этом отрывке обращает на себя внимание то, что Афрасияб, как и знаменитый родоначальник огузов — Огузхан, ведет происхождение от Яфета, сына Ноя. Согласно той же легенде, иранцы происходят от другого сына Ноя — Хама.

¹⁹ محمود الكاشغري، ديوان لغت الترك مولفای: محمود بن حسن بن محمد الكاشغری تاریخ تألیفی ۴۹۹ سنه

ت. I, стр. 111. ۱۲۳۳-۱۲۳۵ هجریه (مصصح کلبیلی معلم رفعت) استامبول

²⁰ Там же, т. III, стр. 308.

²¹ Там же, введение.

²² Там же, стр. 110—111.

²³ طبقات ناصری، تألیف منهاج الدین عثمان بن سراج الدین، معروف به قاضی منهاج سراج جوزجانی در سنه ۹۵۸ کابل ۱۳۴۲ جلد اول

Описание походов Афрасияба также впитало в себя многое из тюркского эпоса о походах Огузхана. Безусловно, прав был В. В. Радлов²⁴, считавший прообразом Алп Эр Тонга хуннского царя Модэ, который, в свою очередь, отождествлялся многими исследователями с Огузом. Легенда о героических деяниях Модэ-Огуза нашла широкий отклик в ряде фольклорных памятников древних тюрков, в том числе и древнейших огузнаме, которые к XI в., то есть к моменту написания иранской эпопеи «Шахнаме», уже приняли стройную композицию эпоса и, безусловно, оказали соответствующее влияние на эволюцию образа Афрасияба.

Так, например, миф о попытке Афрасияба избежать смерти во многом напоминает легенду о бегстве от смерти огузского старца Коркутата, распространенную в Средней Азии. Афрасияб, желая избежать смерти, укрылся в крепости, тщательно замуровав все щели и входы в нее, чтобы не дать проникнуть туда ангелу смерти Эстухату. Строители этого легендарного убежища назвали его «Крепостью Афрасияба». Стены крепости, сделанные из стали, достигали 1000 футов высоты. Но поскольку в крепости было темно, Афрасияб приказал подвесить к стальным потолкам искусственные солнце, луну и звезды, изготовленные из хрусталя, золота, серебра и жемчуга. Благодаря этому крепость осветилась. Веря, что богиня красоты и могущества Ардвисурнахид может даровать ему вечную жизнь, он приказал заколоть в ее честь 100 лучших лошадей, 1000 откормленных коров и 10000 баранов. После этого Афрасияб стал проводить все свое время возлежа на царственном ложе в кругу музыкантов, услаждавших своей игрой его слух. Теперь он был уверен, что ангел смерти не сможет проникнуть в его покои. Так Афрасияб прожил несколько лет, ни на минуту не забывая о смерти. Однажды, прогуливаясь в своем искусственно освещенном саду, он заметил мелькнувшую между деревьями фигуру темнокожего человека со злым лицом. Угадав в нем ангела смерти, Афрасияб попытался было спастись от него, но тщетно—он тут же свалился замертво²⁵.

Детали этой легенды (например, бегство от смерти) напоминают традиции шаманизма, широко распространенного в древнетюркских сказаниях — огузнаме («Книга моего деда Коркута» и др.). Афрасияб приносит в жертву богине тех же животных и в таком же количестве, в каком это делали на своих пирах, по преданию, огузские и другие древнетюркские богатыри.

Связи иранского и тюркского эпосов легко проследить и в эпизоде пленения ханом тюрков Афрасиябом иранского витязя Бижана. Этот эпизод во многом напоминает сказание о Бамсы Байраке из «Книги моего деда Коркута» (III). Бижан во время охоты видит шатры дочери

²⁴ В. В. Радлов. К вопросу об уйгурах. СПб., 1893, стр. 62. Автор предполагает, что в «Тарих-е джахангоша» на персидском языке Мете (гуннский Модэ, т. е. Огузхан) отождествляется с Афрасиябом.

²⁵ ۱۲۷-۱۲۶ م ۱۲۴۵ دنیا دوره دوم سال هفتم شماره چهارم سال В «Шахнаме» Фирдоуси называется пещера هنك افراسياب, где Афрасияб укрылся от своих сильных противников (мотив бегства от смерти). Его находит отшельник, связывает ему руки и ноги, бросает в море, откуда его извлекает иранский витязь и убивает. Мотив бегства от смерти имеется и в легенде об Афрасиябе в «Тарих-е Систан», где рассказывается о преследовании туранского царя Афрасияба Рустамом и Кей-Хосровом. Спасаясь от них, Афрасияб построил крепость, посредством чар окутав его мраком. Однако при помощи огня, зажженного на могиле Гаршаспа, этот мрак был рассеян, и Кей-Хосров разрушил крепость. Афрасияб же снова бежал. (И. С. Брагинский. Из истории таджикской народной поэзии. М., 1956, стр. 256).

Афрасияба. Точно так же на охоте, преследуя лань, Бамсы встречает красавицу Баны Чичек. И в том и другом случае юноша и девушка подерживают связь друг с другом через нянек. И в иранской версии, и в «Книге моего деда Коркута» героя уводят в плен прямо с пира. Заточенные врагами в темницу, герои в обоих случаях пользуются сочувствием дочерей своих врагов. И в той и в другой версии содержится мотив измены друга. Совпадают даже отдельные детали. Например, связь с героем, заточенным в темницу, в обоих сказаниях осуществляется через купцов:

یکی مایه‌ور مرد بازارگان
کشیده زهرگونه بسبارغم

منیزه بدرگفت کز کاروان
از ایران بتوران زیوددم

«Маниже сказала ему, что из каравана
Один богатый муж — купец
Отправился в Туран из Ирана,
Претерпев из-за денег много мук»²⁶.

Еще более убедительным свидетельством существования взаимосвязи и взаимовлияния иранского и тюркского эпосов могут служить сказания о Зоххаке из «Шахнаме» и о Депегёзе из «Книги моего деда Коркута». В первом из них Зоххаку ежедневно отправляли двух иранских юношей, мозгами которых он кормил змеев, выросших на его плечах, а во втором — чтобы умиротворить Депегёза, огузы ежедневно поставляли для кухни людоеда двух огузских юношей. Общим для этих эпизодов является и то, что в обоих случаях к людоедам посылают и поваров. Расхождения же незначительны: в «Шахнаме» два мужа, «праведных, честных, с высоким умом», по имени Армаил и Кармаил решили добровольно наняться поварами к злодею, чтобы как-то облегчить участь народа²⁷, а в сказании о Депегёзе людоед требует, чтобы огузы прислали ему, кроме юношей, еще двух поваров. Совпадают и финалы обоих сказаний: в «Шахнаме» кузнец Каве отдает 17 из 18 своих сыновей. И когда настает очередь последнего сына, Каве умоляет тирана пощадить его. В огузском же сказании мать, пытаясь спасти от людоеда последнего сына, просит защиты у огузского богатыря Басата, который так же, как и кузнец Каве, восстает против злодея.

И еще один пример: уязвимым местом у Депегёза был его единственный глаз, выколол который раскаленным железным прутот, Басат одерживает над ним победу. Тот же мотив имеется и в «Шахнаме»: Бронзотелый (*دوینن*) Исфандияр, считавшийся неуязвимым, вступает в единоборство с богатырем Рустамом. Птица Симург подсказывает Рустаму, что уязвимым местом Исфандияра является его глаз, и советует воспользоваться закаленной в огне стрелой из тамариска (аналогия с циклопом Депегёзом). Пустив стрелу в глаз Исфандияра, Рустам одолевает его.

Легенда о Депегёзе, вошедшая в «Книгу моего деда Коркута», восходит к далекому прошлому тюркоязычных народов, когда они еще обитали на Алтае. Она засвидетельствована во многих вариантах и версиях у киргизов, казахов, туркмен и других тюркоязычных народов Центральной и Средней Азии, и впоследствии, распространившись среди иранского населения, наложилась на их эпос.

²⁶ شاهنامه فردوسی جلد پنجم ص ۶۶-۶۷

²⁷ Там же, т. I, стр. 51 и сл.

Конечно, существование всех этих параллелей в иранских и тюркских эпических памятниках трудно объяснить лишь прямыми заимствованиями; здесь, по-видимому, много и типологического. Для конкретного решения этой проблемы у нас пока нет достаточных данных, да и существующие памятники до конца еще не изучены. Полностью достоверным можно считать лишь то, что в «Шахнаме», в той части, где говорится об Афрасиябе и других героях-тюрках (как именует их сам Фирдоуси), многое заимствовано из древнетюркских сказаний, отголоски которых в ряде случаев можно обнаружить в таких памятниках, как «Дивани лугат ат-турк» Махмуда Кашгари, «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагуни, «Книга моего деда Коркута», «Джами ат-таварих» Рашид-ад-дина, «Муджмил ат-таварих в-аль-кысас» анонимного автора, ряд огузнаме и многих других.

А. РУСТАМОВА

О НЕКОТОРЫХ ПАРАЛЛЕЛЯХ В «КУТАДГУ БИЛИГ» ЮСУФА БАЛАСАГУНИ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ПОЭЗИИ

Основное содержание поэмы Юсуфа Баласагуни «Кутадгу билиг» составляют мысли и суждения ее автора о прекрасном, о человеческом счастье, о справедливом правителе, об идеальном устройстве общества.

Человек, по мысли поэта, создан для радости и счастья. А подлинное счастье, утверждает автор, заключается в моральной чистоте и духовном совершенстве каждого человека. Чтобы человек был счастливым, он должен, считает поэт, обладать высокими моральными достоинствами. Об этих достоинствах и повествуется в поэме «Кутадгу билиг».

В своем произведении Юсуф Баласагуни описывает страну, в которой царят Справедливость, Разум и Бережливость, благодаря чему она благоденствует и процветает. Он говорит о взаимоотношениях индивидуума и общества, о месте, занимаемом отдельным человеком в обществе, указывает правителям своего времени на то, что требуется для счастья страны и народа. Поэт подчеркивает, что истинная красота и ценность человеческой личности, особенно государственного мужа, заключается в той пользе, которую он приносит обществу. Следовательно, главной заботой правителя должно быть стремление заслужить всенародное уважение и любовь. А этого он может добиться путем улучшения жизни народа, посвятив себя служению благу своей страны.

Но «Кутадгу билиг» — не только книга наставлений. Это прежде всего — художественное произведение, замечательный литературный памятник, оказавший несомненное влияние на литературу ряда народов средневекового Востока. Не случайно в поэзии многих тюркоязычных народов, в том числе и азербайджанской, имеется немало мотивов, созвучных сюжету и содержанию «Кутадгу билиг».

Истоки художественной мысли азербайджанского народа, как и всякого другого, следует искать прежде всего в его устной литературе — легендах, сказках, трудовых и обрядовых песнях и т. д. Вместе с тем в формировании художественных и общественных воззрений классиков азербайджанской литературы немаловажную роль играли устные и письменные художественные традиции других народов Востока, находившихся с азербайджанским народом в тесных культурных, исторических и политических отношениях, особенно персо-таджикской литературы, а также фольклора и письменной литературы ряда тюрко-

язычных народов. Низами Гянджеви, например, создавая свою «Пятерицу», широко использовал как фольклорные источники, так и творческое наследие своих великих предшественников, и прежде всего Фирдоуси. По-видимому, он не обошел вниманием и «Кутадгу билиг». В нашем распоряжении нет, правда, достоверных сведений о том, был ли Низами знаком с поэмой Юсуфа Баласагуни. Однако отчетливое идейное созвучие его творений с «Кутадгу билиг» позволяет предположить, что эта поэма была ему известна.

Лейтмотивом творчества Низами, как и Юсуфа Баласагуни, — было воспевание счастливого общественного устройства, справедливо-го правителя. Великий азербайджанский поэт создал целую галерею образов справедливых правителей — это Хормуз, Мехинбану, Ширин, Нушабе, в какой-то мере Хосров и Бахрам. Как и автор «Кутадгу билиг», Низами проводит мысль о том, что в счастливом обществе взаимоотношения правителя и его подданных основываются на принципах взаимной любви и уважения, законности и справедливости.

Но если у Юсуфа Баласагуни идея эта еще не находит полноценного художественного воплощения, то Низами блестяще справился с этой задачей в своей бессмертной «Пятерице». Идеального государя у Низами заменил справедливый правитель, нашедший воплощение в идеализированном образе Искандера — Александра Македонского, мыслителя, ученого, великого гуманиста и отважного человека.

Но социальные, политические и художественные воззрения Низами постоянно эволюционируют и развиваются. Поэт ищет более совершенные формы организации счастливого человеческого общества. Существование такого общества, утверждает Низами, возможно только там, где нет повелителей и подданных, господ и слуг, богатых и бедных, где люди равноправны и свободны, где каждый стремится к общему благу. Такое общество не нуждается, по мысли поэта, даже в идеальном правителе.

С основными положениями поэмы Юсуфа из Баласагуна перекликаются многие произведения средневековой азербайджанской поэзии, в том числе Ассара, Хатаи, Физули, Месихи и др.

Следует сказать, что памятники средневековой азербайджанской поэзии созвучны с «Кутадгу билиг» не только по своей идейной направленности. Нетрудно убедиться, например, и в их тематической близости. Такую близость с «Кутадгу билиг» легко можно видеть в философско-дидактическом трактате азербайджанского поэта и мыслителя XIII—XIV вв. Авхади Марагаи «Джами Джам», написанном на фарсидском языке. Если «Кутадгу билиг», по справедливому замечанию турецкого исследователя Р. Р. Арата, представляет собой энциклопедию уйгурской жизни XI в.¹, то «Джами Джам» можно считать в некотором роде энциклопедией азербайджанской действительности XIII—XIV вв.

«Кутадгу билиг» и «Джами Джам» имеют текстуальные сходства, много общего и в их композиционной структуре. Оба поэта широко используют пословицы, поговорки, идиоматические выражения.

Все это наводит на мысль о том, что Авхади, вероятно, был знаком с творчеством Юсуфа Баласагуни. Намеки на это имеются и в самом трактате. В начале его, в той части, где прославляется Султан Мухаммед Абу Саид, один из современных поэту феодальных правителей, говорится:

¹ R. R. Arat. Kutadgy bilig. I metin. Istanbul, 1947.

Вполне вероятно, что под словами (ایری نامه) подразумевается поэма Юсуфа Баласагуни *ایری رخ عطاردی خامه پادسی خط و ایری نامه*.

Однако больше всего «Джами Джам» сближает с «Кутадгу билиг» художественный замысел и общая направленность. Авхади Ма-рагани, как и Юсуфа Баласагуни, интересуется главным образом проблема счастливого общества, справедливого правителя. И тот и другой основным условием благоденствия общества считают духовное совершенствование человека, и в первую очередь правителя. Основным средством достижения обществом благоденствия оба автора считают приобщение к науке. Только между умудренными знаниями, всесторонне развитыми и культурными людьми могут сложиться соответствующие, необходимые для процветания общества взаимоотношения. Это прежде всего относится к государю и его окружению.

Оба поэта говорят о необходимости приобретения глубоких знаний в области геометрии, арифметики, медицины. Каждый должен уметь охотиться, владеть оружием, играть в шахматы и т. д. («Кутадгу билиг»). Очень важно уметь строить дороги и города, дома и каналы, владеть искусством определения степени полезности и ценности того или иного специалиста, разбираться в таких науках, как естествознание, философия и т. д. («Джами Джам»).

Природа — источник всех благ. А потому человек должен познать ее законы. Только наука может дать ключ к священным тайнам природы. Человек без знаний — невежда. Где ум — там и величие («Кутадгу билиг», стр. 32). Знания — «крылья птицы души», неграмотность — «глаза незрячего» («Джами Джам», стр. 33). Знание — богатство. Народ чтит своих мудрецов и ученых («Кутадгу билиг», стр. 38). Ум — свеча, наука — зрение. Наука — факел на пути к счастью («Джами Джам», стр. 197).

Однако автор «Джами Джам», как и Юсуф Баласагуни, подчеркивает, что лишь одних знаний недостаточно для создания счастливого общества. Он, как и Юсуф Баласагуни, считает, что для этого необходимо также, чтобы каждый член общества, каждый индивидуум обладал высокими моральными достоинствами.

Человек, и прежде всего государственный деятель, должен быть благородным и мужественным, добрым, щедрым и честным. Алчный и жестокий правитель, если даже он обладает знаниями, тормозит развитие общества, приносит народу больше бед, чем счастья. Злоба и гнев никогда не приводят к добру. Чванливость так же безнравственна, как и подхалимство. Будь мужественным, на честный поступок отвечай тем же («Кутадгу билиг», стр. 186). Девизом человека должно быть мужество и благородство. Человечность и честь неотделимы друг от друга («Джами Джам», стр. 112).

Искренность — важнейшее достоинство человека. Правда, если даже она горька, гораздо ценнее красивой лжи. Будучи высшим созданием природы, человек должен избегать обмана, не хитрить, ибо ложь и притворство унижают его («Кутадгу билиг», стр. 150). Точно так же, как лекарство излечивает больного от недугов, истина избавляет человека от пороков. Если хочешь быть счастливым — будь честным. Правда облагораживает, возвышает человека («Джами Джам», стр. 113).

Большое внимание авторы обоих произведений уделяют проблемам семьи и брака, воспитания детей, человеческих взаимоотношений.

Высокие нравственные достоинства человеку прививаются хорошим воспитанием. Если ребенок растет невежественным, неумелым, капризным, то виновны в этом не он, а его родители («Кутадгу билиг», стр. 139, 421). Подобно садовнику, радующемуся прекрасным плодам выращенного им дерева, отец радуется, видя своего хорошо воспитанного ребенка. Духовно уродливый потомок подобен безвкусным плодам дикорастущих деревьев («Джами Джам», стр. 103, 118).

Много общего в обоих произведениях в отношении к проблемам гуманизма. Оба автора отмечают, что человек — существо высшее, и поэтому каждый должен с достоинством нести высокое звание человека, уважать себе подобных.

Недопустимо, чтобы создатель всех материальных и духовных благ — человек стал игрушкой в руках кучки алчных людей, имеющих наглость называть себя священным именем человека.

Авхади Марагаи, так же как и Юсуф Баласагуни, подчеркивает, что люди должны с уважением относиться друг к другу, независимо от их сословной принадлежности. Раб — такой же человек, как и ты. Если он того заслуживает, считай его столь же близким, как родного сына («Кутадгу билиг», стр. 310). Не применяй силу по отношению к тем, кто подвластен тебе. Бедняк, зарабатывающий кусок хлеба в поте лица своего, из той же плоти, что и ты. Зачем же попираешь его достоинство? («Джами Джам», стр. 103).

Как видно из приведенных выше примеров, «Кутадгу билиг» и «Джами Джам» близки друг к другу по духу и содержанию, по отношению авторов ко многим этическим и нравственным проблемам. Вместе с тем трактат Авхади Марагаи «Джами Джам» представляет собой оригинальное произведение, в котором нашли свое высокохудожественное отображение научные, социальные, этические и эстетические воззрения его автора.

Г. А. АБДУРАХМАНОВ

К ПЕРЕВОДУ «КУТАДГУ БИЛИГ» НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Публикация текста «Кутадгу билиг» и его перевод на русский язык — это актуальные проблемы современной тюркологии¹. Значение «Кутадгу билиг» для изучения истории тюркских языков трудно переоценить, ибо без привлечения материалов этого памятника исследование истории этих языков не может считаться полным и исчерпывающим.

Для публикации текста и перевода «Кутадгу билиг» в настоящее время имеются все возможности: опыт В. Вамбери, В. В. Радлова, С. Е. Малова, наличие словарей Махмуда Кашгари, Ибн-Муханны, Замахшари, самого достоверного ферганского списка «Кутадгу билиг», его факсимильного издания и транскрипции, осуществленных турецкими учеными.

Содержание и форма «Кутадгу билиг» столь значительны, что издание его текста и перевода не может не заинтересовать литераторов, историков, педагогов, представителей других наук, а также широкие круги читателей.

А. А. Валитова совершенно верно отмечает², что в основу сводного текста «Кутадгу билиг» необходимо положить ферганскую (или наманганскую) рукопись. Однако для реконструкции текста необходимо использовать также каирский и венский списки, отразив по ним в публикации все разночтения.

А. А. Валитова предполагала дать текст «Кутадгу билиг» в арабской графике. Нам кажется, что текст следует дать в международной латинской транскрипции или, того лучше, — в транскрипции, разработанной Н. А. Баскаковым. Конечно, здесь неизбежно возникнут определенные трудности. Но эти трудности можно преодолеть, сопроводив текст разночтениями в сносках или же путем передачи неясных мест оригинала арабской графикой. Как правильно указывает сама А. А. Валитова, можно было бы дать толкование ряда неясных мест в тексте поэмы, опираясь на работы В. В. Радлова, С. Е. Малова и турецкие издания.

Публикация «Кутадгу билиг» в транскрипции и переводе даст возможность ознакомиться с ним широкому кругу читателей и исследователей. Что касается оригинала поэмы, то можно опубликовать его факсимиле (хотя турецкими учеными изданы все три списка, все же имело бы смысл ферганскую рукопись опубликовать отдельно).

¹ А. А. Валитова в статье «К изданию критического текста и перевода «Кутадгу билиг» («Краткие сообщения» Института народов Азии. М., 1961, № XLIV, стр. 77—88) писала, что первый том «Кутадгу билиг» подготовлен и сдан в печать. Однако он до сих пор еще не вышел в свет.

² А. А. Валитова. Указ. статья.

В основу нашей транскрипции и перевода положен именно ферганский список «Кутадгу билиг» с привлечением каирского и венского списков. Использованы нами и сводный текст «Кутадгу билиг», составленный турецкими учеными, а также транскрипция и перевод В. В. Радлова и С. Е. Малова.

Остановимся на некоторых принципах и особенностях нашего перевода «Кутадгу билиг».

При недостаточной ясности смысла отдельных фраз и выражений нами в текст русского перевода вводятся отсутствующие в оригинале поясняющие слова, которые заключаются нами в квадратные скобки. Например:

Biligl'i tegär kör tiläkkä sora — Знающий, видишь ли достигает цели, спрашивая [того, чего не знает].

Aj bil'gä kisäldin biligsiz jurug — О мудрец, ты закован [в кандалы], невежда ходит [свободным].

Kisi bulmadum man — Я не нашел [настоящего] человека.

В основном тексте перевода дается не буквальное значение, а общий смысл слов и выражений (буквальный перевод дается в круглых скобках). Например:

Bo'uz tið — умеи сдержатъ себя (*букв.* сдерживай глотку);

Yaflat — беззаботный (*букв.* неведение);

Jigitlik jawa boldy — юность промотана (*букв.* jawa — плохой, скрытый);

dünja jegl'i — наслаждающиеся богатством (*букв.* едящие мир);

itindi — вкрадчив (*букв.* мягок);

közümгä körünür — мне кажется (*букв.* виднеется моему глазу).

Особую трудность представляет перевод отдельных слов. Например: öz переводится и как местоимения — я, сам, самый и как существительные — индивид, сущность и т. д.;

öñdi — линия поведения, характер, хороший тон; натура и т. д.;

ja — или, и, если;

bilgä — знающий, мудрый, мудрец;

törü — закон и справедливость.

В «Кутадгу билиг», как известно, очень часто встречается слово көг. Оно не всегда соответствует вводному слову «смотри». В тех случаях, когда это слово переводится как определение-приложение «богатырь», оно транскрибируется как күг.

Сходная ситуация возникает и при переводе слова бу; в одном случае оно переводится как указательное местоимение «это», в другом случае — как частица, в третьем — как непереводимое слово, просто опускается.

Деепричастия по контексту могут передаваться глаголом изъявительного наклонения:

Kajuя tajandyñ kögür köz kögä — На что (*букв.* куда) ты опирался, [когда твои] зоркие (*букв.* видящие) глаза [все] видели?

bi minca ter — столько [много] ты говоришь.

Таким образом, перевод «Кутадгу билиг» на русский язык не может быть дословным, но он не должен быть и вольным.

Особую трудность представляет перевод на русский язык отдельных терминов и особенно специфичных фразеологических выражений. Такие термины, думается, лучше оставлять без перевода, но с разъяснением в каждом конкретном случае в скобках их значения или же с пояснением их

в примечаниях. Крайне необходимо снабдить перевод и текст «Кутадгу билиг» специальным справочным материалом, тем более что у нас нет библиографических справочников или каких-либо иных справочных изданий по изучаемому периоду.

Ниже нами приводятся примеры переводов на русский язык отдельных выдержек из «Кутадгу билиг».

Ös1äk artakyn dost kadas safasyn ajur [Глава 72]

Turajy barajy azunuy kezäji

Vafalyy kim erki azunda tiläji —

Я хочу встать, идти и исколесить мир,
Я хочу найти в мире надежного человека.

Kisi kyzlyky boldy kajda tilägü.

Tiläp bolıy ersäm tiläji köräji —

Редки [настоящие] люди, где их искать,
Если возможно их найти, то я хочу их поискать.

Kamuy arzu buldum kisi bulmadym man

Kaly bulsam arzum jüziñä bakajy —

Я достиг всех [своих] желаний, [однако] я не нашел [настоящего] человека,
Если я найду [и это] свое желание, то хочу смотреть ему в лицо.

Kaly bulmasa man vafa birlä jalıuk

Keşik tayy birl'ä tirig'ik kylajy —

Если я не найду верного человека,
То хочу жить совместно с горным оленем.

Jegüm ot köki bolsu jaymur suwy tap

Eñiz kum tünäji tayar ton kiñäji —

Пусть пищей моей будут корни растений и дождевая вода,
В высоких песках я хочу проводить ночи и одеваться в мешковатый халат.

Taky bulmaz ersä azun barıca koñtum

Öküz teg akajy tüpi teg tuıajy —

Если бы [я] не должен был найти, я бы совсем покинул этот мир,
Я хочу течь, как река, восходить, как солнце.

Bayırsak kisi jok azunda tilädim

Bayırsyzka köñlüm negü teg ulajy —

В мире нет милосердных — я искал [их],
Как же моя душа может присоединиться к немилосердным.

Kimi özgä köz teg jakyn tuttum ersä

Jayy cykty jek teg jekig ne kylajy —

Кого я приблизил [к себе] как чужой глаз,
[Тот] оказался врагом, как демон — Что мне делать с демоном?

Kimi sewdum ersä sewüg zañca tuttum

Zafa keldi andyn kimi met sewäji —

Кого я любил, [того] считал любимой душой,
От того пришли страдания — кого же я должен любить?

Kisi köñli belgü tanuk erdi til söz

Köñül til ala boldy kimgä butäji —

Речь — показатель и свидетель человеческого сердца,
[Теперь] сердце и язык стали враждебны, кому же мне доверять?

Bu kün munda mynca kimi es kylajy

Ja kimgä butäji kimi dost tutajy —

Сегодня здесь столько [народу], кого из них я должен сделать своим другом,
И кому же мне доверять, кого я должен принять в друзья?

Apaη andka ersä eminl'ik bütünl'ük

Bu and tutyusy kim any er atajy —

Если клятве [кто] верен вполне,
Кто верен клятве, того я хочу назвать [настоящим] мужчиной.
Tüz etmäk haky tep kübäzigli barmu

Kümüs gavhär altun bilä man kalajy —

Есть ли [кто-нибудь], который охранял бы ради хлеба-соли,
[Того] я хочу украсить серебром, жемчужиной и золотом.

Kany kosny asny sewinc kađyuka es

Kamuyum beräji man ewdin sykajy —

Где сосед и друг, спутник в радостях и страдании,
Я хотел бы отдать все и оставить [ему свой] дом.

Adas koldasym tep ynanc böldäcy kim

Any beg kylyp man özüñ kul kylajy —

Кто может назваться спутником и товарищем и быть доверенным,
Того я сделал князем, [а] себя самого — рабом.

Kisi bulmadym man muηadur man jalηuz

Sakyncyn sizär man sewincin küläji —

Я не нашел [настоящего] человека, я в одиночестве опечален,
Я страдаю в заботах, [а] хотел бы улыбаться в радости.

Nelük artady xalk negü öñdi kođty

Kaju öđgä tustum ja kajda turajy —

Как испортился народ, как он мог оставить...
В какое время я попал, и где я должен жить!

Azy telwä munduz boldum ja mundum

Negü sözlädim man aju ber ukajy —

Или же я безумным и глупым стал, или я выжил из ума,
Что я сказал, скажи мне, я хотел бы понять.

Ja savda kucadib meñim artady ol

Közümga my körnür özüm hab icäji —

Или тяготы [мои] усилились и увеличились мои заботы,
Или мне кажется так — [тогда] я должен принять лекарство.

Maηa okmu tusty bu janlyy kisilär

Azu man tetrü kisi man janajy —

Может быть я соприкасался с подобными людьми,
Или же человек отвратительный, [в этом случае] я хочу стать лучшим.

Esizim esizim kany ol kisilär

Vafa aty kođty azunda ögäji —

Жаль, жаль, где эти люди?
Они [только] название верности оставили на [этом] свете, я раскаиваюсь.

Bu kün körsä erdi bu öñdi törü kylk

Ular kođmys ersä sewünzlüg bolajy —

Если бы сегодня увидел это поведение, закон и характер,
Если бы они оставили, я был бы рад.

Jok ersä aju bersu öñdi törü kylk

Tüzün törgä kecsü otunuy süräji —

В противном случае пусть расскажут мне справедливость, правильную
линию поведения.

Справедливый пусть отправляется к почетному месту, а я хочу удалить порок.

Kamuy eđgü bardy törü öñdi eltti

Kisi soñy kaldy ne eđgü bulajy —

Все хорошее исчезло, справедливость (бука. законы), правильное поведение [хороший тон] ушли вместе с ними (бука. они взяли с собой),

Самые последние остались, как мне найти добро?

Bu bođ syn juryyly kisi ersä barca

Färistä mu erdi ular ne biläji —

Все эти блуждающие люди — с ростом дрофы,
Возможно, были ангелами — откуда мне знать.

Kitāb idisi Jūsūf Uluḡ Nazyb öziñä pänd berür — [Глава 73]

Автор (бука. хозяин книги) Юсуф великий Хаджиб дает самому себе совет.

Ular bardy kaldym bularḡny bilä man

Negü teg juryjy ne kylkyn jarajy —

Они ушли, а я остался с ними,
Как мне жить (бука. ходить), каким характером [натурой] я должен понравиться?

Neca sözl'äsä man tügämäz taky söz

Bu munca tep emdi sözüñ ne barajy —

Сколько бы я ни говорил, не закончатся слова,
Сколько [много] говоришь [и ты] теперь, для чего мне нужны твои слова?

Maña mundan jigräk adyn bulmadym man

Ulus kend kađäji kisidän jyrajy —

Ничего лучшего кроме этого для себя я не нашел,
Я хочу оставить села и города и держаться далеко от людей.

Atym bilmäsünlär many körmäsünlär

Tiläb bulmasunlar sözüñni kesäji —

Пусть они не знают моего имени, не видят меня,
Пусть не найдут меня, я хочу прекратить свою речь.

Cađan teg tikärlär cibin teg sorarlar

Köpäk teg urarlar kajusyn urajy —

Как скорпионы жалят они, как мухи сосут [кровь],
Как собаки лают они, каких из них я должен побороть (бука. ударить).

Ulyndym emdi otunlarka tustum

Öküñc birlä tün kün necä jük jüdäji —

Теперь я плачу, я подвергся порокам,
Днем и ночью я должен в раскаянии нести столько бремени.

Zafa zafa bary maña tegmäsüni

Otun bevařalardyn syñardyn bolajy —

Пусть меня не коснутся все их притеснения,
Я хочу освободиться от скверных и неверных.

Ilahi rozi kyl sewüg safci jüzin

Jemä tört esiniñ jüzini köräji —

Боже, внимли моей просьбе, облик любимого пророка,
И облик его четырех спутников я хочу увидеть.

Bilig bil özüñä orun kyl tör-ä

Bilig bilsä özğa eđi berk tura —

Стремись к знаниям — готовь себе почетное место,
Если у тебя есть знания, то это для тебя очень надежная квартира.

Necä bildiñersä taky bir tilä

Biligli tegär kör tiläkkä sora —

Сколько бы ты ни знал, проси еще [большого],
Знающий, видишь-ли, достигает цели, спрашивая [того, чего не знает].

Bilir man tesā san bil'igdin jyrak

Biligsizgā sandyŋ bilighi ara —

Если ты думаешь, что знаешь [всѣ], [то] ты далек от знаний,
Ты считаешься среди знающих невеждой.

Bilig bir teŋiz ol ucy jok tübi

Necā suw kötürğäy semürgäk sürä —

Знания — это море без границ, без дна,
Сколько бы вода ни несла...

Bilig bil' kisi bol beđütgil' ozün

Ja jylky atanyyl kisida jyra —

Изучай знания, будь человеком — возвеличивай себя,
Или называй себя скотом — отдались от людей.

Biliglig jazylmas sakyncyn tügük

Biligsiz sewinzin kü'l'är kabıyğa —

Знающий не знает отдыха, он погружен в раздумья,
Незнающий смеется радостно [даже в] печали.

Biliglig kisäldi turup жүгрүмäs

Biligsiz juryt kör tilägin sürä —

Мудрец закован в кандалы, не может встать и убежать,
Невежественный, видишь, ходит свободно и гонится за своими желаниями.

Aj bilgä kisäldin biligsiz juryt

Biligsiz kisälsä kisänin bura —

О мудрец, ты закован в кандалы, невежда ходит [свободным].
Если невежда закован, он разрывает оковы.

Elig sundum ys man biligni tiläp

Sözüg sözgä tizdim sasurdum ura —

Я протянул руки, желая знаний,
Нанизывал слово к слову, торопился я [за работой].

Kejik taıy kördüm bu türkçä sözüg

Any akru tuttum jakurdum ara —

Я постиг (букв. увидел) тюркские слова как [настигают] оленей,
Я осторожно их поймал и соединил их вместе.

Sykadym sewittim köñül' berdi terk

Taky ma bilinlär birärdä bir-ä —

Я обласкал (букв. погладил), полюбил [их, и они] сердцем отдались [мне].
Поймите же и вы [эти слова] одно за другим.

Sunup tutmysynra aıyrdym sözüg

Kely berdi ötrü jypary bura —

Прежде чем преподнести [эту книгу], я выбирал слова,
[Слова] приходили на [ум], благоухая как мускус.

Köni sözlädım söz erig häm asuy

Köni sözni jüdgän ukusluy er-ä —

Справедливые слова я сказал, смелые и откровенные,
[Кто] воспринимает справедливые слова, [тот] умный человек.

Okyıylyka artuk aıyır kelmäsün

Ozüm üzri koldum aca häm jora —

[Чтобы] читающему не было слишком трудно,
Я сам молил о прощении, ясно и откровенно.

Köni sözdä tastyn sözüg söz temä

Köni egri farky ögünli kara

[Никакие] слова, кроме справедливых, не называй словами,

Различие между справедливым и кривым [т. е. несправедливым]
[такое же, что и между] белым и черным.

Jyl altmıys iki erdi tört jüz bilä

Bu söz sözlädım man tutup зап сārä —

[Это] было в 462 году,

[Когда] я сказал эти слова, посвящая им душу.

Tügäl on sekizajda ajdım bu söz

Öbürdüm aбыrdım söz ewdip terä —

В восемнадцать месяцев я завершил эти слова,

Я выбирал слова подходящие.

Sözüg kim tügätür necä sözläsä

Aka tınmas artar bulaklar ara —

Сколько бы ни говорил [человек, он в конце концов] закончит [свою] речь,
[Вода] из источника течет [и все время] увеличивается.

Aj Jüsüf keräk sözni sözlä köni

Keräksiz sözüg kizlä kylıa kora —

О Юсуф, говори [только] нужные и справедливые слова,

Скрой ненужные слова — [они] испортят тебя.

Ynancsyz acun kylky ersäl jayıy

Ukusluy özindin jyrak tur jıya —

Природа ненадежного мира дурна и низка,

[Он] далеко стоит от твоего разумного индивида — отдались [от него].

Öküs xalkny ıdty bu irsäl acın

Köni jolda azdy kisi keđ köra —

Много людей прогнал этот дурной мир,

Люди совсем свернули с истинного пути, смотри же.

Saıa ma itindi bezänip külä

Any sewmä azrak kupa kađıyıa —

И с тобою он вкрадчив (*букв.* мягко), украшая себя, улыбается [тебе],

Не люби его [даже] чуточку — [иначе] замучаешься и будешь печален.

Necä dünja jegli acın begläri

Olüm tutty bardy közi telmirä —

Сколько мирских князей, которые наслаждались богатством,

Когда [их]хватила смерть, уходили [на тот свет], жадно уставясь
[на этот свет].

Jigitlik jawa boldy esiz küñüm

Tügär bu tiriklik ökün kađıyıa —

Юность промотана, жаль мои [прошедшие] дни,

Жизнь кончается — раскаивайся и печалься.

Neca miñ jasasa axır ölgülük

Neca tersä dünja kalyr arkara —

Сколько бы ни жил [человек], в конце концов [ему суждено] умереть,

Сколько бы ни собрал богатств [человек], [они] остаются позади.

Saıa ok syıyndım bajat san kübäz

Bu ıallat usıyndın manıy obıyıa —

Тебе только молюсь, сохрани меня, боже,

Разбуди же меня от этого беззаботного сна.

Negügä ınandy aja mıııııy öz

Kajıyıa tajandın köür köz kögä —

На что ты надеялся, о печальный индивид,

На что опирался, [когда твои] зоркие (*букв.* видящие) глаза [все] видели.

Jolun tüzgıl' emdi jorykın köni

Özün iki acunda bulıyıl törä —

Теперь выравнивай свой путь, делай верным свой образ жизни,

[И тогда] найдешь почетное место в обоих мирах.

Я. С. АХМЕТГАЛЕЕВА

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ЯЗЫКЕ «КИСЕКБАШ КИТАБЫ»

«Кисекбаш китабы» — богословское поэтическое произведение XII—XIII веков, получившее до революции широкое распространение среди татарского мусульманского населения. Списки «Кисекбаш китабы» хранятся в библиотеках Казани¹ и Ленинграда². Эта книга много раз переиздавалась в Казани.

Кем и когда была написана «Кисекбаш китабы», до сих пор еще точно не установлено. Одно несомненно, что язык памятника представляет большой научный интерес. Эта важная по значению тема еще ждет своего исследователя, мы же в данном сообщении ограничимся лишь рассмотрением тех личных форм глагола, которые употреблялись автором для передачи действия в настоящем и будущем времени. Примеры нами приводятся по книге, изданной в Казани в 1913 году. Текст издания содержит 268 поэтических строк. В скобках после примера указывается порядковый номер строки.

Предметом нашего исследования явились формы на -гласный+г, на -*yaĵ*, на -*a(j)* и на -*ysar*.

Время на -гласный+г. Основу времени составляет причастие на -гл.+г+аффиксы лица: *sikar*, *kylur*, *süzläsürmān* и т. д. В отрицательной форме выступает основа + -*maz*: *kujmaz*.

Круг значений и употреблений формы на -гласн.+г

1. Наиболее широко представлено значение настоящего времени данного момента, т. е. времени действия, совпадающего с моментом сообщения. Примеры³:

(102) اول كيسك باشدين سورار بو مو ترور

Ul k'is[e]k basdin surar bu mu t[u]gur.

Он спрашивает Кисекбаша: «Это ли?»

(79) رسول ايتور يا على مارما آتكا

Räsul ajtur ja Ali barma ank'a.

Посланник говорит: «О, Али, не ходи туда».

(9) تڭرى ايتور ارسلان دور اول على

Täŋri ajtur arslan[y]mdur ul Ali.

Бог говорит: «Этот Али — мой герой».

¹ В научной библиотеке им. Н. И. Лобачевского КГУ им. В. И. Ульянова-Ленина под шифрами: 1. т—403, 2. т—695, 3. т—703.

² В библиотеке Ленинград. отдел. Института востоковедения АН СССР под шифрами: А — 1038 т, А 1556 т, А 3796, В 3004, 7, В 4060 т, А 1325 т, А 1309 т.

³ В квадратные скобки заключены буквы, отсутствующие в тексте и добавленные нами.

(87) علی کیتار اول کیلمش باهی ایله

Ali k'itār ul k'is[e]lm[e]s bas ilä.

Али отправляется вместе с этой отрезанной головой.

(171) اول دیو اوغاندی تورث یарو بقار

Ul dijü ujyandy türt jaru b[a]kar.

Этот див проснулся и смотрит в четыре стороны.

(161) کیرو قایتدی اوزینه ایتور یا علی

(162) تنکری آرسلانم دیدی سنی ولی

K'irü kajtdy üzinä ajtur ja Ali

tāṅri arslan[y]m didi s[e]ni v[ä]li.

Вернулся обратно и говорит себе: «О, Али,
бог назвал тебя своим героем, хозяином».

2. Значение настоящего времени длительного, повторяющегося, выходящего за пределы момента речи. Эти значения выявляются через обстоятельственные слова. Примеры.

(50) یسوزلاشور من تونی گونی الله ایله

Sûzläsürm[ä]n tûni k'ûni alla ilä.

Днем и ночью я разговариваю с аллахом.

(95) بی نماز قیایر عنی وقتی ییله

Bes n[a]maz kylur Ali vakty bilä.

Пять раз Али совершает намаз вовремя.

(١٠٠) باهی تقی نماز قیلور علی ییله

Bas t[a]ky n[a]maz kylur Ali bilä.

(Кисек) баш тоже совершает намаз вместе с Али.

3. Время на -еласн. +г указывает на действие постоянное, имеющее характер привычки, свойства. Например:

(152) دیونی گوردی اوخشار اول منارایه

Diûni k'ürdi oxsar ul m[a]naraja.

[Али] увидел дива, тот похож на минарет.

(153) یارومаллары اوخشار آدم کودهسی

Barmaklary oxsar ad[a]m güdäsi.

Его пальцы похожи (размером) на человека.

(29) مقالی اق هم یوزیدین نور چقار

S[a]kaly ak h[ä]m jüz[i]ndin nur c[y]kar.

У него седая борода, а лицо его светится.

قذفر قویماز کوزلر منی اویقووه

Qaḍyu kujmaz k'üzl[ä]r[e]mne ujkuṣa.

Печаль не дает спать моим глазам.

4. Довольно широко представлено значение отнесенности действия к будущему с модальным оттенком возможности, предположительности. Примеры:

(147) یو سعت علی مونده کیلور تیدی

(148) یو دیوتک المندین آلور تیدی

Bu sajat Ali munda k'ilür tidi

bu dijüneṅ el[i]ndin alur tidi.

Он сказал, [что] сейчас придет Али сюда
[и] освободит нас от рук дива.

(165) ایمدی سن اویور دیونی اوتوردوس

Imdi s[e]n ujur diüni öltür[ü]rsän.
Итак [допустим] ты убьешь спящего дива.

(174) ستنك ايلكتكدين چيقارمو جانمز

S[i]n[e]η el[e]ηdin sykarmu zan[y]m[y]z.
Не от твоей ли руки я погибну [могу погибнуть]?

Личная глагольная форма на -гласный+г встречается в «Кисекбаш китабы» 63 раза.

Время на -γaj. Основу времени составляла форма на -γaj + аффиксы лица: süzläk'äj, turγajmız.

Значение и случаи употребления формы на -γaj

1. Временная характеристика формы на -γaj заключается в указании на факт будущего. Однако данное время передавало действие, зависящее от воли говорящего или от каких-либо других внешних условий. Примеры:

(15) حق يارى قيلسه بو تليم سوزلاکای

(16) مصطفى تنك معجز اتن شرح ايلکای

Xak jary kylsa bu tilim süzläk'äj

m[u]stafan[y]η muγz[i]zat[y]n s[e]rx ejläk'äj.

Если бог поможет, этот мой язык будет рассказывать и объяснит чудо избранного.

(234) تقدیر ايله یزکم مرنده تورغایمز

Takdir ilä b[i]z k'im munda turγajm[y]z.

В соответствии с предопределением мы те, кто будет жить [оставаться] здесь.

(233) یزلار مکر اول قورعه اولکایمز

B[i]zlär mägär ul k[y]juγda ölk'ajm[i]z.

Мы лишь умрем в этом колодце.

قائمز یوق ترور کم اوچلایمز

K[a]nat[y]m[y]z juk t[u]rur k'im usγajm[y]z.

У нас нет крыльев, чтобы улететь.

بارچاسی بر ایلوب منی سوتارمکای

Barcası b[i]r bulub m[e]ni k'ötärmäkä.

[Если] они все объединятся, [то все равно] не поднимут меня.

Форма на -γaj употреблена в тексте «Кисекбаш китабы» 13 раз.

Время на -a(j). Основу времени составляет форма на -a(j) + аффиксы лица: baγat, juγlaj. Остановимся на значении и употреблении этой формы:

1. Форма на -a(j) передавала будущее действие, осуществление которого не подлежит сомнению. Примеры:

(73) یا من اولام یا دیو یاشن کیسام

Ja m[e]n öläm ja dijü bas[ı]n k'isäm.

Или я погибну, или отрублю голову диву.

(181) دیو ایتور بو ساهت سنی ییام

Dijü ajtur bu sayat s[e]ni j[e]jäm.

Див говорит: «Сейчас я тебя съем».

(182) دنياده نه هيچ مسلمانى قويم
(183) نه سنى قويم: خود يقيرى

D[ü]njada nã hiç m[ü]s[ü]lmanny Kujam
nã s[e]ni na xud p[e]jy[a]mb[e]ri.

Я не оставляю в мире ни одного мусульманина — ни тебя,
ни самого пророка не оставляю.

2. Значение длительности действия, совпадающего с моментом сообщения. Например:

(138) آنده بهر يوز مسلمان با لى يغلای

Anda b[e]s jüz m[ü]s[ü]lman bayly jiyaj.
Там плачут связанные пятьсот мусульман.

(177) حالا من يارام يدم آنده -سكا

Hala m[e]n baram tid[i]m anda s[e]nk'ä.
«Теперь я иду туда, к тебе», — сказал я.

Аналогичное значение проявляется и в форме на -*гл. + r* (см. выше). В количественном отношении употребление формы на -*a(j)* уступает более распространенной форме на -*гл. + r*. Форма на -*a(j)* встречается в «Кисекбаш китабы» 10 раз.

Форма на -*ysar* встречается всего два раза в одном единственном предложении:

(81) دلى ايتور يا رسول باريسرم

(82) باشمه نه يازميشين كوريسرم

Ali ajtur ja räsul barys[a]r[y]m

Basıma nã jazmysyn k'örisärim.

Али говорит: «О, посланник, пойду я и увижу,
что мне суждено [увидеть]».

Временная характеристика формы на -*ysar* заключается в указании будущего действия, независимо от воли говорящего или каких-либо других внешних условий.

Рассмотренные нами глагольные формы (на -*гл. + r*, -*ya*j, -*a(j)* и -*ysar*) можно представить в виде таблицы:

Настоящее время			Будущее время	
момента речи	длительн. повтор.	характер привычки	возможное (модальн.)	категорическое
-гл. + г	-гл. + г	-гл. + г	-гл. + г	-a(j)
-a(j)			-ya	-ysar

Разумеется, формы настоящего и будущего времени языка «Кисекбаш китабы» свидетельствуют о совершенно ином их употреблении по сравнению с современным татарским языком. Они имеют много общего с соответствующими формами языка других тюркских памятников средневековья.

А. СИКАЛИЕВ

ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ И НОГАЙЦЫ

Памятники древнетюркской и уйгурской письменности, созданные на среднеазиатском и урало-волжском тюрки, на кыпчакском языке, по справедливому утверждению ряда исследователей¹, являются общим культурным достоянием не одного-двух, а многих тюркских народов.

Трудно не согласиться со словами М. К. Хамраева, который пишет: «Надо, наконец, признать тот факт, что в те времена, когда жили и творили Махмуд Кашгарский, Юсуф Хас Хаджип Баласагунский, Ахмед Югнаки и т. д., т. е. до XIV—XV вв., еще не было ни узбекского, ни турецкого, ни татарского, ни казахского народов. Были только племена, носившие те или иные названия и входившие в союз племен под общим названием тюрки»².

Памятники древней общетюркской культуры и литературы, в том числе и «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского, представляют большой интерес и для ногайцев, поскольку, как известно, их язык, культура и история тесно связаны с казахами, каракалпаками, узбеками, киргизами, уйгурами и другими тюркскими народами.

Самые различные тюркские племена, населявшие территорию Северного Кавказа, Поволжья, Сибири, участвовали в этногенезе ногайцев³, одного из многочисленных тюркских народностей XV—XVI вв.⁴ Едва ли они были в стороне от создания дошедших до нас литературных памятников в более ранние периоды своей истории.

В связи с этим необходимо кратко остановиться на генетических и культурных связях ногайцев с народами Казахстана, Средней Азии и Восточного Туркестана.

¹ И. С. Брагинский и А. С. Мирбадалева. Узбекская литература. — В кн.: «История литератур народов Средней Азии и Казахстана». М., 1960, стр. 124; Х. Г. Кор-Оглы. Узбекская литература. М., 1968, стр. 30—31; М. К. Хамраев. Основы тюркского стихосложения. Алма-Ата, 1963, стр. 14—15; Э. Б. Мухамедова. Опыт создания очерков по истории туркменского языка. — В сб.: «Вопросы методов изучения истории тюркских языков». Ашхабад, 1961, стр. 66—67; А. И. Исаков (выступление), указ сб., стр. 85—86; Э. Н. Наджип (выступление), указ сб., стр. 140—143; Л. И. Климович. Хрестоматия по литературе народов СССР. М., 1947, стр. 351 и др.

² М. К. Хамраев. Указ. раб., стр. 13.

³ История Казахской ССР, т. I. Алма-Ата, 1957, стр. 127; М. Г. Сафаргалиев. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960, стр. 230; Народы Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1957, стр. 122—123; Киргизский героический эпос «Манас». М., 1961, стр. 146—147.

⁴ Очерки истории СССР, XIV—XV вв., ч. II. М., 1953, стр. 465—466; М. Г. Сафаргалиев. Распад Золотой Орды, стр. 227.

В составе ногайцев как в прошлом, так и в настоящее время мы находим представителей древних племен и родов: аваз (абаз), сатемир, сейтек⁵, уйгур-туур, баят, югар, маджар⁶, югар-тамгалы, шаукай, машкир, имир, тобал, кыргыз, боджак (боджнак), кандагузлы⁷, бугу, бугусай, байата, байтеги, уйгур, конгар, телеу, катаган, дюрмен, шымбай, кытай, ас, куман, кыпшак, туркмен⁸, найман, кенегес, канглы, уйсунь, алшын, кыят, минг, тонгучан, чублак, тайджут, нокус, аргын, керей, керейт, конграт, мангыт, сульжувут, колач, кырк⁹, карлук¹⁰, ети-гуз и др.

Безусловно, в состав ногайцев входили и представители хорошо известных из истории угорских и печенежских племен, а также хазары, болгары, кыпчаки.

Представители почти всех этих народностей и племен входили и в состав казахов¹¹, каракалпаков¹², частично узбеков¹³, киргизов¹⁴, татар.

Таким образом, история подтверждает факт формирования казахского, ногайского, каракалпакского, частично узбекского, киргизского, татарского народов из одних и тех же тюркских племен. Прослеживаются этнические и культурные связи ногайцев и с древними уйгурами.

По историческим данным найманы (значительная их часть позднее участвовала в этногенезе ногайцев), именуемые секиз-огузами, с VI по XI вв. вместе с уйгурами составляли одно государственное объединение токуз-огузов¹⁵. В X в. токуз-огузы считались самыми могущественными из всех тюрков¹⁶.

После распада объединения токуз-огузов (девяти племен), в котором пять веков главенствовали уйгуры¹⁷, за секиз-огузами, по предположению К. И. Петрова, закрепилось монгольское название «найман» (восемь)¹⁸.

В период объединения найманов и уйгуров в одном государстве и их тесного культурного, хозяйственного и политического общения в течение пяти веков была создана так называемая уйгурская письменность¹⁹, образцы которой дошли до нас в целом ряде письменных памятников²⁰.

⁵ Представители этих племен живут в настоящее время в ногайских аулах Кара-чаево-Черкесии.

⁶ Н. Семенов. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895, стр. 387.

⁷ А. Сергеев. Ногайцы на молочных водах. Симферополь, 1912, стр. 10, 19, 45, 62—63, 100—103.

⁸ Н. А. Баскаков. Ногайский язык и его диалекты. М.—Л., 1940, стр. 132—144; Ногайско-русский словарь. М., 1963, стр. 490—492.

⁹ М. Г. Сафаргалиев. Ногайская Орда во II пол. XVI в. — «Сб. научных работ Мордовского госпединститута». Саранск, 1949, стр. 35; Продолжение Древней Российской вивлиофии, ч. X. СПб., 1795, стр. 159.

¹⁰ История Казахской ССР, стр. 127.

¹¹ С. Аманжолов. Вопросы диалектологии и истории казахского языка, т. I. Алма-Ата, 1959, стр. 9—10; История Казахской ССР, стр. 149—150.

¹² Н. А. Баскаков. Введение в изучение тюркских языков. М., 1962, стр. 186.

¹³ Там же, стр. 186; История Казахской ССР, стр. 127.

¹⁴ К. И. Петров. Очерк происхождения киргизского народа. Фрунзе, 1963, стр. 138—140.

¹⁵ Там же, стр. 70—71.

¹⁶ В. В. Бартольд. Сочинения, т. II, ч. I. М., 1963, стр. 39.

¹⁷ К. И. Петров. Указ. раб., стр. 72—74.

¹⁸ Там же, стр. 85.

¹⁹ В. В. Бартольд. Указ. соч., стр. 183; Л. Н. Гумилев. Древние тюрки. М., 1967, стр. 385.

²⁰ В. В. Бартольд. Указ. соч.; Л. Н. Гумилев. Указ. раб., стр. 385; С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М., 1951, стр. 108.

Говоря о родстве найманов и уйгуров и о близости их языков, С. Аманжолов пишет: «В. В. Бартольд, исходя из неверного положения о нетюркском происхождении найманов, в сходстве найманских и уйгурских имен ошибочно видел лишь культурное влияние, а не родство их языков. Он не учел, что часть уйгуров называла себя уйгур-найманами, а слово «уйгур» носило собирательный характер»²¹. В этом смысле примечателен и тот факт, что у ногайцев Ставропольского края и Дагестана и еще сейчас во многих аулах в составе найманов есть роды уйгуров, а в составе племени уйгуров имеются роды найманов. В других племенах роды уйгуров не встречаются.

Среди племен объединения токуз-огузов, перечень которых приводит К. И. Петров на основании китайских источников, имелись уйгуры, пугу, байегу²². Среди ногайских племен и родов нам уже встречались названия уйгур, уйгур-туур, бугу, бугусай, байтеги. Весьма возможно, что бугу и пугу, байтеги и байегу тождественны. Во всяком случае, нет никаких оснований отрицать подобную возможность. Тем более, что китайские источники тюркские названия передают обычно с большими искажениями.

Что касается уйгурской письменности, то ею ногайцы пользовались наравне с арабской и после принятия ислама.

Даже в XVIII в. в ногайской среде арабская письменность не могла окончательно вытеснить уйгурскую. Согласно Клапроту, «в XVIII в. ногайцы пользовались арабской письменностью и уйгурскими буквами»²³.

В распространении уйгурской письменности среди ногайских племен, возможно, важную роль сыграли именно ногайцы-найманы, а также представители родов бугу и байтеги, стоявших на более высокой ступени культурного развития, нежели остальные племена.

История ногайского языка совершенно не изучена. Ногайский язык, испытывавший влияние окружающих тюркских языков с началь-

ным «з» или «з», является языком йокающим, что сближает его с уйгурским и узбекским языками. Перечисление общих элементов можно было бы продолжить. Возможно, ведущим диалектом ногайского языка, повлиявшим на все остальные племенные языки, был язык найманов, сочетавший элементы, с одной стороны, уйгурского и староузбекского, с другой — кыпчакского и огузского.

Нам думается, что не случайно кувшин с надписями стихов из «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского найден именно в столице Ногайской Орды — Сарайчуке²⁴.

Этот факт является, на наш взгляд, доказательством популярности знаменитого поэта в ногайском народе, в котором многочисленные представители племен найманов, бугу, байтеги и других могли считать Юсуфа Баласагунского своим родным поэтом.

Глубокие корни имеют культурные и этнические связи ногайцев с киргизами.

Помимо известной древней общетюркской общности предков киргизского и ногайского народов обнаружены новые данные об этниче-

²¹ С. Аманжолов. Указ. раб., стр. 94—95.

²² К. И. Петров. Указ. раб., стр. 74.

²³ Цит. по кн.: Е. П. Алексеева. Очерки по экономике и культуре народов Черкесии в XVI—XVII вв. Черкесск, 1957, стр. 110.

²⁴ В. В. Бартольд. Указ. соч., стр. 128, 256; Л. И. Климович. Указ. раб., стр. 358.

ских связях киргизских племен, главным образом области Таласа, с ногайцами²⁵.

Что касается культурного влияния, то достаточно указать на связь киргизского эпоса «Манас» с ногайским эпосом, влияние которого на «Манас» признается крупнейшими востоковедами²⁶.

На основании вышеизложенного нам кажется вполне закономерным предположение о том, что предки ногайцев восходят к предкам казахов, каракалпаков, узбеков, уйгуров, находившимися между собой в тесном культурном общении. «Ногайская Орда занимала громадное пространство от Волги до Иртыша, от побережья Каспийского и Аральского морей до Казани и Тюмени»²⁷.

«Как наиболее многочисленные из всех татар, ногайцы играли большую роль в делах других татарских ханств Восточной Европы и Средней Азии. Последние ханы Золотой Орды достигали престола при помощи ногайских феодалов и ими же низвергались»²⁸. В XIV и XV вв. часть ногайцев кочевала по течению Сыр-Дарьи, и Хорезм был легко доступным для ногайцев районом, куда толпами бежали изгнанники из Ногайской Орды²⁹.

Ногайцам принадлежали города Джэнд, Сыгнак и другие по Сыр-Дарье³⁰. Поскольку многочисленные ногайские племена и в XII—XIV вв. занимали территорию в непосредственной близости от культурных центров и играли заметную политическую роль в составе Золотой Орды, они не могли не участвовать в создании материальных и культурных ценностей, в том числе и литературных памятников.

Об эпических и литературных традициях ногайцев свидетельствуют богатейший эпос и творчество ногайских поэтов XIV—XVI вв.

В устном народном творчестве современных ногайцев сохранились элементы общетюркского фольклора, как, например, фрагменты общегузских сказаний о Коркуте, на которые указывал Л. И. Климович³¹.

О популярности легендарного бахши Коркута среди ногайцев свидетельствует тот факт, что именем Коркута был назван один из ногайских аулов в Ставропольском крае³². Записано несколько преданий, которые отражают домонгольский период истории тюркских племен. У ногайцев сохранились отрывки эпоса «Алпамыс», который, по рассказам старожилов, до переселения ногайцев в Турцию бытовал в более полном виде.

До недавнего времени ногайцами распевались песни Кетбута йырау, который, согласно легенде, принадлежал к племенам найманов.

Из среды ногайских племен в XIV в. вышли легендарные певцы

²⁵ В. В. Бартольд. Указ. соч., стр. 542; С. М. Абрамзон. Предварительные итоги полевых этнографических исследований в Киргизской ССР в 1954 г. — См.: «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», ч. XXV, 1956, стр. 19—22.

²⁶ В. В. Бартольд. Киргизы (ист. очерк.). Фрунзе, 1943, стр. 80; его же. Сочинения, стр. 541; В. М. Жирмунский. Введение в изучение эпоса «Манас». — Сб.: «Киргизский героический эпос «Манас», М., 1961, стр. 142—147, 166—167, 193—194.

²⁷ Очерки истории СССР, XIV—XV вв., ч. II. М., 1953, стр. 465; М. Г. Сафаргалиев. Распад Золотой Орды, стр. 230; его же. Ногайская Орда во II пол. XVI в., стр. 33; История Казахской ССР, стр. 127.

²⁸ Очерки истории СССР, стр. 466.

²⁹ В. В. Бартольд. Указ. соч., стр. 803; М. Г. Сафаргалиев. Ногайская Орда..., стр. 53—54; П. П. Иванов. Очерк истории каракалпаков. — Сб.: «Материалы по истории каракалпаков», М., 1935, стр. 30.

³⁰ История Узбекской ССР, т. I, кн. I. Ташкент, 1955, стр. 372.

³¹ Л. И. Климович. Указ. раб. См. вступление к разделу азербайджанской литературы.

³² См. статью В. М. Жирмунского в кн.: «Книга моего деда Коркута». М.—Л., 1962, стр. 158.

Сыбра и Парыздак. Имя Сыбры широко известно среди казахов и каракалпаков.

В XV в. ногайский народ выдвинул из своей среды таких мастеров слова, как Шал-Кийиз и Асан-Кайглы, последнего Чокан Валиханов назвал «ногайским философом»³³. Все это оказалось возможным благодаря усвоению ногайцами общетюркских литературных традиций.

К сожалению, памятники уйгурской письменности на языках среднеазиатского и урало-волжского тюрки, так называемые египетско-кыпчакские памятники, пока нам недоступны, и мы не имеем возможности проследить преемственную связь творчества ногайских поэтов XIV—XVII вв. и этих произведений.

Н. А. Баскаков пишет, что «...некоторые памятники, относящиеся к языку периода Золотой орды, например кыпчакские грамматики и словари филологов-арабов Египта, отмечают для других районов Золотой орды другие тюркские языки с несколько иными признаками, по которым часть их можно отнести к кыпчакско-половецкой, а часть — к кыпчакско-ногайской подгруппам кыпчакских языков»³⁴.

Среди общетюркских письменных памятников имеются и такие, язык которых вплотную приближается к современному ногайскому языку.

Примером может служить отрывок из прозаического произведения XIV в. «Нахдж ул-Фарадис» Махмуда ибн-Али, приведенный С. Аманжоловым. Несмотря на то, что это произведение написано около 600 лет тому назад, его язык отражает многие характерные особенности ногайского языка:

«...Битик болгай теди ерсе ахтардылар хиш битик табмадылар. Янында бир куруг майшек бар ерди ол майшеки тебреттилер ерсе ишинде нерсе тебрэнди. Силиктилер ерсе ишинде битик шыкты. Ол битикин Абубекир оглы Мухамед ашты...»³⁵

Э. В. Севортян в своем докладе на совещании, посвященном методам изучения истории тюркских языков, состоявшемся в Ашхабаде в 1959 г., говорил: «В большинстве случаев наши историки языка пользуются данными надписей в честь Кюль-Тегина, показаниями «Кутадгу билиг», словаря Махмуда Кашгарского, «Кодекс Куманикус» и редко пользуются египетско-кыпчакскими, венгерскими и польскими изданиями тюркских памятников. Нет сомнения, что для исторических исследований, например по казахскому языку, перечисленные памятники очень важны, как на это справедливо указывал в свое время С. Е. Малов в своей статье об источниках изучения казахского языка»³⁶.

Н. А. Баскаков горячо выступал за подлинно научное изучение истории каракалпакского языка, начиная с рунических памятников древности до произведений золотоордынского периода, включая памятники уйгурской письменности и среднеазиатского тюрки³⁷.

Это в полной мере касается и ногайского языка, который так же, как казахский и каракалпакский, входит в кыпчакско-ногайскую подгруппу кыпчакских языков.

Хочется верить, что лучшие из древнетюркских письменных памятников со временем станут достоянием широких масс современных читателей.

³³ Ч. Валиханов. Сочинения. 1905, стр. 304.

³⁴ Н. А. Баскаков. Введение в изучение тюркских языков, стр. 240.

³⁵ С. Аманжолов. Указ. раб., стр. 104.

³⁶ Э. В. Севортян. Современное состояние и некоторые вопросы исторического изучения тюркских языков в СССР. — Сб.: «Вопросы методов изучения истории тюркских языков». Ашхабад, 1961, стр. 20.

³⁷ Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, II, стр. 18—19.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

IV ТЮРКОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 900-ЛЕТИЮ «КУТАДГУ БИЛИГ» ЮСУФА ИЗ БАЛАСАГУНА

2—4 июня с. г. в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР состоялась IV Тюркологическая конференция, посвященная 900-летию создания выдающегося памятника тюркской письменности «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского.

В работе конференции приняли участие 130 ученых из Москвы, Ленинграда, Алматы, Ашхабада, Баку, Ташкента, Фрунзе, Абакана, Нукуса, Чебоксар, Черкесска, Нальчика, Якутска, Казани, Новосибирска, Уфы, Ферганы, Бухары, Тарту. На конференции присутствовали также гости из Венгрии.

Состоялось два пленарных заседания, на которых было заслушано 8 докладов, посвященных исследованию «Кутадгу билиг» как литературного и языкового памятника.

Конференцию открыл чл.-корр. АН СССР А. Н. Кононов. В докладе «Слово о Юсуфе из Баласагуна и его поэме «Кутадгу билиг» он осветил круг проблем, связанных с изучением этого выдающегося памятника. А. Н. Кононов говорил об исторических условиях, в которых создавался этот памятник, о его идеологическом и философском содержании, имеющем общечеловеческое значение, о сочетании в нем эпического и реального, его связях с произведениями предшественников Юсуфа Баласагунского.

Особое внимание в докладе было уделено истории открытия и изучения памятника, его историко-культурному значению.

Г. А. Абдурахманов (Фергана) в своем докладе «К переводу «Кутадгу билиг» на русский язык» говорил о научном и художественном значении памятника, об осуществленном переводе полного текста памятника на русский язык, о принципах перевода, транскрипции, выборе рукописи, которая будет положена в основу русского издания. Докладчик подчеркнул необходимость координации работы по изучению и публикации памятников.

На ряде вопросов, связанных с изучением «Кутадгу билиг», остановилась в своем докладе «Кутадгу билиг» как памятник литературы» А. А. Валитова (Москва). Отме-

тив, что памятник по жанру является поэмой, она далее говорила о композиции произведения, его сюжетном сходстве с другими тюркскими памятниками, с различными версиями сказаний об Александре, подчеркнула общечеловеческое значение морально-этического учения Юсуфа Баласагунского. По мнению докладчика, в построении художественного образа у этого автора можно видеть элементы реализма и психологизма.

С докладом «История открытия и изучения «Кутадгу билиг» на конференции выступил Д. М. Насилов (Ленинград). Он рассказал об обстоятельствах открытия трех известных рукописей памятника, об успехах, достигнутых в его изучении за полтора столетия, и вкладе, который внесли в это дело П. А. Жобер, Г. Вамбери, В. В. Радлов, С. Е. Малов, Р. Р. Арат и др. Докладчик подчеркнул, что издание и перевод столь значительного памятника явятся существенным вкладом в развитие тюркологии.

В докладе С. Г. Кляшторного (Ленинград) «Эпоха «Кутадгу билиг» рассматривались вопросы возникновения Караханидского государства, его связей с другими древнетюркскими государственными образованиями, внешней и внутренней политики, хозяйства и культуры.

Э. Р. Тенишев (Москва) в докладе «Кутадгу билиг» и «Алтурн ярук» отметил, что, хотя оба эти памятника возникли почти одновременно и на близких территориях, различия в их языке столь значительны, что каждый из них может считаться написанным на самостоятельном языке. По мнению докладчика, язык «Кутадгу билиг» представляет собой смешанный чигиле-уйгурский. Истоки этого языка восходят к порождению орхон-енисейских памятников, когда сложилась традиция литературного языка, позднее воспринятая уйгурами Восточного Туркестана и тюркоязычными племенами Караханидского государства и просуществовавшая до эпохи Алишера Навои.

Г. Ф. Благова (Москва) в докладе «Кутадгу билиг», «Бабур-наме» и методика историко-лингвистического сопоставления» предприняла интересную попытку сопоставления в морфологическом плане этих двух хронологически отдаленных друг от друга тюркских письменных памятников. Она обосновала необходимость сопоставления не отдельных морфологических форм, а всей их совокупности, частоты употребления, функциональных особенностей. Сделанный ею в докладе анализ убедительно показал, что, несмотря на внешние совпадения, язык «Бабур-наме» значительно отличается от языка «Кутадгу билиг» удельным весом функциональных характеристик, в частности причастных форм.

Доклад И. В. Стеблевой (Москва) «Поэтика «Кутадгу билиг» был посвящен вопросам реализации метра аруза (мутакариб) и арабо-персидской теории рифмы в поэме «Кутадгу билиг», являющейся первым произведением классической тюркоязычной поэзии. В докладе делается вывод, что аруз в памятнике употребляется на основе акцентной базы тюркских языков путем наложения схемы квантитативного метра на ритмические конфигурации тюркской речи. При построении рифмы Юсуф Баласагунский использовал все возможности тюркского языка, реализуя арабо-персидскую теорию рифмы в соответствии с фонологической структурой слова и морфологией языка.

На заключительном пленарном заседании с информацией о деятельности редакционной коллегии журнала «Советская тюркология» и стоящих перед ней задачах и проблемах выступил главный редактор журнала академик АН Азерб. ССР М. Ш. Ширалиев.

2—3 июня состоялись заседания секций конференции: лингвистической и историко-литературной.

На заседаниях лингвистической секции было сделано 14 докладов, объединенных общей темой «Языки тюркских племен и народов VIII—XV вв.»

В докладе «Роль уйгуро-карлукского литературного языка Караханидского государства в развитии тюркских литературных языков средневековья» Н. А. Баскаков (Москва) охарактеризовал единый процесс развития литературного языка «тюркй» во всех его видоизменениях, начиная с древнетюркской эпохи, и наметил принципы периодизации и классификации тюркских литературных языков.

А. М. Щербак (Ленинград) в докладе «О фонетических особенностях языка «Кутадгу билиг» и древнеуйгурском консонантизме» подчеркнул, что количество накопленного к настоящему времени материала позволяет пересмотреть поставленный в свое время В. В. Радловым и В. Томсеном вопрос о древнеуйгурском консонантизме. Он показал, что орхонская и турфанская письменные традиции были едиными, что уйгурское письмо пришло на смену руническому

непосредственно, без промежуточных звеньев, и что факты свидетельствуют о диалектном сходстве рунических и древнеуйгурских памятников.

В докладах М. Н. Хыдырова (Ашхабад) «Отношение туркменского языка к языку «Кутадгу билиг» и А. Матгазиева (Фергана) «Лексические элементы старотюркского языка в письменных памятниках узбекского языка XIX в.» рассматривались особенности (лексические, грамматические и др.), родящие современный туркменский и староузбекский языки с языком «Кутадгу билиг»; прослеживались исторические корни этих соответствий.

З. Б. Мухамедова (Ашхабад) посвятила свой доклад «Некоторые параллели в лексике «Кутадгу билиг» и «Ровнак ал-ислам» фонетическому и лексическому сходству обонх памятников. Для установления этого сходства ею были привлечены материалы произведений Рабгузи, Хорезми и памятника XII—XIV вв. «Нахдж ал-фарадис».

В докладе «Категория числа в турецком литературном языке и ее взаимосвязь со смежными лексико-грамматическими категориями» С. А. Соколов (Москва) очертил круг значений формы единственного числа, не имеющей специального показателя: единичность, собирательная, недифференцированная множественность (т. е. собственно числовые значения); значение «представителя вида или класса», значение «обобщенно-абстрактного понятия вида» и т. д. (т. е. значения, не являющиеся собственно-числовыми). К проявлениям семантико-грамматической определенности-неопределенности докладчик относит: а) употребление неопределенного артикля *бир*, противопоставленного нулевой форме артикля при выражении определенности; б) оппозицию «маркированного и немаркированного винительного падежа»; в) альтернативу основного и родительного падежей в некоторых типах определительных словосочетаний. В формах единственного числа артикль *бир* служит для разграничения значений «представительства вида» и «обобщенно-абстрактного выражения вида», употребляясь при выражении первых из этих значений и не употребляясь при выражении вторых.

В. И. Асланов (Баку) выступил с докладом «О лексических параллелях в «Кутадгу билиг» и азербайджанском языке». Он остановился на той части лексики названного и ряда других памятников (до XVIII в.), отмеченных автором к числу азербайджанских, которая не употребляется в современном азербайджанском языке, и по данным «Древнетюркского словаря» редко или вовсе не встречается в других древнетюркских письменных памятниках. Отметив, что между «Кутадгу билиг» и диалектами азербайджанского языка прослеживаются лексические параллели, докладчик показал на ряде конкретных примеров, что без учета материала «Кутадгу билиг» изучение историче-

ской лексикологии азербайджанского языка не может быть полным.

В докладе «Лексика «Кутадгу билиг» в «Древнетюркском словаре» Э. И. Фазылов (Ташкент) указал на некоторые неточности в переводе и толковании значения отдельных слов и выражений из наманганского списка «Кутадгу билиг», включенных в «Древнетюркский словарь», назвав ряд слов из этого списка, не попавших в словарь.

И. Г. Добродомов (Москва) в докладе «Памятники древнерусской письменности как источник о половецком языке XI века» дал филологический и этимологический анализ половецких личных имен, зафиксированных в разных списках древнейшей русской летописи «Повесть временных лет» и имеющих параллели в русских былинах. На основании этого анализа он пришел к выводу о наличии болгарских элементов в раннем половецком языке. Докладчик подчеркнул большое значение зафиксированных в древнерусских письменных памятниках тюркских лексических элементов для реконструкции фонетического развития тюркских языков Восточной Европы. В установлении хронологии фонетических процессов, происходивших в этих языках, личные имена играют особенно большую роль.

В докладе «К этимологии отрицания tegül (по материалам «Древнетюркского словаря»)» Г. П. Мельников (Москва) аргументировал гипотезу Б. Коллиндера, возводящего указанное отрицание к корню teg «касаться, иметь касательство, отношение, соотноситься». Анализ типов семантических переходов в словах, выражающих наличие соотносительности, показывает, что эти слова легко преобразуются в выразителей как значения тождества, подобия, так и нетождества, отличия. Эта семантическая универсальность привела в тюркских языках к развитию предикативных конструкций типа: A—B teg — «A подобно B» и A—B tegül — «A отлично от B», т. е. «A не является B». Огромное число промежуточных переходных форм от одного полярного значения к другому представлено словами с корнем teg в древних и современных тюркских языках.

В своем докладе «О форме винительного падежа типа sōzin, tewesin в тексте «Дивана» Махмуда Кашгари» Г. К. Кулиев (Баку) на материале «Дивана» и некоторых современных тюркских языков показал, что аффикс -up¹ и первоначально был аффиксом «притяжательным для 3-го лица», в дальнейшем звук *p* стал выражать винительный падеж, а гласный звук «стал притяжательным 3-го лица основного падежа».

Г. Е. Корнилов (Чебоксары), выступивший с докладом «Где были предки чувашей в эпоху, предшествующую «Кутадгу билиг», на основе анализа вновь выявленных сепаратных взаимозаимствований в болгаро-чувашских, картвельских, готских, угорских и

славянских диалектах пришел к заключению о правоте историков и этнографов, выдвинувших мысль о первоначальной локализации тюркских предков чувашей (после их прихода в Восточную Европу из Азии) в областях Кавказа и Северного Причерноморья.

В кратком выступлении К. Аширалиев (Фрунзе) поддержал мнение о том, что «Кутадгу билиг» является общим достоянием тюркских народов Средней Азии. Наряду с этим оратор привел ряд доводов в подтверждение того, что Юсуф Баласагуни «пользовался родственным диалектом, стоящим ближе к киргизскому языку, чем к уйгурскому и узбекскому языкам».

Ф. А. Абдуллаев (Ташкент) в докладе «К вопросу о соответствии узких и широких гласных в истории тюркских языков» высказал и обосновал гипотезу о том, что среди тюркских корней и аффиксов с широкими и узкими гласными древнейшими являются формы с узкими гласными. Причиной перехода узкого гласного в широкий, по мнению докладчика, могло быть стремление к фонологическому укреплению слога (особенно открытого), более устойчивым гласным.

В. М. Надеждин (Новосибирск) рассказал о двух найденных в Монголии рунических надписях, продемонстрировав примеры транслитерации, транскрипции и перевода из обоих памятников.

С. Н. Иванов в своем выступлении говорил о том, что еще далеко не все сделано, не исчерпаны все возможности для избавления грамматики тюркских языков от влияния иноязычных грамматических схем. Например, часто забывается, что тюркские прилагательные и причастия, примыкая к определяемому, не носят в себе значения «единичности признака, значения прилагательности, то есть того значения, которое в русском языке, например, конституируется соответствующими окончаниями. Этим же объясняется, например, неправильное толкование категории залога в причастиях, которую стремятся непременно связать со значением определяемого (согласование по линии залога). По этой же причине доявляются всякие «неоформленные» падежи, неубедительные трактовки категории принадлежности, в которой нередко видят лишь «соответствие» европейским притяжательным местоимениям, и т. п.

Я. С. Ахметгалеева (Казань) рассказала о некоторых научных исследованиях, выполняемых в Казанском Институте языка, литературы и истории АН СССР, в том числе языка «Кисекбаш китабы».

На заседаниях секции литературы и истории было прослушано и обсуждено 16 докладов.

Х. Усманов (Казань) выступил с докладом на тему: «К вопросу о предшественниках Юсуфа Баласагунского». Обращаясь к материалу древнетюркских письменных памятников (орхон-енисейских, древнеуйгурских, к словарю Махмуда Кашгарского и др.) и сравнивая образцы древнетюркской

и современной поэзии тюркских народов, он показал, что для тюркской поэзии в целом характерны спаренные ритмические открытые слоги. Проанализировав развитие этих слогов с древнетюркского периода до позднейшего времени, докладчик пришел к выводу, что такие поэтические формы, как «бармак» и тюркский «аруз» возникли не в результате заимствования, а созданы в самой тюркской среде на основе закономерностей тюркских языков.

О влиянии «Кутадгу билиг» на болгаро-татарскую литературу Поволжья говорил в своем докладе «Кутадгу билиг» в средневековой болгаро-татарской литературе» Ш. Ш. Абидов (Казань). На ряде примеров он показал, что «Кутадгу билиг» пользовался в свое время широкой популярностью. Влияние «Кутадгу билиг» наглядно видно в таких произведениях, как «Насихат-ас-салихин» (XIV—XV вв.), «Мунаббихат» (1629), в творчестве татарского поэта первой половины XVI в. Мухаммадйара, в частности в его поэме «Нур-и-судур» (1542) и т. д.

Содержанию и композиции поэмы «Кутадгу билиг» посвятил свой доклад «О композиционных, метрических и жанровых особенностях «Кутадгу билиг» К. Каримов (Ташкент).

Вопросы влияния поэмы Юсуфа Баласагунского на развитие раннесредневековой азербайджанской литературы рассматривались в докладе А. Рустамовой (Баку) «О некоторых параллелях в «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагуни и средневековой азербайджанской поэзии». В докладе раскрываются общая идейная направленность и ряд сходных черт между поэмой Юсуфа Баласагуни и «Пятерницей» Низами, а также поэмой «Джами-Джам» азербайджанского поэта XIII—XIV вв. Авхади Марагани. Объяснение этому докладчик видит в том, что все эти произведения восходят к единому источнику — народному творчеству.

С. М. Абрамзон (Ленинград), выступивший с докладом «Древнетюркские божества и их реликты в верованиях некоторых тюркоязычных народов» говорил о том, что у древних тюрков, религиозные представления которых имели синкретический характер, выделялись три божества, упоминающиеся в рукописных надписях: божество Неба (Tängri), богиня Умай (Umai) и божество Земля-Вода (Jär Sub). Истоки религии древних тюрков следует искать в религиозных верованиях этнических общностей, населявших территорию Центральной и Восточной Азии до возникновения тюркских каганатов (до VI в.): хуннов, сяньбийцев, усуней, гаогюйцев, гаочанцев и др. Однако, по мнению докладчика, установить подлинный генезис представлений, связанных с названными божествами, можно только на основе этнографических материалов, характеризующих верования, еще недавно бытовавшие у ряда тюркоязычных народов, так или иначе этногенетически близких к древним тюркам. Докладчик показал это на примере анализа культа

этих божеств, сохранившегося в пережиточной форме у алтайцев, шорцев, тувинцев и хакасов, а также у киргизов и других народов.

О воздействии древнетюркской культуры на эволюцию образа древнеиранского эпического героя Афрасияба, именуемого в «Кутадгу билиг» Алп Эр Тонга, рассказал в докладе «Алп Эр Тонга и Афрасияб по Юсуфу Баласагуни, Махмуду Кашгари и другим авторам» Х. Г. Короглы (Москва). Эволюция образа Афрасияба прослежена в докладе на фоне конкретных исторических событий по многочисленным персидским и тюркским источникам: древнеиранской «Авесте», «Шах-наме», тюркским «Огуз-наме», «Книге моего деда Коркута», словарю Махмуда Кашгари, «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагуни и др.

Из древнеиранского героя Афрасияб трансформировался в тюрка с тюркской родословной. Попутно докладчик коснулся и других иранско-тюркских сюжетных и именных параллелей (заимствований или типологических сюжетов) в упомянутых эпических памятниках.

Б. Е. Кумеков (Алма-Ата) сделал доклад «О государстве кимаков IX—XI вв. по арабским источникам». Бурные события второй половины VIII—IX вв., в ходе которых кимаки прочно укрепились на территории от Среднего Иртыша до Джунгарских ворот, способствовали развитию государственной организации кимаков. Первые сведения о государстве кимаков имеются в сочинении ал-Йакуби (IX в.), сведения о кимаках IX—X вв. — у Ибн-ал-Факиха (X в.), Ал-Истахри (X в.), Ибн-Хаукаля (X в.), Худуд ал-алам (X в.), ал-Идриси (XII в.). Анализ письменных источников позволяет сделать вывод о том, что кимакское государство имело племенную структуру и центральный аппарат управления. Источники сохранили достаточно определенные сведения о социальной дифференциации кимакского общества. Кимакское государство, ослабленное внутренними противоречиями, очевидно, пало под ударами центральноазиатских племен в начале XI века. Наследниками кимаков на западе стали кыпчаки. Монгольское нашествие положило конец этническому и политическому развитию государственных образований кимакско-кыпчакских племен.

Р. А. Гусейнов (Баку) в докладе «Титулатура и тамга Ильдегизидов» рассказал об истории династии атабеков, владетельных феодалов Азербайджана, которая оказала значительное влияние на историю Передней Азии, в том числе и Закавказья. Нумизматический, эпиграфический и нарративный материал позволяет проследить развитие и изменения символов и атрибутов власти Ильдегизидов.

О личности Мухаммеда ибн-Кайса и его глоссарии говорилось в сообщении Ю. З. Ширвани (Баку) «Мухаммед ибн-Кайс и его глоссарий», где было показано, что Мухаммед ибн-Кайс, упо-

минаемый в словаре Ибн-Муханны и в ряде персоязычных источников, идентифицируется с Шамседдином Мухаммедом ибн-Кайсом ар-Рази.

Л. Ю. Тугушева (Ленинград) в докладе «Древнеуйгурская поэзия» рассказала о древних уйгурских стихотворных произведениях, известных по письменным памятникам VIII—XIII вв. из Восточного Туркестана, созданных в манихейской, буддийской и мусульманской среде. В докладе было показано, что эти произведения, разнообразие по форме и по содержанию, свидетельствуют о весьма развитой технике стихосложения с устоявшимися нормами построения и озвучения стиха.

Доклад Е. А. Убрятовой (Новосибирск) «Руническая надпись из Бичикту-Боола» был посвящен расшифровке этой надписи, которая, по мнению докладчика, может быть отнесена к киргизской группе памятников. Расшифровке рунических надписей на китайских монетах было посвящено сообщение А. С. Аманжолова (Алма-Ата). «Две рунические надписи с Енисея». О. И. Смирнова (Ленинград) доложила о некоторых типах древнетюркских монет.

Участники конференции отмечали, что проделанная работа по изучению «Кутадгу билиг» открывает новые перспективы для продолжения исследований в намеченных направлениях. Было признано необходимым подготовить к изданию критический текст «Кутадгу билиг», транскрипцию памятника и его русский перевод (работа ведется А. А. Валитовой и Г. А. Абдурахмановым). С удовлетворением было отмечено также, что узбекский перевод этого памятника подготавливается К. Каримовым.

Конференция рекомендовала провести в сентябре-октябре 1971 года в Фергане тюркологический симпозиум, посвященный 900-летию словаря Махмуда Кашгарского «Дивану лугат-ит-тюрк».

Пятую тюркологическую конференцию в Ленинграде намечено посвятить проблемам огузской группы тюркских языков, а также истории и литературе народов, говорящих на этих языках.

Участники конференции приветствовали создание всесоюзного научно-теоретического органа — журнала «Советская тюркология» и выход в свет его первого номера.

В. Г. Гузев, Н. А. Дулина,
Л. Ю. Тугушева

РЕЗОЛЮЦИЯ

IV ТЮРКОЛОГИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ 900-ЛЕТИЮ «КУТАДГУ БИЛИГ» ЮСУФА ИЗ БАЛАСАГУНА

ЛЕНИНГРАД, 4 ИЮНЯ 1970 г.

Со 2-го по 4-е июня 1970 г. в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР состоялась четвертая Тюркологическая конференция, которая в соответствии с решением третьей Тюркологической конференции была посвящена 900-летию со времени создания замечательного памятника тюркской письменности «Кутадгу билиг» Юсуфа из Баласагуна.

На двух пленарных заседаниях было заслушано 8 докладов, посвященных исследованию «Кутадгу билиг» как литературного и языкового памятника, определению места этой поэмы среди прочих памятников древнетюркской письменности, истории открытия и изучения «Кутадгу билиг», эпохе ее создания, проблеме перевода поэмы на русский язык.

На заседаниях лингвистической секции и секции литературы и истории были зачитаны и обсуждены 30 докладов и сообщений в рамках двух основных тем: «Языки тюркских племен и народов VIII—XV вв.» и «Литература и история тюркских племен и народов VIII—XV вв.»

В заседаниях конференции приняли участие 130 ученых из Москвы, Ленинграда, Алма-Аты, Ашхабада, Баку, Ташкента, Фрунзе, Абакана, Нукуса, Чебоксар, Черкесска, Нальчика, Якутска, Казани, Новосибирска, Уфы, Ферганы, Бухары, Тарту, а также Будапешта.

Были сформулированы новые концепции в изучении языков, памятников и исторического прошлого тюркоязычных народов на основе открытых за последнее время источников, рассмотрены некоторые узловые вопросы историко-филологического изучения памятников и этнической истории тюркских народов. Особое внимание было обращено на необходимость усиления исследования памятников древне- и старотюркской письменности, классификации старотюркских языков и литератур, публикации вновь открытых памятников тюркской письменности, переиздания на новой научной основе некоторых уже изданных памятников. Было обращено также внимание на необходимость повышения общего уровня теоретической подготовки тюркологов.

Работа конференции и повседневная исследовательская практика вновь подтвердили чрезвычайную важность объединения усилий в разработке кардинальных научных проблем тюркологии и периодических встреч ученых для их обсуждения.

Учитывая общественную и политическую актуальность изучения основных проблем тюркологии, связанных с национальным и культурным развитием тюркоязычных республик и автономных областей Советского

Союза, конференция с удовлетворением отмечает реализацию создания всесоюзного органа тюркологов СССР и выход в свет 1-го номера журнала «Советская тюркология».

РЕШЕНИЕ:

1. С удовлетворением отмечая результаты обсуждения научных проблем, связанных с изучением «Кутадгу билиг», участники конференции считают, что проделанная работа открывает новые перспективы исследования в намеченных направлениях.

2. Конференция считает необходимым подготовить к изданию критический текст «Кутадгу билиг», транскрипцию памятника и его русский перевод (работа ведется А. А. Валитовой и Г. А. Абдурахмановым). Конференция приветствует работу над узбекским переводом памятника (К. Каримов).

3. Конференция считает полезным и целесообразным проведение в сентябре—октябре 1971 г. Тюркологического симпозиума в Фергане, посвятив его 900-летию труда Махмуда Кашгари «Дивану лугат-ит-тюрк».

4. Пятую Тюркологическую конференцию в Ленинграде рекомендуется посвятить проблемам огузской группы тюркских языков, а также истории и литературе народов, говорящих на этих языках.

СОДЕРЖАНИЕ

- А. Н. Кононов (Ленинград). Слово о Юсуфе из Баласагуна и его поэме «Кутадгу билиг» 3

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

- Н. А. Баскаков (Москва). Роль уйгуро-карлукского литературного языка Караханидского государства в развитии литературных тюркских языков средневековья 13
- А. М. Щербак (Ленинград). О фонетических особенностях языка «Кутадгу билиг» и древнеуйгурском консонантизме 20
- Э. Р. Тенишев (Москва). «Кутадгу билиг» и «Алтур ярук» 24
- Г. Ф. Благова (Москва). «Кутадгу билиг», «Бабур-наме» и методика историко-лингвистического сопоставления 32
- М. Н. Хыдыров (Ашхабад). Отношение туркменского языка к языку «Кутадгу билиг» 40
- В. И. Асланов (Баку). О лексических параллелях в «Кутадгу билиг» и в азербайджанском языке 43
- Э. И. Фазылов (Ташкент). Лексика «Кутадгу билиг» в Древнетюркском словаре 48
- Г. П. Мельников (Москва). К этимологии отрицания *tegül* 57
- Г. К. Кулиев (Баку). О форме винительного падежа типа *sözin*, *tewesin* в тексте «*Divanü lûgat-it-türk*» Махмуда Кашгари 67
- С. А. Соколов (Москва). Категория числа в турецком литературном языке и ее взаимосвязь со смежными лексико-грамматическими категориями 71

ИСТОРИЯ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- С. Г. Каяшторный (Ленинград). Эпоха «Кутадгу билиг» 82
- Р. А. Гусейнов (Баку). Титулатура и тамга Ильдегизидов (из истории феодальной символики и атрибутики XII в.) 87
- И. В. Стеблева (Москва). Поэтика «Кутадгу билиг» 94
- Л. Ю. Тугушева (Ленинград). Древнеуйгурская поэзия 101
- Х. Короглы (Москва). Алп Эр Тонга и Афрасияб по Юсуфу Баласагуни, Махмуду Кашгари и другим авторам 108
- А. Рустамова (Баку). О некоторых параллелях в «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагуни и средневековой азербайджанской поэзии 116
- Г. А. Абдурахманов (Фергана). К переводу «Кутадгу билиг» на русский язык 120
- Я. С. Ахметгалеева (Казань). Несколько слов о языке «Кисекбаш китабы» 127
- А. Сикалиев (Черкесск). Древнетюркские письменные памятники и ногайцы 131

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- В. Г. Гузев, Н. А. Дулина, Л. Ю. Тугушева (Ленинград). IV Тюркологическая конференция, посвященная 900-летию «Кутадгу билиг» Юсуфа из Баласагуна 136
- Резолюция IV Тюркологической конференции, посвященной 900-летию «Кутадгу билиг» Юсуфа из Баласагуна 141

CONTENTS

- A. N. Kononov (Leningrad). Yusuf from Balasagun and his poem «Kutadgu Bilig» 3

HISTORY AND THEORY OF LANGUAGE

- N. A. Baskakov (Moscow). The role of the Uigur-Karluk literary language of the Karakhanid State in the development of literary Turkic languages of the Middle Ages 13

A. M. Scherbak (Leningrad). On phonetic peculiarities of «Kutadgu Bilig» and Old Uigur consonantism	20
E. R. Tenishev (Moscow). «Kutadgu Bilig» and «Altun Yaruk»	24
G. F. Blagova (Moscow). «Kutadgu Bilig», «Babur-name» and the methods of historic and linguistic contrastive studies	32
M. N. Khydyrov (Ashkhabad). The relation of the Turkman language to «Kutadgu Bilig»	40
V. I. Aslanov (Baku). On lexical parallels in «Kutadgu Bilig» and the Azerbaijanian language	43
E. I. Fazylov (Tashkent). The lexicon of «Kutadgu Bilig» in the Old Turkic dictionary	48
G. P. Melnikov (Moscow). On etymology of «tegül» negation	57
G. K. Kuliev (Baku). On the Accusative form of «sözin, tewesin» type in the text of «Divanü lugat-it-türk»	67
S. A. Sokolov (Moscow). The category of number in the literary Turkic language and its interconnection with related lexical and grammatical categories	71

HISTORY AND LITERARY STUDIES

S. G. Klyashtorny (Leningrad). The epoch of «Kutadgu Bilig»	82
R. A. Guseinov (Baku). The title and tamga of the Ildegizids (from the history of feudal symbol and sign of the XIIth century)	87
I. V. Stebleva (Moscow). Poetry of «Kutadgu Bilig»	94
L. Yu. Tugusheva (Leningrad). The ancient Uigur poetry	101
Kh. Koroglu (Moscow). Alp Er Tonga and Afrasiyab according to Yusuf Balasaguni, Makhmud Kashgari and others	108
A. Rustamova (Baku). On some parallels in «Kutadgu Bilig» by Yusuf Balasaguni and in the medieval Azerbaijan poetry	116
G. A. Abdurakhmanov (Fergana). On the translation of «Kutadgu Bilig» into Russian	120
Ya. S. Akhmetgaleeva (Kasan). Some words on the language of «Kisekbash Kitabı»	127
A. Sikaliyev (Cherkessk). Old Turkic manuscripts and the Nogais	131

SCIENTIFIC LIFE

V. G. Gnsev, N. A. Dulina, L. Yu. Tugusheva (Leningrad). The IVth conference of turkologists dedicated to the 900th anniversary of «Kutadgu Bilig»	136
The resolution of the IVth conference of turkologists dedicated to the 900th anniversary of «Kutadgu Bilig» by Yusuf from Balasagun	141

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, П. А. АЗИМОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. А. ДАДАШЗАДЕ,
С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Н. И. КОНРАД, Г. И. ЛОМИДЗЕ,
Э. В. СЕВОРТЯН, И. С. СЕИДОВ (зам. главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ,
Е. И. УБРЯТОВА, М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор), ЯШЕН КАМИЛЬ
Ответственный секретарь Э. Х. ИБРАГИМОВ

Технический редактор Б. А. Абдуллаев

Корректор А. Е. Сорокина

Рукописи не возвращаются

Сдано в набор 25/XI 1970 г. Подписано к печати 20/I 1971 г. ФГ 10072. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 4,75. Физ. печ. л. 9. Усл. печ. л. 12,5. Уч.-изд. л. 11,3. Заказ № 5327. Тираж 3200. Цена 1 руб.

Адрес редакции: Баку-73, просп. Нариманова, 31.
Типография издательства «Коммунист», ул. Б. Авакяна, 529 кв.